

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 4(112)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.
Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Репин Д. А. — доктор социологических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, врио директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Омск);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

- Chief Editor: Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
- Deputy Chief Editor: Repin D. A.** — Doctor of Science (Sociology), Deputy Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

EDITORIAL COUNCIL

- Bakhtizin A. R.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
- Mezhevich N. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Wolman H.** — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
- Carmen Perez Gonzalez** — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
- Felix Vacas Fernandez** — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

- Akopov S. V.** — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Zaporozhan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 ОРЛОВА И. А., ПАЦЕК М.**
Международно-правовые аспекты борьбы с международным терроризмом: проблемы правового регулирования
- 16 КОРОСТЕЛЕВ С. В.**
Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 27 КРУГЛОВ В. В., ЛАБУДИН А. В., МЕДНИКОВ В. В.**
О некоторых проблемах экономического образования
- 39 КУКЛИНА Е. А.**
Инновационное развитие предприятий нефтегазового комплекса на основе реализации модели максимизации добавленной стоимости
- 53 КОВАЛЕВ С. П., СОРОКОЛЕТОВ П. В.**
Реализация государственного контроля и регулирования в здравоохранении при переходе к цифровой экономике
- 63 КАРАНАТОВА Л. Г., ЕВСЮКОВ А. В.**
Определение групп субъектов социального туризма
- 71 КАЛИНСКИЙ О. И.**
Рекомендации по внедрению модели управления деловой репутацией (гудвиллом) на промышленных предприятиях
- 85 ТОМАЕВ А. О., КАУКИН А. С.**
Моделирование рынка внутренних российских пассажирских авиаперевозок
- 94 ГРИГОРЬЕВА К. Д.**
Инструменты государственной поддержки инновационного развития в Ленинградской области
- 101 КОТКОВА К. Б., ПРОНЯКИНА Е. Д.**
Глобальное управление в деятельности ООН как механизм реализации концепции устойчивого развития

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 108 ЦАЦУЛИН А. Н.**
Можно ли успешно сражаться с коррупцией, перебирая старые четки?
- 116 ГЛУЩЕНКО О. А.**
Опыт лингвистического портретирования современного чиновника
- 124 БАРАБАНОВ А. А., ПРОШИНА Е. М.**
Институциональные проблемы формирования российской модели социального партнерства
- 130 ГОРБАТОВА Н. В., РЯБОВА Т. Г.**
Место детской прессы в государственной информационной политике Российской Федерации: проблемы и перспективы

- 142 МАЛИНИНА С. А.**
К вопросу о динамике процессов взаимодействия «избиратели — СМИ»

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 150 ФИЛОНОВ В. И.**
История взаимоотношений РПЦ и Ватикана в 20-е годы XX века
- 156 ЛЫТКИНА Л. В.**
Национальная модель российской протоглянцевой журнальной периодики XVIII–XIX вв.
- 172 СОСНОВСКАЯ А. М., МАСЛЕЕВА В. В.**
Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга

A LINEA

- 182 РЫБКИН Р. Ю.**
Стратегия США в Центрально-Азиатском регионе

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 ORLOVA I. A., PACEK M.**
International Legal Aspects of Fight against the International Terrorism: Problems of Legal Regulation
- 16 KOROSTELEV S. V.**
Features of the Political and Legal Justification of the Use of Force in Internal Armed Conflicts in Countering Terrorism and Other Violent Manifestations of Extremism

POWER AND ECONOMY

- 27 KRUGLOV V. V., LABUDIN A. V., MEDNIKOV V. V.**
On Some Problems of the Economic Education
- 39 KUKLINA E. A.**
Innovative Development of the Oil and Gas Complex Enterprises Based on Value Added Maximizing Model Realization
- 53 KOVALEV S. P., SOROKOLETOV P. V.**
Government Control and Regulation in Health Care in Digital Economy Epoch
- 63 KARANATOVA L. G., EVSYUKOV A. V.**
Definition of Groups of Social Tourism Subjects
- 71 KALINSKIY O. I.**
Recommendations on Implementing the Model of Business Reputation (Goodwill) Management at the Industrial Enterprises
- 85 TOMAEV A. O., KAUKIN A. S.**
Modeling of the Market of Internal Russian Passenger Air Transportation
- 94 GRIGORIEVA K. D.**
Instruments of State Support of Innovative Development in Leningrad Region
- 101 KOTKOVA K. B., PRONYAKINA E. D.**
Global Governance in the UN Activities as a Mechanism of Sustainable Development Concept Implementation

SOCIETY AND REFORMS

- 108 TSATSULIN A. N.**
Is it Possible to Successfully Combat Corruption by Scanning Old Rosaries?
- 116 GLUSHCHENKO O. A.**
Experience of Linguistic Portraiture of the Modern Official
- 124 BARABANOV A. A., PROSHINA E. M.**
Institutional Problems of the Russian Model of Social Partnership Formation
- 130 GORBATOVA N. V., RYABOVA T. G.**
The Place of the Childish Press in the State Information Policy of the Russian Federation: Problems and Prospects
- 142 MALININA S. A.**
To the Question about the Dynamics of the Processes of Interaction «Voters — the Media»

HISTORY AND CULTURE

- 150 FILONOV V. I.**
History of Relationship of ROC and Vatican in the 20th of the 20th Century
- 156 LYTKINA L. V.**
National Model of Russian Proto-Glamour Magazine Periodicals
of the XVIII–XIX Centuries
- 172 SOSNOVSKAYA A. M., MASLEEVA V. V.**
Economy of Impressions: Reconstruction of Historical Practices
of the Cultural Heritage of St. Petersburg

A LINEA

- 182 RYBKIN R. Yu.**
The US Strategy in the Central Asian Region

Международно-правовые аспекты борьбы с международным терроризмом: проблемы правового регулирования

Орлова И. А.^{1*}, Пацек М.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; * innaorlova@yandex.ru

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; m764074@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ правовых проблем, существующих при регулировании отношений, возникших в результате противодействия актам международного терроризма; исследуются положения российского законодательства и правовые акты ряда зарубежных государств, а также принципы и нормы международного права в области борьбы с терроризмом; выявляются пробелы и противоречия в правовом регулировании в анти-террористической сфере, которые требуют законодательного закрепления и международно-правовой регламентации.

Ключевые слова: международный терроризм, международные преступления, преступления международного характера, универсальная юрисдикция, самооборона, террористическая организация

International Legal Aspects of Fight against the International Terrorism: Problems of Legal Regulation

Orlova I. A.^{a*}, Pacek M.^b

^aSaint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *innaorlova@yandex.ru

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the legal problems existing in the regulation of relations that arose as a result of counteracting acts of international terrorism; the provisions of Russian legislation and legal act of some foreign states, as well as the principles and norms of international law in the field of combating terrorism are being examined; gaps and contradictions in legal regulation in the antiterrorist sphere are revealed, which require legislative consolidation and international legal regulation.

Keywords: international terrorism, international crimes, crimes of international character, universal jurisdiction, self-defense, terrorist organization

Международный терроризм является одной из серьезнейших угроз для современного общества. Акты международного терроризма, направленные в первую очередь против гражданского населения, имеют своей целью устрашение, дестабилизацию, несут страх и неуверенность людей в завтрашнем дне. Какой бы организованной ни была борьба с терроризмом в отдельном государстве, без взаимодействия и сотрудничества с другими государствами она не может стать действительно эффективной. В то же время стоит отметить, что усилия международного сообщества в борьбе с международным терроризмом могут привести к положительным результатам лишь при наличии адекватного международно-правового регулирования, причем желательно, чтобы нормы национального права государств в сфере борьбы с терроризмом

находились в согласовании с нормами международного права. Однако и национальное право государств, и международное право на сегодняшний день не могут в полной мере удовлетворить запросы международного сообщества в области безопасности, и многие вопросы, связанные с правовой регламентацией борьбы с международным терроризмом, остаются, к сожалению, открытыми. Обратим внимание лишь на некоторые из проблем, требующих решения в плоскости правового регулирования.

1. Проблема определения терроризма и международного терроризма

Единого определения терроризма и международного терроризма в международном праве нет. Отмечается, что «международные конвенции стремятся использовать для борьбы с международным терроризмом национальное уголовное право, а не устанавливают соответствующее определение международного уголовного преступления» [9, с. 202].

Терроризм обычно подразделяют на внутренний и международный, однако в правовой литературе можно встретить мнение, что в настоящее время граница между ними становится все более размытой [6, с. 23–32].

В российском законодательстве понятие акта международного терроризма раскрывается в ст. 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная статья подверглась обоснованной критике в правовой доктрине.

Отмечается, что «в диспозиции ст. 361 УК РФ говорится о том, что акт международного терроризма возможен лишь в том случае, если он совершается «вне пределов территории Российской Федерации». Уже по этому признаку террористический акт можно определить как транснациональный, т.е. «происходящий за пределами национальных границ государства». Акт транснационального терроризма — лишь часть, элемент структуры международного, т.е. «распространяющегося на многие народы, интернационального» террористического акта, осуществляемого, возможно, даже в одной стране, но направленного на дестабилизацию международной обстановки, нарушения миропорядка, мирного сосуществования государств и народов, развязывание войны и т.д.» [5, с. 119].

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 126) преступления международного терроризма также связаны с территорией иностранного государства.

Согласно Уголовному кодексу Грузии (ст. 323²) участие в международном терроризме является преступлением, а понятие «международного терроризма» раскрывается в Законе Грузии «О борьбе с терроризмом» от 27 июня 2007 г. как «террористическая деятельность, осуществленная: а) террористами, террористическими группами или террористическими организациями на территории иностранного государства (государств) либо причинившая вред иностранному государству (государствам); б) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства; в) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства либо разных государств, но террористический акт совершен за пределами территорий этих государств».

В уголовных законах иных государств понятие международного терроризма отдельно не дается, а закрепляются составы преступлений терроризма без привязки к отдельной территории государства (например, ст. 419 Уголовного закона Словацкой Республики¹).

Отсутствие единого понимания в международном сообществе понятия «международный терроризм» приводит к тому, что каждое государство самостоятельно опре-

¹ Trestný Zákon 300/2005 Z.z v znení zákona č. 224/2010. URL: http://www.ucps.sk/TRESTNY_ZAKON_slovensky_a_anglicky_PRVA_CAST

деляет составы преступлений международного терроризма и решает вопросы привлечения к ответственности лиц, его совершающих. Единых унифицированных международно-правовых норм по регулированию отношений в данной сфере пока не создано.

2. Проблема квалификации международного терроризма как преступления международного характера или международного преступления

Преступление терроризма традиционно относят к виду преступлений международного характера, ответственность за которое наступает в соответствии с нормами национального права государств. В таком ракурсе преступления терроризма рассматриваются в целом ряде международных договоров¹.

В настоящее время проблемой является выделение из множества преступлений террористической направленности преступлений, которые являются серьезным нарушением норм международного права.

Международный терроризм является деянием, посягающим на мир и безопасность человечества, а преступления международного терроризма могут быть включены в группу преступлений против человечности.

В соответствии с обычным международным правом и международно-правовой доктриной, «Когда анализируемое преступление посягает на общественные отношения по безопасности человечества, угрожает устоям современной цивилизации, имеется международное преступление (преступление против мира и безопасности человечества). При нападении на общественные отношения по взаимодействию и сотрудничеству государств в сфере защиты интересов общества по обеспечению его общественной безопасности и жизнедеятельности международный терроризм является преступлением конвенционным (международного характера)» [4, с. 19–23].

В наиболее общем виде преступления против человечности закреплены в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Устав к преступлениям против человечности относит: убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

¹ Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г.; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1994 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г.; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.; Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.; Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.; Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.; Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.; Международная конвенция по борьбе с захватом заложников 1979 г.; Монреальский протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию 1988 г.; Римская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. и Протокол к ней; Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.; Межамериканская конвенция по борьбе с терроризмом 2002 г. и др.

Статья 7 Статута Международного уголовного суда расширила составы данных преступлений, причем список остался открытым¹.

3. Проблема дефиниции «международная террористическая организация» и вопросы международной правосубъектности

В настоящее время среди государств и в рамках деятельности международных организаций отсутствует единство в понимании «террористической организации», поскольку не выработаны единые критерии, позволяющие признать организацию «международной террористической организацией».

Государство может признать или не признать ту или иную организацию террористической.

Так, Хезболла² признана террористической организацией в Израиле, Канаде, США, Египте, Австралии, Великобритании, частично в государствах ЕС, Лигой арабских государств. Иран и Сирия не признают данную организацию террористической.

ИГИЛ³ признана террористической организацией Россией, Канадой, США, Австралией, Великобританией, Саудовской Аравией, Турцией.

Международной террористической организацией является организация, деятельность которой имеет трансграничную направленность и использующая терроризм как основную тактику в достижении своих целей.

Специальный Трибунал по Ливану отметил, что «по крайней мере в мирное время, обычная норма международного права касательно международного преступления терроризма, сформировалась. Она включает три элемента: совершение преступного деяния (убийство, похищение, захват заложников и поджоги, или угрозу совершения такого акта; намерение посеять страх среди населения (сопровожаемый публичной опасностью), или направленное на то, чтобы прямо или косвенно принудить национальные или международные власти предпринять деяния или воздержаться от них, когда деяние включает транснациональный элемент» [1, с. 76–79].

Проблемой остается единое понимание терроризма в случае вооруженного противостояния.

¹ Для целей настоящего Статута «преступление против человечности» означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно: а) убийство; б) истребление; в) порабощение; д) депортация или насильственное перемещение населения; е) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; ф) пытки; г) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, как это определяется в пункте 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда; и) насильственное исчезновение людей; j) преступление апартеида; к) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

² Хезболла — военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, целью которой является создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана.

³ ИГИЛ (ДАИШ) — «Иламское государство», ранее «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Шама» ставит своей целью создание на территории Сирии, Ирака и Ливана исламского суннитского государства, а в последствии и ведение джихада во всем мире.

Полагаем, что одним из квалифицирующих признаков международной террористической организации выступает несоблюдение норм о правах человека, признанных международным сообществом.

При ведении военных действий с вооруженными силами государства международная террористическая организация не соблюдает нормы международного гуманитарного права, что влечет непризнанием ее законной стороной вооруженного конфликта (как правило, немеждународного характера). Любая воюющая сторона должна соблюдать, как минимум, стандарты, закрепленные в ст. 3 общей для Женевских конвенций 1949 г.

В правовой доктрине высказываются мнения о необходимости применения вооруженными силами государства при борьбе с международными террористическими организациями норм международного гуманитарного права¹. Полагаем, что данное мнение спорно. Лица, участвующие в деятельности международной террористической организации, защищены нормами, составляющими ядро прав человека, однако вряд ли можно говорить о применении в данном контексте норм международного гуманитарного права. Однако стоит отметить, что в отношении антиправительственных сил, ведущих военные действия на территории государства и отвечающие критериям, определенным в ст. 1 Дополнительного Протокола II к Женевским конвенциям 1949 г., применяются нормы международного гуманитарного права, несмотря на возможные случаи использования террористических методов при ведении военных действий. Лица, применяющие подобные методы, нарушают нормы МГП и должны быть привлечены к ответственности в соответствии с действующим международным и национальным правом.

Проблема признания международной террористической организации субъектом международного права неоднозначно решается в правовой доктрине. Вопросы признания международной террористической организации субъектом международного права связаны с проблемой привлечения самой международной террористической организации к международно-правовой ответственности.

Сторонником признания выступает, например, Ларс Маммен [10]. Положения его теории, ограниченной правосубъектности международных террористических организаций, подверглись в отечественной доктрине обоснованной критике [2, с. 112–125].

4. Проблема применения универсальной юрисдикции к преступлениям международного терроризма

Многообразные формы международного терроризма приводят к юрисдикционной проблеме при привлечении к ответственности лиц за данные преступления.

Лица, совершившие преступление международного характера, привлекаются к ответственности в соответствии с нормами национального права, с учетом норм международных договоров.

В отношении ряда преступлений международного характера действует принцип универсальной юрисдикции, который выражается в возможности распространения государством своей юрисдикции на преступления, которые были совершены не на его территории и не его гражданами, а также принцип «выдай или суди».

Договорная универсальная юрисдикция распространяется лишь на некоторые виды преступлений международного терроризма.

¹ Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2009. С. 64. URL: <http://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FAQ/Russian.pdf> (дата обращения: 19.03.2018).

Отмечается, что «основанием универсальной юрисдикции является характер самого преступления (преступление должно нарушать норму *jus cogens*), его масштабы, последствия, а также степень воздействия на интересы международного публичного порядка» [7, с. 38–41].

В международно-правовой доктрине отмечается, что «в случае преступлений международного характера универсальная юрисдикция является сегодня правилом. Она вытекает из всеобщего осуждения этих преступлений, криминализации составляющих их деяний в законодательстве многих государств. Самым ярким примером можно считать пиратство...

Правилom сегодня является универсальная юрисдикция и в отношении международных преступлений. Однако здесь она имеет другое происхождение в отличие от преступлений международного характера, она не требует криминализации в национальном уголовном праве: от ответственности за международные преступления не освобождает то обстоятельство, что национальное право не устанавливает за такое деяние наказания. В этом случае универсальная юрисдикция является видом международной уголовной юрисдикции.

Универсальная юрисдикция вытекает из всеобщего осуждения данного преступления» [7, с. 38–41].

Как отмечает С. В. Глотова, «необходимо расширить закрепление принципа универсальной юрисдикции в Уголовном кодексе и распространить ст. 12 на преступления террористического характера, имеющие серьезный международный характер, а не только закрепленные в международных договорах. Только так можно обеспечить эффективное их пресечение национальными средствами. В отсутствие единой антитеррористической конвенции и единого определения международного терроризма; секторального режима, созданного имеющимися конвенциями; недостаточного универсального охвата, институт универсальной юрисдикции может сыграть определяющую роль в упрочении механизма ответственности виновных лиц и ликвидации безнаказанности за столь опасное деяние. Таким образом, в целях полной реализации ответственности необходимо введение универсальной юрисдикции за преступления международного терроризма, что должно рассматриваться как обязанность государств» [1, с. 79].

Однако на практике с применением универсальной юрисдикции могут возникнуть определенные сложности.

5. Проблема применения к преступлениям международного терроризма международной юрисдикции

Международные преступления (геноцид, преступления против человечности, военные преступления) подпадают под юрисдикцию международных судебных органов в том случае, если государства, создающие подобный орган, специально наделяют его такой компетенцией.

Отечественные правоведы в своих исследованиях высказывают предложения по созданию Международного трибунала по преступлениям международных террористических организаций в качестве вспомогательного органа Совета Безопасности ООН. Как полагает Э. А. Иванов, «К компетенции трибунала должно относиться принятие решений о признании террористических организаций международными террористическими организациями и привлечении их к международной ответственности, а также взаимодействие с государствами и Советом Безопасности ООН. Трибунал не должен рассматривать дела и принимать решения в отношении международно-противоправных деяний государств и уголовных преступлений индивидов» [2, с. 112–125].

Высказываются также мнения о расширении юрисдикции Международного уголовного суда [3].

6. Правовые проблемы, связанные с оказанием помощи государствам в борьбе с международным терроризмом

Необходимо также обратить внимание на проблему квалификации действий террористических организаций как акта агрессии и возможность применения права на самооборону (индивидуальную или коллективную) согласно ст. 51 Устава ООН.

Впервые данная проблема была озвучена после террористических атак 11 сентября 2001 г.

Действия, предпринятые США после атак 2001 г., вскрыли проблему соотношения действий по борьбе с международным терроризмом и принципа невмешательства во внутренние дела государства.

Может ли Совет Безопасности ООН самостоятельно без участия государства принять решение о вмешательстве в ситуацию в случае широкомасштабной борьбы вооруженных сил государства и военизированных структур международной террористической организации?

Если действия террористической организации могут рассматриваться как акт агрессии, то возможно обращение потерпевшего государства за помощью к другим государствам и международным межправительственным организациям.

В то же время государство может обратиться за военной помощью к иным государствам и без квалификации действий террористической организации как акта агрессии. Возможное применение вооруженных сил на договорной основе в иностранном государстве и ведение военных действий вооруженных сил с военизированными структурами международных террористических организаций позволяют утверждать, что борьба с международным терроризмом регулируется не только нормами международного уголовного права, но также переходит в область действия права международной безопасности.

Сотрудничество государств по вопросам оказания помощи в борьбе с международными террористическими организациями предполагает единое понимание критериев международной террористической организации.

Литература

1. Глотова С. В. Универсальная юрисдикция за преступления международного терроризма: понятие, практика государств и предложения по совершенствованию Уголовного кодекса РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 76–79.
2. Иванов Э. А. Международная террористическая организация как потенциальный субъект ответственности по международному уголовному праву // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 112–125.
3. Иванов Э. А. Распространение международной юрисдикции на преступления международных террористических организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/70371058> (дата обращения: 19.03.2018).
4. Иногамова-Хегай Л. В. Международный терроризм как международное преступление против человечности в международном уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1. С. 19–23.
5. Сидоров Б. В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 115–122.
6. Степанова Е. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23–32.
7. Фисенко И. Проблемы универсальной юрисдикции и экстрадиции в международном уголовном праве. Международный уголовный суд в качестве альтернативного решения // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 2. С. 38–41.
8. Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом [Электронный ресурс]. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2009. С. 64. URL:

<http://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FAQ/Russian.pdf> (дата обращения: 19.03.2018).

9. Чернядьева Н. А. Понятие «международный терроризм» в международных соглашениях ООН // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 198–202.
10. Mammen L. Völkerrechtliche Stellung von Internationalen Terrororganisationen. Nomos Verl. Baden-Baden, 2008.

Об авторах:

Орлова Инна Анатольевна, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; innaorlova@yandex.ru

Пацек Максим, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доктор юридических наук; m764074@gmail.com

References

1. Glotova S.V. Universal jurisdiction for crimes of the international terrorism: a concept, practice of the states and suggestion for improvement of the Criminal Code of the Russian Federation // Gaps in the Russian legislation [Probely v rossiiskom zakonodatel'stve]. 2016. N 5. P. 76–79. (In rus)
2. Ivanov E.A. The international terrorist organization as the potential subject of responsibility on the international criminal law // Law. Journal of Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki]. 2012. N 4. P. 112–125. (In rus)
3. Ivanov E.A. Distribution of the international jurisdiction on crimes of the international terrorist organizations [An electronic resource]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/70371058> (In rus)
4. Inogamova-Hegay L.V. The international terrorism as the international crime against humanity in the international criminal law // Bulletin of the Krasnodar University Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation [Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii]. 2017. N 1. P. 19–23. (In rus)
5. Sidorov B.V. New in definition of terrorism, the international terrorism, act of terrorism and the act of the international terrorism and a problem of improvement of the Russian criminal legislation // Messenger of economy, the law and sociology [Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii]. 2017. N 2. P. 115–122. (In rus)
6. Stepanova E. Terrorism: problems of definition and functional and ideological typology // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2010. N 7. P. 23–32. (In rus)
7. Fisenko I. Problems of universal jurisdiction and an extradition in the international criminal law. The International Criminal Court as the alternative decision // Belarusian journal of international law and the international relations [Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii]. 1998. N 2. P. 38–41. (In rus)
8. Frequently asked questions about international legal aspects of fight against terrorism [An electronic resource]. United Nations. New York, 2009. P. 64. URL: <http://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FAQ/Russian.pdf> (In rus)
9. Chernyadyeva N.A. Concept “international terrorism” of the international agreements of the UN // Bulletin of the Saratov State Juridical Academy [Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii]. 2012. N 4 (87). P. 198–202. (In rus)
10. Mammen L. Völkerrechtliche Stellung von Internationalen Terrororganisationen. Nomos Verl. Baden-Baden, 2008.

About the author:

Inna A. Orlova, Associate Professor of the Department of European Researches of the School of International Relations, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; innaorlova@yandex.ru

Maxim Pacek, Associate Professor of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political sciences, Doctor of Science (Jurisprudence); m764074@gmail.com

Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма

Коростелев С. В.

Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

В каждом конкретном случае применения вооруженного насилия возникает вопрос его легитимации, т. е. необходимости заявления обоснования справедливости акта применения силы на языке права.

В общем случае модель правового режима применения силы для противодействия терроризму и иным проявлениям насильственного экстремизма сводится к поиску политического баланса применяемых норм в зависимости от используемых сил, средств и способов поражения: нормы международного гуманитарного права в большей степени применяются при контроле антиправительственными группами части территории государства, а нормы международного права прав человека — при проведении действий «правоохранительного» характера, когда антиправительственные силы такого контроля не осуществляют.

Автором описаны особенности политико-правового режима применения силы во внутренних вооруженных конфликтах, связанных с противодействием терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма:

- существуют важные особенности, объединяющие различные нормы права, применимые к международному вооруженному конфликту и применимые к внутреннему вооруженному конфликту и иным ситуациям насилия;
- существуют суверенные ограничения для применения международного права во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия;
- существуют современные договорные ограничения для применения средств и методов вооруженной борьбы во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия;
- как результат, применяется регулирование с высоким удельным весом обычного международного права и значительным объемом «правоохранительных» норм.

Ключевые слова: применение силы, политико-правовое обоснование, противодействие терроризму, внутренний вооруженный конфликт, международное гуманитарное право, иные ситуации насилия

Features of the Political and Legal Justification of the Use of Force in Internal Armed Conflicts in Countering Terrorism and Other Violent Manifestations of Extremism

Korostelev S. V.

Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges, Saint-Petersburg, Russian Federation; ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

In any specific case of the use of armed violence, the question of its legitimation arises, that is, the need to justify the validity of an act of use of force in the language of the law.

In general, the model of the legal regime for the use of force to counter terrorism and other manifestations of violent extremism converges to a search for a balance between norms applied, depending on the forces, means and methods of warfare used: the norms of International Humanitarian Law are to be applied to a greater extent when antigovernment groups maintain control of a part of territory of a state, International Human Rights Law — in the course of “law enforcement” actions, when antigovernment forces do not exercise such a control.

The author describes the features of the political-legal rationale of the use of force in internal armed conflicts interrelated with countering terrorism and other violent manifestations of extremism:

- there are important peculiarities that unify differing rules of law applicable to the international armed conflict, and applicable to internal armed conflict and other situations of violence;
- there are sovereign restrictions on the application of international law in internal armed conflicts and other situations of violence;
- there are modern agreed restrictions on the use of means and methods of warfare in internal armed conflicts and other situations of violence;
- as a result, joint regulations comprise a highly specific share of customary international law and a significant amount of «law enforcement» norms.

Keywords: use of force, political and legal justification, countering terrorism, internal armed conflict, international humanitarian law, other situations of violence

В пределах своей территории государство имеет безусловное право обращаться к вооруженному насилию для обеспечения правопорядка, поддержания мира и безопасности. В каждом конкретном случае применения вооруженного насилия возникает вопрос его легитимации, т. е. необходимости заявления обоснования справедливости акта применения силы на языке права.

Правовой режим, обеспечивающий защиту прав человека в ситуации внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, является сложным. Это обусловлено тем, что ограничения для применения силы при противодействии международному терроризму и иным проявлениям насильственного экстремизма включают в себя принципы и нормы в сфере защиты прав человека, которые получили развитие после Второй мировой войны: международного права прав человека (далее — МППЧ) и международного гуманитарного права (далее — МГП), применимого в обстоятельствах внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия. Эти отрасли права имеют общие цели, заключающиеся в защите жизни, здоровья и достоинства людей. В ситуациях применения вооруженного насилия, например, для противодействия терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма возникает своеобразный правовой режим, в котором право прав человека является *lex generalis*, а МГП является *lex specialis*, поскольку его применение обуславливается состоянием вооруженного конфликта. Эти два правовых режима взаимодополняют друг друга с той особенностью, что правовой режим МППЧ связывает исключительно государства, а МГП обязывает стороны конфликта, даже если они не являются государствами, но в то же время претендуют на международное признание. Другой существенной особенностью режима является то, что в некоторых обстоятельствах государства могут отступать от норм МППЧ, не выходя за установленные минимальные гуманитарные стандарты, а нормы МГП не допускают отклонения от них.

Источником создания такого режима применения силы при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма явилась эксплицитная ценность справедливости, выраженная в обязанности оценки необходимости и соразмерности применяемой силы, как самим государством, так и сторонними наблю-

дателями. Императивные обязательства в сфере защиты прав человека делают неизбежным обращение государства к определению подходящих к применению норм, т.е. поиску свойств нормативности тех положений права, с помощью которых оценивается приемлемый уровень насилия, — определяется социальная ценность нормы. Через такую оценку социальной легитимации определяется степень подчинения государства общему режиму применения силы и защиты прав человека. Выявление конкретных типичных сходных условий применения права предопределяет основные моменты его социальной ценности. Как справедливо было отмечено Н. В. Варламовой, «Источник любой социальной нормы кроется в сущем: она выражает и закрепляет социально целесообразные модели поведения и устанавливается и/или обеспечивается авторитетной инстанцией...» [1, с. 78].

В общем случае модель правового режима применения силы для противодействия международному терроризму и иным проявлениям насильственного экстремизма сводится к решению важнейшей политической задачи поиска баланса применяемых норм в зависимости от применяемых сил, средств и способов поражения: нормы МГП в большей степени применяются (это будет показано ниже) при контроле антиправительственными группами части территории государства, а нормы МППЧ — при проведении действий «правоохранительного» характера, когда антиправительственные силы такого контроля не осуществляют.

Дело в том, что формирования вооруженных сил государства, предназначенные в основном для решения задач обороны государств, в мирное время могут быть использованы для борьбы с терроризмом на территории как России, так и для пресечения международной террористической деятельности за пределами ее территории¹. Но сама сущность формирований вооруженных сил предопределяется их структурой, ориентированной на решение масштабных задач. В соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»² для проведения контртеррористической операции создается группировка сил и средств, в которую могут включаться подразделения, воинские части и соединения Вооруженных Сил Российской Федерации, которые неизбежно применяют штатную боевую технику, оружие и специальные средства. Точечная же деятельность по устранению террористической угрозы может быть решена правоохранительными органами и силами обеспечения безопасности: подразделениями федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами безопасности, обороны, внутренних дел, юстиции, гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, и др.³, но при поддержке их формированиями вооруженных сил.

В любом случае во внутренних вооруженных конфликтах⁴ деятельность данной группировки — государственных вооруженных формирований⁵, находящихся под

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976), п. 32 (о) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70830556/> (дата обращения: 22.11.2017).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения: 22.11.2017).

³ Статья 9 п. 3, ст. 13, пп. 2, 3.

⁴ Определим «Внутренний вооруженный конфликт» (вооруженный конфликт немеждународного характера) — вооруженный конфликт, происходящий на территории какого-либо государства между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять нормы международного гуманитарного права.

⁵ Определим «Государственные вооруженные формирования» — любые организованные вооруженные формирования, относящиеся к вооруженным силам государства, силам обе-

единым командованием, должна осуществляться в соответствии с принципами, определенными в ст. 2 вышеупомянутого закона. В их число входят: обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; законность; соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности, и др.

Случаи нарушения общественного порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, такие, как внутренние беспорядки¹, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты схожего характера МГП не относит к внутренним вооруженным конфликтам.

На практике во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия чаще, чем в международном вооруженном конфликте, встречаются ситуации, которые не регулируются международными договорами, но способ разрешения которых может быть определен обычным международным правом². Причем нормы обычного права, применимого к внутренним вооруженным конфликтам и иным ситуациям насилия, имеют больший объем и вес относительно возможных к применению положений договорного права.

Противодействие террористическим группам может осуществляться как в условиях международного или немеждународного вооруженного конфликта (например, гражданской войны, восстания или мятежа), так и вне его контекста, в ситуациях, которые в обычном МГП получили определение как «иные ситуации насилия»³.

Таким образом, международные обязательства государств определяют необходимость принятия политически целесообразного решения по выбору правового режима применения силы при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма. Решение о масштабе применения силы (формирований вооруженных сил или сил охраны правопорядка или безопасности), в свою очередь, определяется оценкой руководством государства возможностей нести международную ответственность за последствия превышения «необходимого» и «соразмерного» уровня насилия, которая неизбежно будет присвоена международным сообществом.

Вследствие этого при разработке модельных правил применения силы, которым должны следовать государственные вооруженные формирования, необходимо учитывать ряд особенностей правового режима, определяющего возможность присвоения государству международной ответственности и ее объем.

спечения правопорядка и безопасности, находящиеся под командованием лиц, ответственных за действия своих подчиненных, и выполняющие задачи по обеспечению национальной безопасности государства.

¹ *Внутренние беспорядки* — ситуации серьезной или длительной внутренней конфронтации, которые не перерастают в открытую вооруженную борьбу. Они могут включать в себя акты насилия — от отдельных стихийных актов неповиновения до масштабных, продолжительных и интенсивных действий групп, находящихся на различных стадиях организованности, против действующего порядка государственного управления или между собой. В таких ситуациях органы государственного управления могут использовать значительные силы органов обеспечения правопорядка и безопасности и даже формирования вооруженных сил для обеспечения безопасности государства. Так как вооруженный конфликт отсутствует, то применяется не МГП, а внутреннее национальное законодательство и международное право прав человека.

² Например, не все государства-участники Содружества Независимых Государств связаны положениями Дополнительного протокола II 1977 г. (например, Азербайджанская Республика не участвует в режиме, установленном протоколом), но в своих взаимных отношениях они обязаны следовать нормам международного обычного права в сфере защиты прав человека.

³ *Иная ситуация насилия* — ситуация, приводящая к значительным гуманитарным последствиям, в том числе, при проведении миротворческих, контртеррористических, правоохранительных операций, но ее правовой режим не позволяет квалифицировать ее как вооруженный конфликт.

1. Первая особенность: существуют важные нормы, объединяющие право, применимое к международному вооруженному конфликту, и право, применимое к внутреннему вооруженному конфликту и иным ситуациям насилия.

Основополагающие принципы МГП, как общее право, являются основой для ограничения насилия как в международных, так и немеждународных вооруженных конфликтах. Базовые правила являются общими как для международного, так и для немеждународного вооруженного конфликта, и в равной мере для иных ситуаций насилия.

Независимо от ситуации применения вооруженных формирований и характера вооруженного конфликта — его масштаба, продолжительности и интенсивности — должны соблюдаться ряд базовых правил, в частности касающихся гуманного обращения с задержанными.

Основу таких базовых правил составляет Статья 3¹, общая для всех четырех Женевских конвенций 1949 г. (далее — Общая Статья 3).

Правила применения силы против непривилегированных воюющих содержатся в нормах права, применимых как к международным, так и немеждународным вооруженным конфликтам и по своей сущности они не имеют значительных различий.

2. Вторая особенность: существуют важные различия между правом, применимым к международному вооруженному конфликту, и правом, применимым к внутреннему вооруженному конфликту и иным ситуациям насилия.

Суверенные и территориальные ограничения, содержащиеся в нормах международного гуманитарного права, регламентирующих международные вооруженные конфликты, отражают общие концепции (например, гражданства и территориального верховенства), которые препятствуют непосредственному применению этих правил для регламентации применения силы в ходе внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия. Например, задержанным лицам не предоставляется статус «военнопленного» в соответствии с положениями Конвенции о содержании военнопленных 1929 г.², или «лица, имеющего право на защиту в качестве военнопленного» в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительным протоколом к ним, касающимся защиты жертв международных вооружен-

¹ «В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять как минимум следующие положения:

1. Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев. С этой целью запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:
 - а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания,
 - б) взятие заложников,
 - в) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение,
 - г) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.
2. Раненых и больных будут подбирать, и им будет оказана помощь...

Применение предшествующих положений не будет затрагивать юридического статуса находящихся в конфликте сторон».

² [Электронный ресурс]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/305?OpenDocument> (дата обращения: 25.11.2017).

ных конфликтов (Дополнительный протокол I 1977 г.)¹. Таким образом, даже если допустить, что по духу положения конвенций правила могут считаться применимыми к внутренним вооруженным конфликтам и иным ситуациям насилия, то на практике ограничения, основанные на гражданстве лиц, участвующих в конфликте, ограничивают применение многих их положений, поскольку участники конфликта не являются Сторонами договора. Но в любых таких обстоятельствах будут применяться основополагающие принципы, гарантирующие гуманное обращение (например, Общая статья 3). Аналогичным образом, суть военной оккупации заключается в том, что она должна осуществляться на территории противника, поэтому общепризнанные правила оккупации не могут применяться к внутренним вооруженным конфликтам и иным ситуациям насилия.

Так, например, при применении принципа различия следует учитывать большее многообразие обстоятельств, которые обычно возникают в внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия по сравнению с международными вооруженными конфликтами, что отражено в международной правовой концепции «непосредственного участия в боевых действиях»². Во-вторых, государства имеют в своем арсенале значительно больше политико-правовых средств для влияния на непривилегированных комбатантов, — своих граждан, чем на граждан вражеского государства во время международного вооруженного конфликта.

3. Третья особенность: существуют суверенные ограничения для применения международного права для регулирования применения вооруженного насилия во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия.

В некоторых случаях могут существовать важные существенные различия между правилами, применимыми в международном вооруженном конфликте, и правилами, применимыми в внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия.

В некоторых случаях государственным вооруженным формированиям, противодействующим террористическим группам, приходится руководствоваться лишь сущностью общей нормы, которая предназначена к применению во время международного вооруженного конфликта. Это создает сложности, поскольку применение силы в условиях стресса боевых действий должно быть четко регламентировано и не допускать возможностей широкого толкования.

Такое состояние регулирования обусловлено тем, что в процессе развития МГП, его нормы следовали развитию системы межгосударственных отношений, пониманию присущего данной эпохе содержания концепции суверенитета. Для ограничения вмешательства в свои внутренние дела государства ожидали от своих противников обязанности следования узкому буквальному толкованию любых договорных положений. Отчасти именно это объясняет, что развитые договорные положения, применимые к международному вооруженному конфликту, считаются не применимыми к внутренним вооруженным конфликтам и иным ситуациям насилия. Например, из всего объема положений Женевских конвенций 1949 г. только лишь Общая статья 3 применяется к немеждународному вооруженному конфликту, но как норма обычного права.

Применение одних и тех же регулирований к международным и внутренним вооруженным конфликтам будет иметь субъективный, а следовательно, политизированный характер. А современные конституционные обязательства государств

¹[Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 25.11.2017).

² Мельцер Н. Непосредственное участие в военных действиях. Руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права. МККК, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://shop.icrc.org/guide-interpretatif-sur-la-notion-de-participation-directe-aux-hostilites-en-droit-international-humanitaire-2593.html> (дата обращения: 23.11.2017).

по защите прав человека требуют зачастую того, чтобы правила применения силы во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия должны быть более ограничивающими, чем даже требования применимого обычного и договорного международного права в международном вооруженном конфликте.

4. Четвертая особенность: существуют современные договорные ограничения для применения средств и методов вооруженной борьбы во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия.

В ходе внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуациях насилия государство продолжает быть связанным договорными обязательствами в области защиты прав человека, применимость которых может зависеть от множества факторов, например, от условий соответствующего договора и от того, насколько «правомерно» (оценка всегда дается другими международными акторами) государство осуществило отступление от его положений в связи с чрезвычайной ситуацией. Например, применимость договорного обязательства в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г.¹ в отношении какого-либо лица может определяться, во-первых, тем, находится ли это лицо в пределах зоны конфликта. Во-вторых, в ситуациях вооруженного насилия нормы МГП являются *lex specialis* и, следовательно, должны находиться на вершине иерархии применяемых нормативных актов. То есть, существо спора о применимом праве заключается в том, как государство устанавливает своими актами территорию конфликта, и определяет ли оно вообще существование конфликта как такового, и, соответственно, степень согласия с этим других международных акторов.

Относительно незначительное число международных договоров в сфере международного гуманитарного права, которые не предназначены явным образом для регламентации насилия в ходе немеждународных вооруженных конфликтов, имеют положения, которые можно непосредственно применять к регламентации внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия ввиду их императивности:

- Женевские конвенции 1949 г. (Общая статья 3);
- Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.;
- Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г., включая протоколы I, II, III, IV и V².

Ряд международных договоров в сфере международного гуманитарного права, в которых не все государства-участники СНГ являются Сторонами, имеют положения, применимые к «вооруженному конфликту, не имеющему международного характера» и положения которых, тем не менее, должны исполняться ввиду их обычного характера. К их числу относятся:

- Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Дополнительный протокол II 1977 г.)³;
- Римский статут Международного уголовного суда⁴.

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 11.12.2017).

² [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 13.12.2017).

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 13.12.2017).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/rome_statute.pdf (дата обращения: 13.12.2017).

Именно в нормах вышеприведенного Дополнительного протокола II в ст. 4 определяются основные гарантии защиты жертвам внутренних вооруженных конфликтов¹.

Некоторые международные договоры, не относящиеся непосредственно к сфере регулирования внутренних вооруженных конфликтов, могут также применяться для квалификации действий сторон. Например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.² непосредственно не регулирует ведение немеждународных вооруженных конфликтов, но определяет, что акты геноцида являются преступными независимо от того, совершаются ли они в мирное или военное время, и независимо от того, совершены ли они лицами, которые являются «ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами».

В Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания³ признается, что «никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток». Таким образом, существование состояния внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия не может служить оправданием для пыток.

Запреты и ограничения, содержащиеся в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г.⁴ и в Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г.⁵ эффективно предотвращают использование таких видов оружия государствами в немеждународных вооруженных конфликтах.

Кроме того, обязательства, закрепленные в Факультативном протоколе 2000 г.⁶ к Конвенции о правах ребенка 1989 г.⁷, касающиеся участия детей в вооруженных конфликтах, также косвенно касаются немеждународного вооруженного конфликта.

¹ «1. Все лица, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет, имеют право на уважение своей личности, своей чести, своих убеждений и своих религиозных обрядов. При всех обстоятельствах с ними обращаются гуманно и без какого-либо неблагоприятного различия. Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых.

2. Без ущерба общим положениям, указанным выше, запрещаются и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте следующие действия в отношении лиц, упомянутых в пункте 1: а) посягательство на жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние лиц, в частности, убийства, а также такое жестокое обращение, как пытки, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний; б) коллективные наказания; в) взятие заложников; г) акты терроризма; д) надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме; е) рабство и работорговля во всех их формах; ж) грабеж; з) угрозы совершить любое из вышеуказанных действий».

² [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 15.12.2017).

³ [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 15.12.2017).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/chemweapons.pdf (дата обращения: 17.12.2017).

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/convention-biological-weapons-100472.htm> (дата обращения: 17.12.2017).

⁶ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/treaties-children-protocol-060900.htm> (дата обращения: 17.12.2017).

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/treaties-children-convention-201189.htm> (дата обращения: 19.12.2017).

5. Пятая особенность правового режима мер по противодействию терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма заключается в применении регулирования с высоким удельным весом обычного международного права.

Многие нормы, применимые во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия, имеют обычный характер, вследствие, как минимум, того, что государства ревностно относятся к вмешательству извне в свои внутренние дела, что привело к заключению ими значительно меньшего числа договоров в соответствующей сфере международного гуманитарного права.

При отсутствии специального договорного регулирования в сфере применения силы при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма основой для правил применения силы в случае внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия являются основополагающие принципы международного гуманитарного права.

При исследовании возможности применения нормы в соответствии с общими принципами юридического толкования, если в ней установлены конкретные обстоятельства или условия, в которых она может быть применена, очень часто может выясниться, что толкуемое правило может быть применено в иных обстоятельствах или условиях. Например, если договор устанавливает ограничения для применения силы в международном вооруженном конфликте, но не предусматривает такого ограничения для внутренних вооруженных конфликтов, то это «упущение», определенным образом, не отражает мнения государств о том, что такие ограничения не должны быть применимы во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия, если такое применение нормы соответствует общим интересам.

В ряде ситуаций возможно применение правил международного гуманитарного права по аналогии. Если какое-либо действие не запрещается применимым к международному вооруженному конфликту правом, оно, как правило, не будет запрещено правом, применимым к внутренним вооруженным конфликтам. Например, аналогичные положения Конвенции о содержании военнопленных 1929 г.¹ и Конвенции (III) об обращении с военнопленными 1949 г.² могут быть полезны для понимания базовых стандартов международного права для содержания под стражей, поскольку нормы, применимые ко всем задержанным во время вооруженного конфликта (например, Общая статья 3 Женевских конвенций 1949 г.), не являются более благоприятными, чем обращение и защита, применимые к военнопленным и гражданским интернированным лицам, содержатся в вышеприведенных конвенциях. Таким образом, в некоторых случаях может быть целесообразным осуществлять меры по задержанию и содержанию лиц в ходе внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия по аналогии с интернированием военнопленных в ходе международного вооруженного конфликта или по аналогии с интернированием защищаемых лиц на оккупированной территории.

6. Шестая особенность правового режима мер по противодействию международному терроризму и иным проявлениям насильственного экстремизма заключается в неизбежном применении значительного объема «правоохранительных» норм.

Нормы МГП, применимые к внутренним вооруженным конфликтам, как правило, находятся в корреляции с базовыми минимальными правилами обращения, которые государства обязаны уважать даже в отношении преследуемых за совершение обще-

¹ [Электронный ресурс]. URL <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> (дата обращения: 19.12.2017).

² [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml (дата обращения: 19.12.2017).

уголовных преступлений. Таким образом, если действие запрещается в соответствии с национальными правоохранными нормами большинства государств, оно, вероятно, будет признаваться таковым как факт обычного международного права, применимого в ходе внутренних вооруженных конфликтов.

Применение каких-либо гуманитарных правил к антиправительственным вооруженным группам не влияет на их правовой статус. Например, решение государства применять гуманитарные нормы в военных действиях против такой группы не подразумевает ни неявного признания правительства, которое такая вооруженная группа намерена установить, ни признания легитимности ее целей. Такое решение также не подразумевает предоставления членам вооруженной группы какого-либо юридического иммунитета от судебного преследования. Принцип, согласно которому применение гуманитарных правил к вооруженной группе, не влияет на правовой статус этой вооруженной группы, признается в ряде договоров, например, в Общей статье 3 Женевских конвенций 1949 г. Кроме того, в соответствии с условиями Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г.¹ и/или дополняющих ее Протоколов, применение их положений к сторонам в конфликте, которые не являются Высокими Договаривающимися Сторонами, принявшими данные документы, ни в явном виде, ни подразумевается, не изменяет ни их юридического статуса, ни юридического статуса территории, на которой происходит конфликт. Также ясно определенные положения Конвенции о защите культурных ценностей 1954 г.², относящиеся к внутренним вооруженным конфликтам, не затрагивают правового статуса конфликтующих сторон.

Нормы МГП могут оказывать сдерживающее влияние на антиправительственные и другие противостоящие государствам вооруженные группы. В положениях договоров в сфере МГП, равно как и правила обычного МГП, которые касаются внутренних вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, предусматривается, что они применяются не только к государству, но и к каждой из сторон конфликта. Во многих случаях эти положения из практических соображений также должны обладать обязательной силой для противостоящих государств вооруженных групп в качестве норм обычного международного права. Такие группы часто будут связаны теми же международными обязательствами, что и государства, поскольку их руководители хотели бы претендовать как на законное представление в отношениях с государством, против которого они применяют силу, так и на международное признание.

Таким образом, в случае контроля какой-либо территории антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия, для лица, принимающего решение об обосновании применения силы, целесообразная модель поведения должна заключаться в пользу учета большего веса норм МГП, применимого в случае вооруженных конфликтов немеждународного характера.

В случае если вооруженные группы не соответствуют критериям территориальности и ответственности, установленным Дополнительным протоколом II 1977 г., то предпочтение должно отдаваться правоохранным регулированию.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/treaties-csw-101080.htm> (дата обращения: 20.12.2017).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения: 26.12.2017).

Литература

1. Варламова Н. В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 76–115.

Об авторе:

Коростелев Станислав Валентинович, Ответственный секретарь Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ksv1@iacis.ru

References

1. Varlamova N.V. *Normatism of Law: Problems of Interpretation*. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. N 4/2013. P 76–115. (In rus)

About the author:

Stanislav V. Korostelev, Executive Secretary of the Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; ksv1@iacis.ru

О некоторых проблемах экономического образования

Круглов В. В.^{1, 2}, Лабудин А. В.^{3*}, Медников В. В.^{1, 4}

¹Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Labudin59@mail.ru

⁴Северо-Западный институт повышения квалификации Федеральной налоговой службы России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются ключевые проблемы обеспечения исторической составляющей в подготовке экономистов и менеджеров в целом и отдельных экономических дисциплин в частности. Вскрываются недостатки в современном экономическом образовании, тесно связанные с ограничением исторической подготовки. Рассматриваются также некоторые методические вопросы преподавания исторических экономических дисциплин.

Ключевые слова: история экономики, история экономической мысли, история конкретных экономических наук, история отраслевых экономических наук, образовательный стандарт, лекция, семинар

On Some Problems of the Economic Education

Kruglov V. V.^{a, b}, Labudin A. V.^{c*}, Mednikov V. V.^{a, d}

^aSaint Petersburg State Forest Technical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^bSaint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

^cRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *Labudin59@mail.ru

^dNorth-West Institute of professional development of Federal Tax Servants of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In this article key problems of ensuring of historical component in training of economists and managers as a whole and separate economic subjects specifically are discussed. The shorts in the contemporary economic education, that are closely associated with historical training limiting, are covered. Some methodic issues of teaching of the historical and simultaneously economic subjects are discussed also.

Keywords: history of the economy, the history of the economic thought, the history of concrete economic sciences, the history of branch economic sciences, the educational standard, lecture, seminar

В системе высшего профессионального образования в последние четверть века произошли столь масштабные изменения, которых в «нормальных условиях» хватило бы на целое столетие. По некоторым параметрам российская высшая школа преодолела свое отставание от сложившихся западных образовательных стандартов, переняла, не всегда удачно, опыт организации учебного процесса, новый инструментарий учебно-методической работы, освоила основные навыки использования компьютерной техники. Есть немало доказательств тому, что новое поколение специалистов с высшим экономическим и техническим обра-

зованием, полученным в России, мало чем отличается от своих зарубежных коллег, конечно, при условии, что выпускники российских вузов учились добросовестно и прилежно.

Конечно, есть и отрицательные моменты: фаворитизм, социальная коррупция, особые условия для «контрактников» и прочее. Наряду с использованием положительного опыта организации учебного процесса в западных высших учебных заведениях, имеет место и некритическое перенесение весьма спорных моментов. К их числу можно отнести, например, особое внимание преподаванию учебных дисциплин, имеющих практическое прикладное значение, зачастую во многом дублирующих друг друга; непрерывное сокращение учебных часов на преподавание курсов экономико-теоретического и историко-экономического цикла. Как показывает практика использования ЕГЭ, данная система ориентирует выпускников школ на облегченное восприятие материала дисциплин, выносимых на ЕГЭ, и второстепенное внимание к другим дисциплинам. Доказательством такого явного перекоса явились письменные диктанты по русскому языку и письменные работы по географии, проведенные в стране в последние годы.

Причина этого, к глубокому сожалению, кроется в снижении общего уровня грамотности по русскому языку и по географии. Увы, даже в очень популярных СМИ, в рекламных роликах и объявлениях, а также в информации в бегущей строке все чаще можно заметить грамматические ошибки и неудачные стилистические обороты. Очевидно, недостаточное знание грамматики русского языка и географии начало настолько явно проявляться в действиях официальных лиц и организаций, что заставило обратить на это внимание. Известно, что не очень корректное знание географии характерно и для западной системы образования. На Западе появился термин: «новая безграмотность», т. е. лица, окончившие школу, на каком-то этапе своей жизни утрачивают даже элементарные навыки грамотности. Вот это — проявления невнимания к таким дисциплинам, которые призваны формировать общий уровень культуры, а оно, к сожалению, было заимствовано и нами.

Школьное и вузовское образование — этапы единого образовательного процесса. Идеология нынешнего реформирования — прагматическая ориентация (отнюдь не на развитие личности). Отсюда внедрение специализации в школьном образовании (так называемая профориентация). ЕГЭ с его акцентом на ограниченное число избранных дисциплин является «логической» ступенью к последующему исключению «лишних» (например, исторических и географических дисциплин) и увеличению объемов преподавания прикладных и экономико-математических дисциплин.

Не менее плачевно обстоят дела с исторической грамотностью. Знание истории у нас свелось к запоминанию дат и имен, а это ведет к неполноценному пониманию исторических процессов. В ходе так называемого «реформирования» народного образования в целом и высшего образования, в частности, был взят курс на резкое сокращение дисциплин гуманитарного цикла в целом, сужение возможностей для получения высшего экономического и высшего юридического образования под предлогом «эко вас развелось тут». Объективная основа для увеличения количества специалистов экономистов и юристов обусловлена самим процессом перехода России к рыночной экономике, начавшимся на рубеже 80–90-х годов XX в. Однако вместо продуманной стратегии в этом секторе высшей школы «реформаторы» образования действовали примитивно рыночным способом — удовлетворить возникший спрос посредством массового коммерческого предложения образовательных «услуг».

Опасения в «перепроизводстве» экономистов и юристов, увы, реальны, но в этом сама российская высшая школа не виновата, а виноваты те наши либе-

ральные реформаторы, которые открыли шлюзы перед коммерческими образовательными структурами, также разрешив государственным вузам вводить контрактное обучение по непрофильным для них образовательным направлениям и специальностям. Наши либеральные реформаторы сами вначале создают типовые ситуации, а затем тщатся найти виновников собственной безответственности и недомыслия.

Историю своей страны, своего народа, как и основные вехи всемирной истории, должен знать каждый человек, претендующий на звание образованного. Но вот специалистам с высшим экономическим (равно как и юридическим) образованием некий оптимальный или хотя бы минимальный уровень историко-экономических знаний жизненно необходим. Такой минимум абсолютно необходим для лиц, облеченных властными полномочиями. Если посмотреть перечень различных проектов законов, уже принятых законов, то в глаза бросается элементарное незнание исторических параллелей нашего нынешнего времени и совсем недавнего прошлого нашей страны и других стран, опытом которых мы иногда очень некритично пользуемся.

Нехватка исторических знаний ощущается в учебниках по различным отраслям экономических знаний. Есть, например, очень неплохой учебник по планированию и прогнозированию. В нем очень подробно расписаны все составляющие элементы планирования на различных уровнях хозяйственной жизни. Но вот беда: нет ни слова о необходимости применять историко-экономическую экспертизу разрабатываемых решений. А это, согласимся, очень помогло бы избежать многих просчетов и ошибок. Возьмем, например, неоднократные попытки власть имущих добиться вытрезвления народа, которые заканчивались всегда печально. Однако стремление осталось. Уже никак два года действует «мягкий» антиалкогольный режим: не ранее 11 и до 22 часов. И каков результат? А нет никакого результата, и быть его не может. Но отчитаться можно. Куда больше всяких законов приносит результат воспитательно-разъяснительная работа. Показ алкогольных физиономий и нагло-хамских автоводителей куда более эффективно отвращает молодежь от увлечения алкоголем, чем самые строгие штрафы и запреты. Всякий запрет рождает нездоровый интерес к тому, что запрещают. Итак, прежде чем запрещать, нужно посмотреть «в историю», к чему приводят запреты.

Здоровый образ жизни нужно просто показывать, а не читать утомительные поучения и сентенции. И рядом со здоровым образом жизни, по контрасту, показывать картины нравственного, духовного падения, растления и скотства. И не в кино, а из реальной жизни. Очень полезно обращаться и к истории загулов так называемых «хозяев жизни» из прошлых эпох и на этом фоне давать назидательные примеры «первоначального распутства» современных олигархов и чиновничьей знати. Как знать, может быть исторический конец этим проявлениям нынешних представителей «скромного обаяния буржуазии» положит трезвый анализ современного чрезвычайно сложного этапа мирового развития.

Кстати, история экономической мысли в высокой степени нацеливает на производительное, а не расточительное поведение экономических субъектов, включая людей как индивидуумов, в условиях рыночной экономики. Не случайно, изучение истории экономической мысли начинается с изучения религиозной экономической мысли, в первую очередь (по хронологии) — христианской. А известно, что по поводу стремления к роскоши говорил Спаситель. Приведем рассказ из Евангелия от Луки. «И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле (Лк. 12:16); И он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих (Лк. 12:17). И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое (Лк. 12:18). И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся,

ешь, пей, веселись (Лк. 12:19). Но Бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? (Лк. 12:20). Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет (Лк. 12:21). И сказал ученикам Своим: посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться (Лк. 12:22): Душа больше пищи, а тело — одежды (Лк. 12:23)».

А вот, что сказано в соборном послании Святого апостола Иакова: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих (на вас) (Иак. 5:1). Богатство ваше сгнило и одежды ваши изъедены молью (Иак. 5:2). Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни (Иак. 5:3). Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа (Иак. 5:4). [Святой апостол Иаков говорит почти теми же словами, что и Карл Маркс в седьмом отделе I тома «Капитала». — *Прим. авторов*]. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напитали сердца ваши, как бы на день заклания (Иак. 5:5)». [Почти слова «Интернационала»: И если гром великий грянет над сворой псов и палачей, Для нас все так же солнце станет сиять огнем своих лучей! — *Прим. авторов*]. В 1990-е годы «потребительский капитализм», с уточнением, что слишком узок был, да и остается круг этих потребителей, стал в России практически государственной, во всяком случае национальной, доктриной.

Историко-экономический опыт и знание необходимы для высококачественной профессиональной деятельности в сферах государственной и предпринимательской организации и управления. Принципиальными выводами экономической истории и теории являются: комплексность оценки последствий принимаемых решений; доминирование в политике общественного интереса в сочетании с частным при его подчиненном положении по отношению к общественному. Именно на этих основаниях вели преподавание ведущие профессора — экономисты-историки ЛФЭИ-СПбГУЭФ — П. И. Заррин, Т. К. Пажитнова, В. Ф. Цага, И. М. Бобович. Принципиальные положения историко-экономического опыта являются особенно актуальными для современной России. Напротив, игнорирование историко-экономического опыта сопровождается разрушительными экономическими, социальными, политическими и культурными последствиями в обществе.

В последнее время резко уменьшается объем часов, отводимых на историко-экономические дисциплины: Историю экономики (Историю народного хозяйства), Историю экономических учений (Историю экономической мысли), Историю экономики и экономической мысли. В Федеральных государственных образовательных стандартах 3+, недавно утвержденных приказами Министерства образования и науки РФ, выбор дисциплин отдан на решение ученым советам и ректоратам высших учебных заведений. Однако при этом выборе вузы должны руководствоваться утвержденными министерством наборами компетенций. Соответствующих компетенций, отражающих знания историко-экономических дисциплин и умения применять их в аналитической деятельности, нет ни в стандарте подготовки бакалавров по направлению «Экономика», ни в стандарте подготовки бакалавров по направлению «Менеджмент». Исторический максимум, допускаемый стандартом высшего экономического образования, это — «общекультурная компетенция» бакалавра — способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (Общекультурная компетенция, ОК–2).

Развитие общественного мировоззрения индивида является органической составляющей самого процесса образования, и такие навыки должны быть присущи выпускнику высшей школы любой сферы деятельности. Ограничение исторической

части подготовки экономистов формированием «общекультурной компетенции» является методологически несостоятельным, теоретически и практически ошибочным, влекущим отсутствие системного социально-экономического знания выпускников вуза.

«Общекультурная компетенция» не дает ответа на вопросы: во-первых, какова роль экономики в развитии общества? Во-вторых, какова взаимосвязь между культурой и экономикой; является ли сама экономика частью общей культуры общества? В-третьих, развитие общества и экономики — это исторический процесс, проходящий определенные этапы (античность, средневековье, современность). Какие факторы определяют содержание и смену периодов? В-четвертых, какие черты исторического прошлого имеют место в наши дни и формируют сложную структуру современной экономики? Получить ответы на эти вопросы без историко-экономической подготовки невозможно.

Ответы на эти вопросы, во-первых, определяют роль и значение профессии экономиста в обществе; во-вторых, содержание его образовательной подготовки, культуру его экономического мышления. Формирование профессиональной культуры современного экономиста невозможно без историко-экономического образования, поскольку сам предмет применения его знаний (будь то деятельность фирмы или хозяйство страны) есть результат исторического процесса, сложившегося вследствие взаимодействия различных факторов (экономических, политических, религиозных, правовых, философских). Игнорируя историю хозяйства и экономической мысли, авторы ФГОС высшего образования сознательно стремятся трактовать экономическую сферу деятельности вне определенной культурно-исторической среды, национальных особенностей, социальных и политических интересов.

Тем самым расчищается почва для трактовки базовой экономической дисциплины в виде «Economics», как универсальной экономической теории, свободной от социального содержания. Игнорирование историко-экономического образования исключает необходимость признания и понимания национально-особенного в формировании экономической теории и экономической политики. Следствием устранения историко-экономического подхода в образовании экономиста является подмена самостоятельности экономического мышления заимствованием зарубежных (главным образом американских) интерпретаций и рекомендаций как наиболее «прогрессивных» и «эффективных» в экономической сфере.

Закономерным результатом, в буквальном смысле слова, упорного игнорирования дисциплин историко-экономического цикла является низкий уровень экономического мышления, проявляющийся в сфере государственного управления и средствах массовой информации. Самым наглядным примером прямого следования зарубежным рекомендациям является политика широкомасштабной приватизации в России 1990–2000 гг., продолжающаяся, правда в значительно меньших объемах, и поныне, отбросившая страну на десятки лет назад, сопровождавшаяся депопуляцией, разрушением промышленного потенциала страны, растущим социально-экономическим неравенством населения и регионов.

Конечно, в преподавании историко-экономических дисциплин, как и в любом деле, необходимо понимать динамизм современной эпохи, новые возможности пополнения и поиска знаний в информационной бездне «Internet». В этой сети можно найти не только самые разнообразные факты, но и самые разнообразные варианты их истолкования. И конечно, нужен откорректированный методический инструментарий не только преподавания историко-экономических дисциплин, но и постоянное соотношение материала этих дисциплин с явлениями современности, в показе того, как арсенал исторических знаний можно использовать и в экономической работе на разных уровнях хозяйственной жизни, и в общественно-политической жизни, и в определении позиций самих конкретных индивидов.

К каким негативным последствиям приводит, по нашему мнению, отказ от исторической составляющей экономического образования?

Во-первых, игнорируется опыт экономической практики, накопленный в ходе истории, включая разнообразие методов и форм экономической политики в различных условиях. Достаточно вспомнить спор о соотношении политики протекционизма и свободы торговли, решение которого всегда является конкретно-историческим.

Во-вторых, утрачивается исторический взгляд на действительность, если он успел у кого-либо возникнуть в ходе обучения в школе и в процессе изучения общей истории в вузе. То, что студент видит в настоящее время, представляется ему бывшим всегда. Будущий бакалавр не в состоянии вскрыть корни (видеть истоки) текущих процессов и явлений в области экономики, а значит и общественной жизни в целом. Изучение историко-экономических дисциплин закрепляет и конкретизирует общеисторическое знание, увязывает его с практической деятельностью общества. Отсутствие конкретно-исторического знания несовместимо с пониманием экономики как непрерывно развивающейся сферы деятельности общества.

В-третьих, исключается формирование у студентов системного (комплексного) понимания, как факторов экономического развития, так и самой экономики (экономическая теория, бухгалтерский учет, менеджмент, финансы, банковское дело, маркетинг и др.). Любая из этих дисциплин и направлений является лишь частью единой системы — изучения национального хозяйства.

В-четвертых, студенты не получают необходимых навыков прогнозирования будущих событий. Современное представляется им вечным. Поэтому любые новые явления вызовут у них досадное непонимание, а то и паническое чувство страха. Специалист в области экономики и(или) менеджмента будет блуждать в потемках. События последних лет в мире, в отдельных странах и в самой России демонстрируют пагубность недостаточных и легковесных знаний по истории хозяйственного развития и истории экономической мысли. Особенно актуально правильное применение исторических знаний при подготовке стратегических решений, при подготовке и проведении хозяйственных и социальных реформ. Историко-экономические науки предоставляют необходимый запас информации об аналогичных условиях проведения схожих по целям и задачам изменений в истории отдельных стран и регионов и потому дают доказательный материал, который позволяет избежать негативных последствий соответствующих решений на уровне федеральной, региональной и муниципальной власти, а также на уровне хозяйствующих субъектов.

В-пятых, студентам будет казаться, что на экономику есть только один взгляд — тот, который излагает преподаватель и, соответственно, тот, который зафиксирован в учебнике. Наличие многообразной палитры взглядов, отражающих многообразие социальных сил и интересов, останется для них непонятым. В этом отношении делается шаг назад даже по сравнению с самыми догматическими периодами отечественной истории. Ведь тогда наряду с обязательным изучением марксизма-ленинизма студентов в обязательном порядке знакомили, причем основательно, с «буржуазными» экономическими, философскими, политическими взглядами. Да и само изучение работ классиков марксизма-ленинизма позволяло студентам достаточно подробно изучить работы классиков экономической, философской, политической мысли немарксистских направлений.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что без историко-экономической подготовки невозможно формирование культуры экономического мышления как совокупности современных профессиональных знаний и исторического опыта экономической деятельности и общественной жизни.

Вывод из вышесказанного напрашивается один — стандарты, вводимые в действие Минобрнауки, и практика их реализации в вузах, взять хотя бы знаменитый Санкт-Петербургский государственный экономический университет, где ничтоже сумняшеся ликвидировали в 2015 г. существовавшую пятьдесят лет кафедру истории экономических учений и народного хозяйства, созданную по инициативе такого выдающегося организатора высшего образования и ученого в области управления, как ректор Ленинградского финансово-экономического института им. Н.А. Вознесенского в 1966–1991 гг. Юрий Александрович Лавриков, и при деятельном участии таких видных и плодотворных ученых-экономистов, как Виктория Францевна Цага (первая заведующая кафедрой, осуществлявшая руководство ею в 1967–1988 гг.) и Петр Михайлович Павлов, дают всем — и преподавателям, и студентам — понять, что образовательное ведомство ориентирует на подготовку бездумных исполнителей, «винтиков», слепо выполняющих команды новорусских «хозяев жизни» и их зарубежных «боссов». Хочется вслед за П.Н. Милюковым спросить: что это — глупость или измена?

Опыт почти трех лет, прошедших с момента ликвидации кафедры, занимавшейся историко-экономическими дисциплинами, в СПбГЭУ показал, что такое действие ректората вуза негативно повлияло на качество учебного процесса в ведущем экономическом вузе Санкт-Петербурга и России в целом, на состояние и перспективы научных исследований и учебно-методической работы в области экономической теории и, прежде всего, историко-экономической науки, особенно в части подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре.

Происходящее напоминает — как бы страшно и даже кошмарно это ни звучало — период нацистской оккупации прибалтийских государств. Под конец войны, поняв, что в одиночку, используя только немецкие человеческие ресурсы, им не победить, нацисты стали заигрывать с народами оккупированных стран и, в том числе, с коренными народами стран Балтии. Начали формироваться воинские части из представителей эстонцев, латышей, а под конец и литовцев. Расширились права органов местного самоуправления. Была разрешена национальная символика. Открылись университеты. Но в этих вузах стали готовить только бакалавров и только по программам, разработанным и утвержденным в Германии и имевшим исключительно прикладную направленность. Наука, предполагаемая более высоким уровнем магистратуры, оставалась, до самого завершения войны, прерогативой исключительно немецких вузов, дислоцированных в Германии.

Как тут не вспомнить озвученную бывшим министром образования и науки (кстати, далеко не худшим, по мнению авторов) А.А. Фурсенко идею подготовки «квалифицированных потребителей» как главной задачи высших учебных заведений. Ну что же — видимо, преемственность может иной раз «всплывать» совершенно неожиданно. Наверное, не случайно шеф эстонского самоуправления в годы нацистской оккупации Хяльмар Мяэ «тоже» был профессором.

Неслучайно сын первого Президента Латвийской Республики Яниса Чаксте профессор-юрист Латвийского университета Константин Чаксте (1901–1945) стал в ряды антинацистского сопротивления, увидев пагубность политики оккупационных властей именно в образовании, с которым он был неразрывно связан всю свою жизнь. В августе 1943 г. он возглавил антинацистский Латвийский центральный совет, действовавший в подполье. К. Чаксте в апреле 1944 г. был арестован гестапо и героически погиб в гитлеровском концентрационном лагере в 1945 г.¹ Сказанное, кстати, подтверждает, что далеко не все в странах Балтии склонились перед сапогом гитлеровского оккупанта и тем более оказались готовыми служить нацистам...

Надо отметить, что в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности «Экономи-

¹ См.: Auzins A. Konstantins Čakste. Rīga : Jumava, 1944.

ская безопасность» — единственной оставшейся экономической специальности, утвержденном приказом Министерства образования и науки РФ от 14 января 2011 г. № 19, «История экономических учений» осталась в базовой части профессионального цикла как обязательная дисциплина. В числе основных требований к результатам изучения профессиональных дисциплин стандарт устанавливает, что обучающийся должен знать «основные концепции экономической мысли, экономические воззрения в контексте истории экономических учений; основные особенности современных ведущих школ и направлений экономической науки». Также необходимо знать «основные особенности российской экономики, ее институциональную структуру, место в системе мирового хозяйства, направления экономической политики государства». В числе требований к освоению базовой части гуманитарного и социального цикла — знать «закономерности исторического развития общества, основные этапы и особенности исторического развития России, ее место в истории человечества». Обучающийся должен уметь «ориентироваться в мировом историческом процессе, анализировать процессы и явления, происходящие в обществе», владеть «навыками самостоятельного осмысления исторического наследия». Это, безусловно, требует изучения не только всеобщей, но и экономической истории.

Поскольку речь идет о специальности «Экономическая безопасность», стандарт явно разрабатывался учебными заведениями силовых министерств и ведомств. Так, в качестве разработчика указан Университет МВД РФ, дислоцированный в Москве. Очевидно, что государственно-патриотическая ориентация, преобладающая в силовых министерствах и ведомствах и усиливающаяся в последнее время, повлияла на расстановку приоритетов в федеральном государственном образовательном стандарте по «Экономической безопасности». Очевидно, подобная ориентация должна присутствовать и в головах составителей стандартов по направлениям «Экономика» и «Менеджмент». Ведь выпускникам этих направлений также придется работать в управленческих службах организаций («экономических» или, иначе говоря, «хозяйствующих» субъектов), в органах государственного и муниципального управления, где историко-экономический взгляд на процессы и явления, выступающие в качестве объектов управления, особенно актуален.

К сожалению, новый федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) по специальности «Экономическая безопасность», утвержденный приказом министра образования и науки РФ от 16 января 2017 г. № 20, в большей мере впитал в себя все недостатки «компетентностного» подхода с его обезличенностью и безответственностью. «История экономических учений» исчезла из перечня обязательных дисциплин, содержащегося в п. 6.4 нового ФГОС. В качестве обязательных дисциплин указаны: философия, иностранный язык, история, экономическая теория, бухгалтерский учет, экономический анализ, финансы, аудит, налоги и налогообложение, контроль и ревизия, судебная экономическая экспертиза, безопасность жизнедеятельности, для специализации «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности» указаны также некоторые юридические дисциплины: уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, а также специальная или военная подготовка. Для всех профилей обязательным является «Физическая культура и спорт», как в базовой, так и в элективной (по выбору студентов) частях.

Трудно усомниться в важности вышеуказанных дисциплин, отмеченных в качестве обязательных, однако их перечень значительно сузился по сравнению с предыдущей версией стандарта — с 31 до 17, причем 4 из них только для одной специализации «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности». Вновь введенные компетенции также стали менее конкретными, предполагают различное толкование

или вообще оставляют много вопросов без ответов. Что, например, понимать под «способностью строить стандартные теоретические и эконометрические модели, необходимые для решения профессиональных задач, анализировать и интерпретировать полученные результаты (ПК-30)»? Или что стоит за «способностью исследовать условия функционирования экономических систем и объектов, формулировать проблемы, обосновывать актуальность и практическую значимость разрабатываемых мероприятий по обеспечению экономической безопасности, методов и средств анализа экономической безопасности организаций, оценивать их эффективность (ПК-46)»? Примеры «некомпетентных компетенций» можно продолжать и продолжать, причем из разных образовательных стандартов.

Авторы имеют многолетний опыт преподавания истории экономики, истории экономической мысли, а также преподавания обеих дисциплин в одном учебном курсе («История экономики и экономической мысли»). Мы несли знания этих дисциплин в разных социально-исторических условиях: административно-командной системы, в условиях системного кризиса 1990-х годов, в условиях последних полутора десятилетий. Думаем, что имеем право высказать по этому поводу ряд замечаний в обстановке, когда нас уже не греет надежда на карьеру, на достижение материального благополучия; короче, мы можем сказать то, что нам подсказывает наш опыт и наша профессиональная совесть.

Думаем, что нужно вести стратегическую линию на интеграцию истории экономики и истории экономической мысли в единый учебный курс. Есть опыт преподавания, использования оправдавших себя форм текущего контроля за качеством знаний у обучающихся, результативностью воспитательного воздействия на студенческую молодежь. Так, нами, группой преподавателей, выпускников Финэка (Ленинградского финансово-экономического института имени Н.А. Вознесенского — с 1991 г. Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов), подготовлена уникальная учебная программа такого курса, с новым методическим оснащением. Уже реализована идея издать учебник по «Истории хозяйства и экономической мысли». Он вышел в этом году в издательстве Санкт-Петербургского государственного экономического университета (История хозяйства и экономической мысли: учебник / В.В. Круглов, А.Ю. Горчакова, А.В. Лабудин; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Круглова. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. 415 с.).

Подготовлена также программа курса «Актуальные проблемы современности в фокусе историко-экономических наук», который может, по нашему мнению, стать полезным в процессе обучения по магистерским программам, на курсах повышения квалификации для работников высшего и среднего управленческого уровня, для аспирантов по ряду экономических наук. Надеемся, что необходимость преподавания (в том числе и в новом формате) историко-экономических дисциплин для специалистов экономического (может быть также и юридического) профиля, для депутатов различного уровня и высших чиновников всех ветвей власти будет осознана и поддержана.

Возникают вопросы о методике преподавания историко-экономических дисциплин на различных формах обучения и по распределению учебных часов на лекционные и практические (семинарские). Здесь встают вопросы не простые. Так, привычной формой прохождения этих дисциплин (как и других) на заочном отделении было написание письменных контрольных работ в соответствии с методическими указаниями, в которых не только определялась тематика контрольных работ, но и осуществлялось их «закрепление» за определенными буквами алфавита, с которых начинались фамилии студентов. До поры до времени эта форма текущего контроля выполняла предназначенную функцию. Дело изменилось в связи с массовой компьютеризацией населения и доступом в интернет. Началось массовое скачивание материалов контрольных работ из интернета и подача их для проверки. На экзаменах, однако, вы-

яснялось, что подавляющее большинство студентов даже не прочитывало текстов «своих» работ. Короче говоря, расходуется масса хорошей бумаги, показываются навыки владения компьютерной техникой, а получения знаний не происходит.

Один из нас (профессор В.В. Круглов) в течение ряда лет рискнул провести эксперимент, студенты САМИ выбрали тему письменной работы, что фиксировалось в соответствующей записке от учебной группы преподавателю. На экзамене каждый из студентов, перед ответом на вопросы билета, вначале излагал материал выбранной контрольной работы и лишь затем отвечал по билету. При такой системе оказывалось более высокое качество знаний по дисциплине, так как студент выбрал интересующую его тему и должен был объяснить свой выбор. Он заинтересованно изучал учебный материал в поисках своего интереса к той или иной исторической эпохе или к той или иной стране.

Практика написания эссе на историческую тему студентами очного обучения также показала свою эффективность и являлась основой для отбора докладов на научных конференциях.

При переходе на новую организацию обучения по историко-экономическим дисциплинам выяснилось немало несуразностей и, в частности, распределение учебного курса на лекционную часть и проведение семинарских (практических) занятий. Если по истории экономики такое распределение в соотношении 60:40 (лекционный цикл и семинарские занятия) еще можно допустить и разработать соответствующую рабочую программу, то аналогичное распределение часовой нагрузки по истории экономической мысли никак нельзя оправдать. И на это есть, как нам кажется, две основательные причины:

- во-первых, материал этой дисциплины много сложнее, чем материал по истории экономики, и существенно новее для студентов. По этой дисциплине вводный материал требует значительно большего времени перед началом семинарских занятий. По нашей практике, увеличение числа лекционных часов и замена части семинарских занятий письменными работами и устными докладами обеспечивает более высокую успеваемость по данному предмету;
- во-вторых, изучение данной учебной дисциплины требует существенного увеличения учебных часов ввиду ее особой важности и актуальности. Полагаем, что в методическое обеспечение данной дисциплины нужно включать актуальные примеры того, как та или иная школа или концепция находили свое подтверждение или опровержение в реальной истории той или иной страны или макрорегиона. В такого рода подаче учебных материалов заинтересованы и будущие специалисты, и те, кто проходит различные уровни и формы повышения квалификации.

Необходимо, на наш взгляд, включать историко-экономические дисциплины по истории конкретных (функциональных и отраслевых) экономических наук и областей деятельности в учебные планы подготовки бакалавров, магистров и немногих оставшихся еще специалистов («Экономическая безопасность», «Таможенное дело») по соответствующим направлениям и специальностям. Так, один из нас (профессор А.В. Лабудин), занимаясь подготовкой учебного плана по профилю «Финансовый менеджмент» направления подготовки бакалавров «Менеджмент» и учебного плана по профилю «Бухгалтерский учет и аудит» направления подготовки бакалавров «Экономика», а также по магистерской программе «Антикризисный менеджмент» направления подготовки магистров «Менеджмент», настаивал и настаивает на включении в эти учебные планы, соответственно, курсов по истории: финансового менеджмента (правильнее — управления финансами), бухгалтерского учета, аудита, антикризисного менеджмента (правильнее, конечно, говорить антикризисного управления) и, возможно, других отраслевых и функциональных экономических наук. Это делает образование более полным, а его носителей — готовыми к изменениям, которые в жизни выпускников, безусловно, предстоят.

Такая позиция в значительной степени определяется жизненным опытом. Авторы отлично помнят, каким колоссальным авторитетом у студентов пользовались курсы по истории бухгалтерского учета, которые читали в ЛФЭИ-СПбГУЭФ, Ленинградском институте советской торговли — Санкт-Петербургском государственном торгово-экономическом институте (университете), Санкт-Петербургском государственном университете классики советской-российской бухгалтерской науки Павел Иванович Савичев, Александр Самойлович Наринский, Ярослав Вячеславович Соколов. И чего греха таить — уровень подготовки бухгалтеров в советский период был существенно выше, нежели сейчас.

На наш взгляд, историко-экономические дисциплины должны занять достойное место в высшем гуманитарном образовании¹.

Об авторах:

Круглов Вячеслав Вениаминович, профессор кафедры экономической теории и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова и кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), почетный работник высшего образования Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы; kruglov-1942@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы; Labudin59@mail.ru

Медников Валерий Васильевич, профессор кафедры государственного управления и права Северо-Западного института повышения квалификации Федеральной налоговой службы России, профессор кафедры экономической теории и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, профессор; sindi1910@post.ru

About the authors:

Vyacheslav V. Kruglov, Professor of Economics and Accounting at St. Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov and Department of General Economics and History

¹ В данной статье используются материалы, ранее представленные авторами на научных форумах и в научной печати. См.: Круглов В. В., Лабудин А. В., Бобров И. А. Необходимость историко-экономической подготовки экономистов и менеджеров: доклад на XXI Академических чтениях Международной академии наук высшей школы «Как обеспечить высокое качество образования и качество подготовки специалистов с высшим образованием» 16–18 декабря 2015 года; Круглов В. В., Лабудин А. В., Медников В. В. Историко-экономические дисциплины как обязательный атрибут экономического образования // Материалы научно-методической конференции СЗИУ РАНХиГС / под общ. ред. Е. А. Китина; Сев.-Зап. ин-т упр. — фил. РАНХиГС. СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2016. С. 78–87; Круглов В. В., Лабудин А. В., Медников В. В. Насущная необходимость историко-экономической подготовки экономистов и менеджеров и некоторые вопросы «компетентного» подхода в образовании // Материалы научно-методической конференции СЗИУ РАНХиГС / под общ. ред. Е. А. Китина; Сев.-Зап. ин-т упр. — фил. РАНХиГС. СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2016. С. 88–96; Круглов В. В., Лабудин А. В., Медников В. В. Насущная необходимость историко-экономической подготовки экономистов и менеджеров // Экономика и управление народным хозяйством. 2016. №1 (1). С. 87–92; Лабудин А. В. Возвращение политической экономики: необходимость историко-экономической подготовки экономистов и менеджеров // Второй международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии». Сборник материалов / под ред. А. И. Бузгалина и М. И. Воейкова. В 2 т. Т. 1. М. : Культурная революция, 2015. 740 с. С. 397–406; Лабудин А. В., Кораблев А. И. К вопросу о качестве экономико-управленческого образования: необходимость историко-экономической подготовки экономистов и менеджеров // Предпринимательская компетентность развития человеческого капитала в России: межвузовский сборник научных трудов. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 251–259.

of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), honorary worker of higher education of the Russian Federation, Doctor of Science (Economics), Professor, full member of the International Academy of Sciences of higher school. E-mail: kruglov-1942@mail.ru

Alexander V. Labudin, Professor of chair of Management of the North-West Institute of Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor full member of International Academy of Sciences of higher school; Labudin59@mail.ru

Valery V. Mednikov, Professor of chair of Public Administration and Law of the North-West Institute of Improvement of Professional Skill of the Federal Tax Service of Russia, professor of chair of Economics and Accounting of St. Petersburg State Forest Technical University named after S.M. Kirov (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Professor; sindi1910@post.ru

Инновационное развитие предприятий нефтегазового комплекса на основе реализации модели максимизации добавленной стоимости

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; jeakuklina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Реальностью настоящего времени является усложнение горно-геологических условий освоения ресурсов нефти и газа, что формирует более высокие издержки и риски участников этого процесса. Ключевое значение нефтегазового сектора России для экономики страны обуславливает необходимость поиска решений по минимизации финансовых потерь нефтяных компаний, позволяющих обеспечить выход предприятий на траекторию инновационного развития. Обязательным условием инновационного развития предприятий нефтегазового сектора РФ в современном мировом пространстве является выбор адекватной модели их поведения, отражающей совокупность меняющихся факторов внешней и внутренней среды. Целью исследования является разработка принципиальной модели максимизации добавленной стоимости нефтегазовой компании на основе согласования интересов. Возможность применения модели максимизации добавленной стоимости предприятиями нефтегазового сектора России обусловлена особенностью производства и перераспределения стоимости в интегрированных структурах, каковыми являются крупные нефтегазовые компании. Реализация модели максимизации добавленной стоимости позволяет предприятиям нефтегазового сектора России сформировать стратегические конкурентные преимущества и создать условия для сбалансированного устойчивого развития при неблагоприятной конъюнктуре на мировых рынках углеводородного сырья.

Ключевые слова: нефтегазовый сектор, инновационное развитие, модель поведения, максимизация добавленной стоимости, согласование интересов

Innovative Development of the Oil and Gas Complex Enterprises Based on Value Added Maximizing Model Realization

Kuklina E. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; jeakuklina@mail.ru

ABSTRACT

The reality of the present time is the qualitative complication of mining and geological conditions for the development of oil and gas resources, which creates higher costs and risks for the participants in the process. The key importance of the Russian oil and gas sector for the economy of the country makes it necessary to find solutions to minimize the financial losses of oil companies, which will allow enterprises to enter the path of innovative development. An obligatory condition for the innovative development of enterprises of the oil and gas sector in the modern world space is the choice of an adequate model of their behavior that reflects the set of changing factors of the external and internal environment. The purpose of the study is to develop a basic model for maximizing the added value of an oil and gas company on the basis of alignment of interests. The possibility of applying the model of maximization of value added by enterprises of the oil and gas sector of Russia is due to the feature of production and redistribution of value in integrated structures, such as large oil and gas companies. The implementation of the value-added model will allow the Russian oil and gas sector to form strategic competitive advantages and create conditions for balanced sustainable development in the unfavorable situation on the world markets of hydrocarbon raw materials.

Введение

В сложившейся мирохозяйственной системе место Российской Федерации по параметру «природные ресурсы» оценивается в 9 баллов, что соответствует статусу «сверхдержавы», т. е. государства, которое может обеспечить развитие экономики за счет собственных природных ресурсов на 80–100% [3, с. 601–602]. Обладая колоссальными запасами, составляющими более 20% от мировых [9, с. 59], наша страна является одним из ведущих экспортеров ресурсов для многих стран, что обеспечивает ей стратегическое преимущество в мировой экономике.

Особую роль в экономике современной России играет нефтегазовый сектор (НГС), так как он обеспечивает поставку конкурентоспособных энергоресурсов на рынки и позволяет формировать фонды денежных средств для реализации государственных программ. Но предприятия этого сектора в настоящее время вынуждены функционировать в условиях жесткого прессинга новых вызовов энергетического рынка, обусловленных: избытком предложения («сланцевая революция», открытие новых месторождений); изменением характера конкуренции на газовом рынке; формированием модели низкоуглеродной экономики, что приводит к сокращению спроса на ископаемые виды топлива.

Характеризуя современное состояние мирового рынка минерального сырья, проблемы и тенденции его развития по данным российских и зарубежных источников [7; 4; 10; 14; 20; 21; 22; 24; 25 и др.], представляется необходимым отметить:

- высокий уровень развития процессов глобализации (около 100 крупнейших ТНК контролируют более 70% объемов добычи и переработки полезных ископаемых);
- сложность прогноза рыночной конъюнктуры, так как на рыночные экономические факторы накладываются внеэкономические (политические, коррупционные и пр.), а также спекулятивные факторы;
- непреходящий интерес научного и экспертного сообщества к процессам освоения природных ресурсов, проблемам функционирования минерально-сырьевого комплекса, что генерирует интересные и перспективные идеи в этой области.

Объективной реальностью настоящего времени стало качественное усложнение горно-геологических условий освоения ресурсов нефти и газа во всех странах-производителях, что формирует более высокие издержки и риски участников процесса. Ключевое значение НГС России для национальной экономики обуславливает необходимость поиска решений по минимизации финансовых потерь компаний, позволяющих обеспечить выход предприятий на траекторию инновационного развития. Но реалии, к сожалению, таковы, что в настоящее время российские компании НГС предпочитают приобретать новую технологию и оборудование у иностранных конкурентов, а их инновационная деятельность направлена, в основном, на адаптацию инноваций, созданных другими организациями.

По нашему мнению, необходимым условием инновационного развития предприятий НГС России в современном мировом пространстве является выбор адекватной модели их поведения, отражающей совокупность меняющихся факторов внешней и внутренней среды функционирования хозяйствующего субъекта, и позволяющей успешно адаптироваться к этим изменениям.

Целью исследования является разработка принципиальной модели максимизации добавленной стоимости нефтегазовой компании России, обеспечивающей максимизацию выгоды всех участников процесса освоения недр, ключевым элементом которой является согласование интересов собственников, работников и государства.

Реализация модели максимизации добавленной стоимости позволит предприятиям НГС сформировать стратегические конкурентные преимущества и создать условия для сбалансированного устойчивого развития при неблагоприятной конъюнктуре на мировом энергетическом рынке, адекватно реагировать на его вызовы.

Оценка современного состояния и проблем инновационного развития предприятий НГС экономики России

На результаты функционирования предприятий НГС активное влияние оказывают следующие факторы и обстоятельства: осуществление производственно-хозяйственной деятельности в условиях изменяющейся рыночной конъюнктуры; изменение уровня диверсификации продукции; изменение доли на региональных и мировых рынках; формирование новых целевых установок и экономических интересов и др. Основные проблемы предприятий НГС экономики России в контексте инновационного развития отрасли обусловлены высокой зависимостью от зарубежных технологий, несоответствием технического уровня современным требованиям и недостаточным развитием инновационной инфраструктуры.

Во всем мире в настоящее время отмечается усложнение условий освоения нефтегазового сырья, что определяет более высокие риски и издержки для участников процесса (табл. 1). Уровень инновационной активности компаний, разрабатывающих месторождения углеводородного сырья, может быть оценен по: удельным затратам на НИОКР по отношению к объему реализованной продукции (выручке); удельным затратам на НИОКР по отношению к объему добычи.

Оценка уровня инновационной активности ведущих мировых компаний НГС в период 2008–2010 гг. представлена в табл. 2.

В российской транснациональной энергетической корпорации ПАО «Газпром» расходы на НИОКР по отношению к выручке составляли в 2010 г. 0,17–0,18%, что вполне сопоставимо с зарубежными компаниями; несколько ниже был этот показатель в ПАО «Роснефть» и ПАО «ЛУКОЙЛ» — 0,11–0,13% [14, с. 3]. По оценке, каждая

Таблица 1

Направления образования высоких рисков и издержек при разработке месторождений нефти и газа в России

Table 1. Directions of high risks and costs formation when developing oil and gas fields in Russia

Локализация нефтегазовых провинций	Направления повышения рисков и издержек добычи нефти и газа
Материковая зона	
Новые регионы (регионы пионерного освоения)	Необходимость создания протяженных капиталоемких транспортных коммуникаций; необходимость обеспечения условий выхода с производимой продукцией на новые рынки
Зрелые и новые нефтяные провинции (освоенные регионы, регионы пионерного освоения)	Необходимость применения инновационных технологий (методов повышения нефтеотдачи запасов, новых технологий разработки глубоких горизонтов месторождений в Западной Сибири и т.д.)
Шельфовая зона	Необходимость привлечения отечественных и зарубежных инвесторов, использования инновационных технологий

Уровень инновационной активности ведущих мировых компаний

Table 2. Level of innovative activity of the leading world companies

Компания	Удельные затраты на НИОКР, долл./т нефтяного эквивалента
Exxon Mobil Corporation (США)	4,3–5,3
Royal Dutch Shell (Великобритания, Нидерланды)	6,1–7,5
ПАО «Роснефть» (Россия)	0,4–0,7

Составлено по [14, с. 3].

третья компания ТЭК России, производящая нефтепродукты, является инновационно-активной, в то время как по промышленности в среднем только 10% компаний можно считать таковыми [18, с. 3]. Необходимо отметить при этом, что многие эксперты считают оценку в 10% завышенной; по их мнению, наиболее объективная оценка находится в диапазоне 7–8%.

В нефтяной промышленности России налицо дефицит инновационных отечественных технологий, без которых невозможно разрабатывать практически все новые перспективные ресурсы углеводородов, к которым относится шельфовая зона Арктики, месторождения Восточной Сибири, глубокие горизонты месторождений Западной Сибири. Так, например, одно из главных направлений поддержания и прироста добычи нефти в России связано с освоением глубоких горизонтов баженовской свиты, наличие залежей сланцевой нефти в которой доказано на 90 площадках территории Западной Сибири. Однако из-за сложных горно-геологических условий (в частности, низкой проницаемости), нефтеотдача запасов при их разработке с помощью традиционных технологий может составить не более 3–5% [1].

В современных условиях развития экономики общим для нефтегазовых компаний ТЭК России стало признание объективной необходимости создания научно-исследовательских центров инновационных прикладных исследований. Так, например, в ПАО «Роснефть» силами корпоративных институтов активно выполняются целевые инновационные программы, осуществляются коммерциализация разработок российских научных центров и реализация межотраслевых проектов совместно с институтами РАН, отраслевыми институтами и вузами; финансирование НИОКР осуществляется по системе грантов ПАО «Роснефть».

В ПАО «ЛУКОЙЛ», стратегической целью которого является лидерство в области поиска, разведки, нефтедобычи, нефтепереработки и нефтехимии, приоритетное направление инновационного развития — освоение сырьевой базы. В структуре ПАО «ЛУКОЙЛ» с 1992 г. функционирует Российская инновационная топливно-энергетическая компания (ОАО «РИТЭК»). По сути, ОАО «РИТЭК» является научно-техническим полигоном ПАО «ЛУКОЙЛ», который специализируется на разработке, производстве, испытании и внедрении новых технологий и технических средств для освоения трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья и повышения нефтеотдачи. Так, например, на Средне-Назымском месторождении в Западной Сибири уже несколько лет развивается технология увеличения нефтеотдачи за счет термогазового воздействия, что позволяет увеличить коэффициент извлечения нефти с 3 до 40%. Выполняются также исследования и осуществляются разработки, направленные на создание фирменных инноваций; оказываются услуги, связанные с поддержанием и сопровождением технологий.

В настоящее время в России наиболее распространенными направлениями НИОКР является доработка и адаптация закупаемых зарубежных технологий к российским условиям, совершенствование существующих технологий и разработка программно-

го обеспечения. Подавляющее большинство российских компаний не использует прорывные инновации, связанные с разработкой и внедрением принципиально новых технологий. В логике этого значительная часть российских недропользователей (за редким исключением) ориентирует свои научные разработки на проектирование относительно простого в технологическом плане оборудования, оптимизацию производственных процессов в рамках используемых технологий; при этом основная часть высокотехнологичного оборудования и новых технологий покупается у иностранных производителей.

Сейчас для компаний НГС России более важными факторами, с точки зрения их капитализации, являются процессы слияния и поглощения, которые менее рискованны и не требуют существенных инвестиционных затрат. Во многих странах мира ситуация принципиально иная: компании увеличивают объемы добычи и, соответственно, свою капитализацию, преимущественно за счет освоения инноваций [14, с. 7].

Основные направления НИОКР российских нефтяных компаний связаны с особенностями разработки новых месторождений, сокращением удельных затрат на добычу, в то время как направление НИОКР большинства зарубежных корпораций отражает стратегию их постепенной трансформации: от нефтегазовой компании к энергетической компании. При этом принципиально то, что для таких трансформирующихся компаний не является важным, из чего именно вырабатывается энергия, которую они поставляют на рынок. Исследования и разработки крупнейших зарубежных энергетических компаний связаны зачастую с новыми источниками энергии, с созданием предпосылок адекватного ответа на вызовы и риски перехода от углеводородной экономики к экономике, основанной на альтернативных возобновляемых источниках энергии.

Направления и эффекты инновационного развития компаний НГС России схематично представлены на рис. 1. В настоящее время для России является весьма актуальным решение проблемы поиска стимулов и ориентиров для общественно-эффективного освоения нефтегазовых ресурсов, создания условий, мотивирующих компании вести рациональную (с позиций государства) разработку недр [4]. По нашему мнению, успешное достижение поставленной цели возможно за счет реализации инновационных проектов в отрасли, при этом необходимым условием инновационного развития предприятий НГС ТЭК России в современном мировом

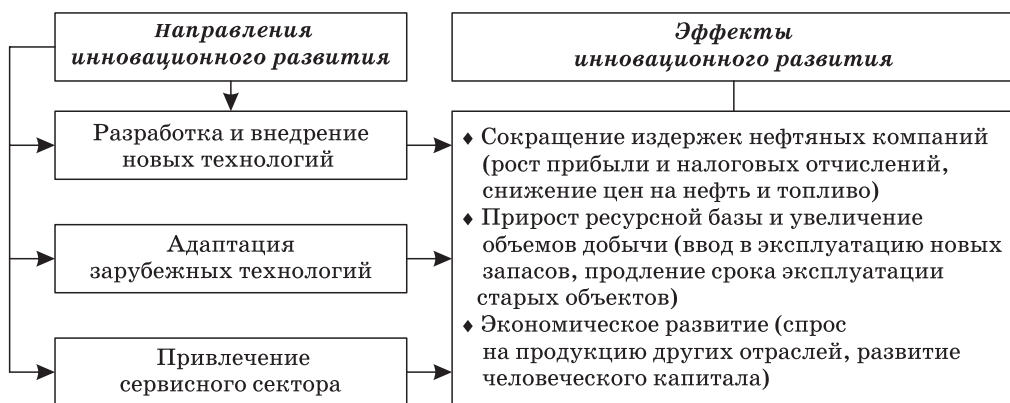

Рис. 1. Направления и эффекты инновационного развития компаний НГС Российской Федерации

Fig. 1. Directions and effects of innovative development of the oil and gas complex companies of the Russian Federation

пространстве является выбор адекватной модели поведения, отражающей совокупность меняющихся факторов внешней и внутренней среды функционирования хозяйствующего субъекта.

Модель максимизации добавленной стоимости и возможности ее применения компаниями НГС России

Принято различать несколько альтернативных моделей поведения фирмы (рис. 2). При этом, в современной глобальной экономике уже явно просматривается тенденция изменения целевой установки фирмы: от максимизации прибыли к максимизации добавленной стоимости. Максимизация добавленной стоимости объективно приводит к необходимости сокращения затрат, увеличения объемов продаж, повышения производительности труда и эффективности инвестиций, что является результатом реализации инновационных проектов. В последнее время многие компании мира, особенно японские, используют модель максимизации добавленной стоимости; как главная целевая функция предприятия эта модель была выдвинута японскими экономистами и получила название «японской модели».

Безусловно, модель максимизации добавленной стоимости (как модель поведения фирмы) возникла и существует в логике японской модели менеджмента, которая, в свою очередь, сформировалась под влиянием двух ключевых факторов: последовательного сохранения национальных традиций; творческого подхода при освоении мирового опыта организации и управления бизнесом. В данном контексте необходимо отметить, что в настоящее время японская модель менеджмента признается одной из самых эффективных.

Преимуществом целевого критерия максимизации добавленной стоимости как оценки деятельности предприятия является то, что он позволяет обеспечивать максимизацию экономических интересов не только рабочих и менеджеров, но и собственников предприятия. При формировании целевого показателя по максимуму могут быть учтены инвестиционные потребности предприятия в развитии производства за счет создания объектов основных фондов и нематериальных активов инновационного характера. Преимуществом целевого критерия максимизации добавленной стоимости является также то, что он имеет долгосрочный характер.

Слабой стороной модели максимизации добавленной стоимости является то, что она вступает в конфликт с экономическими интересами конечного покупателя продукции, так как увеличивает цену продукции, что может привести к сокращению объемов спроса на нее. В основном по этой причине «японская модель» не была поддержана ни американскими (что объясняется исключительно особенностями и спецификой североамериканской концепции менеджмента), ни европейскими экономистами.

«Японская модель» базируется на философии и культуре этой страны, в основе которой лежит понимание значения гармоничных и согласованных отношений между членами семьи, между работниками и управляющими, между правительством и бизнесом. Именно эти культурные ценности в значительной степени и объясняют успех японских фирм в координации основных функций производства, исследований и разработок, маркетинга. Возможно ли применение модели максимизации добавленной стоимости предприятиями НГС России? По нашему мнению, это возможно, что объясняется двумя причинами.

Во-первых, особенностью производства и перераспределения стоимости в интегрированных структурах, каковыми являются крупные нефтегазовые компании. Модель максимизации добавленной стоимости отражает особенность производства и перераспределения стоимости в интегрированных структурах через «промежуточные» факторы, что обусловлено необходимостью функционирования предпри-

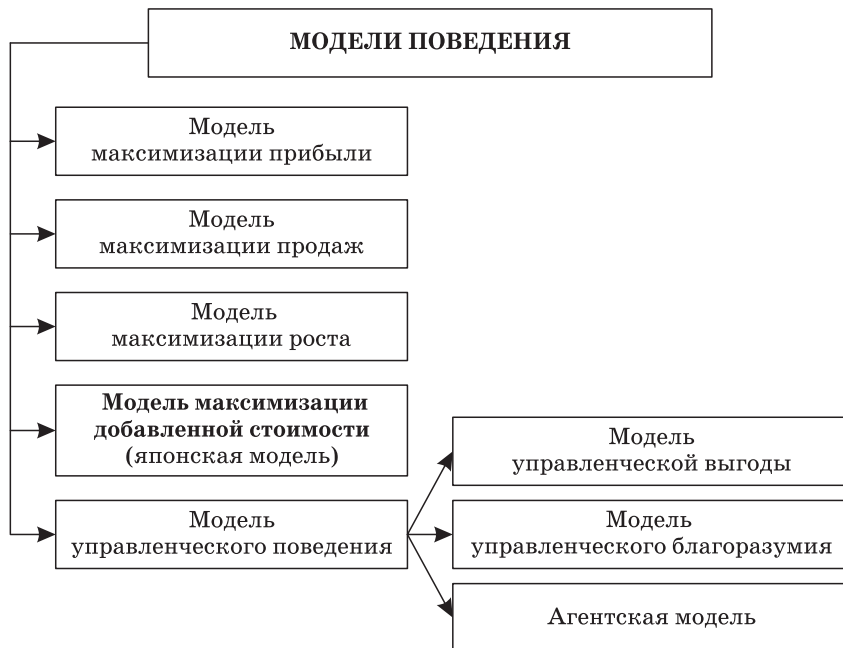

Рис. 2. Альтернативные модели поведения фирмы (по Сиио К.К. [11])

Fig. 2. Alternative models of firm behavior

ятий, включенных в интегрированные хозяйственные структуры, внутри управляемых «цепочек стоимости» (по М. Портеру). Интегрированные структуры, стремясь максимизировать загрузку мощностей, входящих в них предприятий, получают возможность повышения уровня экономической активности за счет «эффекта масштаба», в результате чего, как известно, снижается себестоимость единицы продукции за счет экономии условно-постоянных затрат.

Во-вторых, гипотетической вероятностью диффузии философских постулатов Японии в мировое пространство, прецедентом чего можно рассматривать глобальную международную инициативу КНР «Один пояс — один путь», в основе которой лежит идея формирования «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). Концепция ЭПШП направлена на развитие существующих и создание новых торговых путей, транспортных и экономических коридоров, связывающих более чем 60 стран Центральной Азии, Европы и Африки, которая будет способствовать развитию торговых отношений между ними и Китаем.

Считается, что одним из факторов, обусловивших появление концепции ЭПШП, является значительное усиление внешней инвестиционной активности Китая в последние годы. Это связано с выходом Китая на новый уровень экономического развития, когда в результате удорожания рабочей силы и увеличения доли сферы услуг экономика вступает в фазу активной транснационализации, сопровождающейся переносом части промышленного производства за рубеж. Политика наращивания китайских инвестиций за рубежом становится востребованной также и потому, что деятельность Китая по обеспечению экономического роста за счет внутреннего спроса пока не дала существенных положительных результатов.

Но рассматривать концепцию ЭПШП исключительно как глобальный бизнес-проект, как нам представляется, неправильно. Это, безусловно, попытка смены современного глобального лидера за счет продвижения не только своей националь-

ной экономики, но национальной философии. В данном контексте сотрудничество России и Китая в настоящее время можно рассматривать скорее как ситуационное партнерство, нежели стратегическое партнерство. Может быть, это является ключевой причиной того, что реализации проекта сопряжения интеграции Евразийского экономического союза и Экономического пояса «Шелкового пути» в российской ее части оставляет желать лучшего...

Справедливым, по нашему мнению, является тезис о том, что «управление добавленной стоимостью обосновывается угасанием конкуренции в сетевых глобальных предпринимательских структурах, но выступает одним из инструментов, повышающих конкурентоспособность» [17]. В условиях экономической глобализации именно деловые сети сформировали тенденцию изменения целевой установки фирмы: от максимизации прибыли (компании США), к максимизации добавленной стоимости (японские компании).

Общая модель максимизации добавленной стоимости, включающая такие элементы, как мотивация (ключевой элемент), экономические элементы затрат, норма рентабельности (прибыльность) и контроль, предложена в работе [17]. Авторы модели в качестве мотивации рассматривают согласование интересов собственников, работников и государства, не конкретизируя при этом, каким образом осуществляется это согласование. В этой связи рассмотрим данный вопрос более детально.

Согласование интересов как ключевое условие реализации модели максимизации добавленной стоимости

Конфликт интересов (по Н. Талебу) движет любой компанией благодаря росту скрытых рисков — до максимальной неустойчивости [13, с. 664]. Для того чтобы не было конфликта, необходимо достигать баланса интересов всех заинтересованных сторон. В контексте этого необходимо отметить, что категория устойчивого (сбалансированного) развития экономической системы соотносима с процедурой согласования (баланса) интересов участников (субъектов) процесса достижения того состояния, которое понимается нами как «устойчивое развитие». Таким образом, устойчивое развитие экономической системы различного уровня (локального, регионального, национального, мирового, глобального) логично рассматривать в парадигме согласования интересов.

Под балансом интересов понимается такой характер взаимодействия между участниками — заинтересованными сторонами, при котором общие результаты их совместной деятельности (в том числе экономические) становятся лучше по сравнению с результатами отдельного функционирования каждого из них. То есть состояние баланса во взаимодействии участников является признаком целесообразности их сотрудничества для всех взаимодействующих сторон, предпосылкой и обязательным условием устойчивого развития.

Можем ли мы утверждать, что согласование интересов существует лишь в логике устойчивого развития? В выполненном ранее исследовании нами было доказано, что процесс достижения устойчивого развития экономической системы непосредственно связан с инновационной деятельностью, переход к устойчивому развитию обусловлен процессом осуществления инноваций, т. е. устойчивое развитие является результатом инновационного развития [6, с. 32].

Задача баланса интересов, традиционно решаемая в логике нахождения равновесия — оптимума по Парето [8], позволяет сделать выбор наилучшей альтернативы из всех возможных для всех участников. Оптимизация целевых функций (по Парето) означает выбор наилучшей альтернативы из всех возможных всеми участниками. Состояние оптимума целевых функций, таким образом, обеспечивает сбалансированность на всех рынках. Но, если найти оптимум на локальном уровне от-

носителем несложно (исходя из минимизации затрат и максимизации результатов), то на более высоком уровне управления экономической системой необходимо учитывать множество факторов, неоднозначность, разнонаправленность и многообразие целей всех заинтересованных сторон.

В настоящее время наиболее теоретически и методически проработанными являются вопросы согласования интересов на локальном уровне. Так, для решения задачи стратегического управления фирмой успешно применяется stakeholder theory — теория заинтересованных сторон с использованием таких инструментов, как модель Митчелла (модель идентификации значимости заинтересованных сторон), балансовая модель ресурсных отношений, сетевая модель и др.

Основой концепции согласования конкурирующих интересов стейкхолдеров является теория заинтересованных сторон [19], утверждающая, что хозяйствующий субъект должен уделять внимание всем сторонам, которые могут повлиять на него и на результаты его деятельности. Теория согласования интересов является основой для моделирования отношений обмена и конкуренции [12]. Для целей управления рыночной стоимостью фирмы на основе соблюдения финансовых интересов акционеров и менеджеров может быть использована модель эталонного роста; разработан также методический инструментарий повышения рыночной стоимости фирмы при достижении баланса интересов [2, 15]. Разработана модель оптимизации добавленной стоимости предприятия, ведущим структурным элементом которой является мотивация на основе согласования интересов собственников, работников и государства [16].

Для целей устойчивого развития горнопромышленного комплекса региона нами была предложена сценарная модель, реализующая механизм достижения равновесия по Парето [5]. Согласно этой модели все заинтересованные в последствиях стороны (акционеры, органы власти, представители общественности и др.) формулируют систему общезначимых целей, достаточно полно описывающих желаемые результаты (например, санацию или ликвидацию градообразующего горнодобывающего предприятия). Это дает возможность оценивать различные сценарии, исходя из оценок степени достижения сформулированных целей. С целью повышения обоснованности индивидуальных предпочтений предварительно была решена задача агрегирования обобщенной функции предпочтений на основе целей.

Принципиальная модель максимизации добавленной стоимости

Добавленная стоимость — это часть стоимости продукта, которая создается компанией, т. е. это стоимость, добавленная в процессе производства продукции (включает заработную плату с отчислениями на социальное страхование, амортизационные отчисления, прибыль, расходы на рекламу и некоторые др.). Рассчитывается добавленная стоимость как разность между стоимостью товаров и услуг, произведенных компанией (т. е. выручкой от продаж), и стоимостью товаров и услуг, приобретенных компанией у внешних организаций. Схема формирования добавленной стоимости компании нефтегазового сектора (без налогов, входящих в себестоимость продукции), представлена на рис. 3.

Анализ динамики изменения операционных затрат в нефтегазовом секторе России за период 2000–2011 гг. выявил рост удельных операционных затрат, что обусловлено, главным образом, увеличением затрат на производственные услуги сторонних (сервисных и подрядных) организаций, которые составляют наибольшую долю в структуре удельных операционных затрат практически во всех сегментах НГС России [10].

Предлагаемая принципиальная модель максимизации добавленной стоимости включает: блок согласования интересов; блок затрат; блок результатов; мониторинговый блок; контрольный блок (рис. 4).

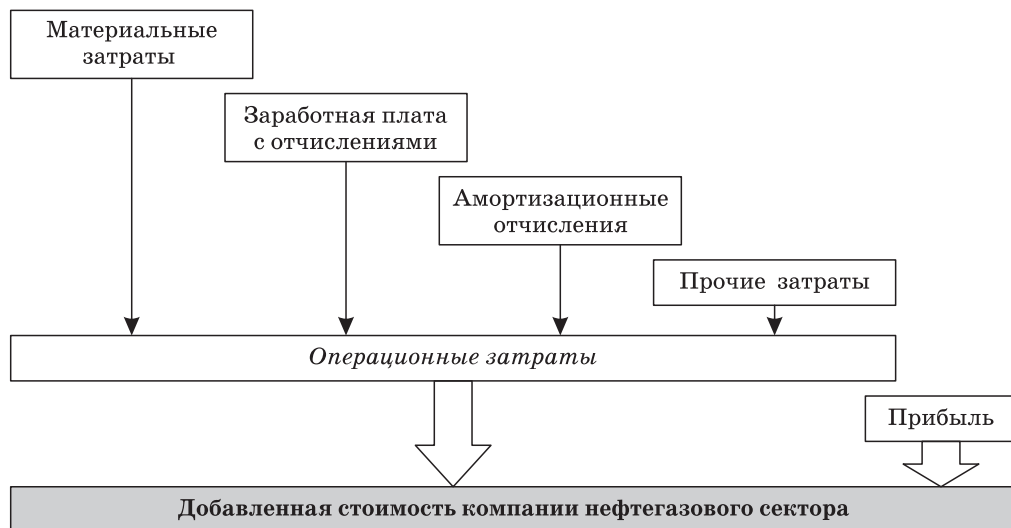

Рис. 3. Схема формирования добавленной стоимости компании НГС
Fig. 3. Scheme of formation of value added of the oil and gas complex company

Рис. 4. Структурные элементы (блоки) модели максимизации добавленной стоимости компании
Fig. 4. Structural elements (blocks) of value added maximizing model of the company.

Принципиальная модель максимизации добавленной стоимости компании, основанная на согласовании интересов, представлена на рис. 5.

Реализация предложенной модели максимизации добавленной стоимости позволит предприятиям НГС России сформировать стратегические конкурентные преимущества и создать условия для сбалансированного устойчивого развития даже в ситуации неблагоприятной конъюнктуры на мировых рынках углеводородного сырья.

Рис. 5. Принципиальная модель максимизации добавленной стоимости компании
 Fig. 5. Basic value added maximizing model of the company.

Заключение

1. Качественное усложнение условий освоения ресурсов нефти и газа во всех странах-производителях, приводящее к более высоким издержкам и рискам, является объективной реальностью настоящего времени.
2. Ключевое значение НГС для экономики Российской Федерации обуславливает необходимость поиска решений по минимизации финансовых потерь компаний, позволяющих обеспечить выход предприятий на траекторию инновационного развития, необходимым условием которого является выбор адекватной модели поведения компаний, отражающей совокупность меняющихся факторов внешней и внутренней среды.
3. Основные проблемы предприятий НГС экономики России обусловлены высокой зависимостью от зарубежных технологий, несоответствием технического уровня современным требованиям и недостаточным развитием инновационной инфраструктуры.
4. В настоящее время в нефтяной промышленности России ощущается дефицит инновационных отечественных технологий, без которых невозможно разрабатывать практически все новые перспективные ресурсы (арктический шельф, месторождения в Восточной Сибири, глубокие горизонты месторождений в Западной Сибири).
5. Основные направления НИОКР российских нефтяных компаний связаны с особенностями разработки новых месторождений, сокращением удельных затрат

на добычу, в то время как направление НИОКР большинства зарубежных корпораций отражает стратегию их постепенной трансформации от нефтегазовых компаний — в энергетические компании.

6. В настоящее время в современной глобальной экономике сформировалась тенденция изменения целевой установки фирмы — от максимизации прибыли к максимизации добавленной стоимости. Максимизация добавленной стоимости эффективно приводит к необходимости сокращения затрат, увеличения объемов продаж, повышения производительности труда и эффективности инвестиций, что является результатом реализации инновационных проектов и программ.
7. Возможность применения модели максимизации добавленной стоимости предприятиями НГС России обусловлена, главным образом, особенностью производства и перераспределения стоимости в интегрированных структурах, какими являются крупные нефтегазовые компании.
8. Разработанная модель максимизации добавленной стоимости включает следующие блоки (элементы): блок согласования интересов; блок затрат; блок результатов; мониторинговый блок; контрольный блок.
9. Реализация предложенной модели максимизации добавленной стоимости позволит предприятиям нефтегазового сектора России сформировать стратегические конкурентные преимущества и создать условия для сбалансированного устойчивого развития даже в ситуации неблагоприятной конъюнктуры на мировых рынках углеводородного сырья.

Литература

1. *Игнатьев М.* Будущее Ханты-Мансийского округа // Нефтегазовая вертикаль. 2010. № 23–24. С. 78–80.
2. *Ионов С. А.* О решении проблемы согласования интересов в теории заинтересованных сторон // Вестник ИжГТУ. 2013. № 4(60). С. 66–67.
3. *Китай — Россия 2050: стратегия соразвития* / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. М. : Институт экономических стратегий, 2006.
4. *Крюков В. А., Токарев А. Н.* Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: о соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценка) / ИЭОПП СО РАН; отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск : Наука-Центр, 2007.
5. *Куклина Е. А.* Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами: монография. СПб. : СПбГИЭУ, 2008.
6. *Куклина Е. А.* Две концепции развития России: единство и/или борьба противоположностей? // Современные проблемы экономики и организации промышленных предприятий: сб. науч. тр. СПб. : СПГИЭУ. 2011. Вып. 6. С. 227–232.
7. *Маликова О. И.* Изменение условий конкуренции и механизмов ценообразования на мировых энергетических рынках // Сборник статей Международной научно-практической конференции ИГСУ РАНХиГС «Российское государство и социально-экономические вызовы современности», 20 мая 2014 г. М., 2015. С. 137–143.
8. *Парето В.* Учебник политической экономии [Текст]: перевод с фр. / В. Парето; предисл. В. С. Автономова; [пер. А. А. Зотов, В. Л. Силаева]. Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2016. 471 с.
9. *Симчера В. М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. М. : ЗАО «Издательство Экономика», 2007.
10. *Синяк Ю. В., Колпаков А. Ю.* Анализ динамики и структуры затрат в нефтегазовом комплексе России в период 2000–2011 гг. и прогноз до 2020 г. // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5. С. 15–38.
11. *Сию К. К.* Уравленная экономика: Текст, задачи и краткие примеры: пер. с англ. 7-е изд. М. : ИНФРА-М, 2000.
12. *Скобелев В. Л.* Моделирование отношений обмена и конкуренции хозяйствующих субъектов: Теория согласования интересов. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2005. 247 с.
13. *Тaleb Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп.; пер. с англ. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2017.

14. Токарев А.Н. Инновации в нефтяной промышленности: институциональные аспекты // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. № 10. С. 1–10.
15. Тонких А.С., Остальцев А.С. Модель эталонного роста нефтяных компаний // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2013. № 4. С. 37–42.
16. Усик Н.И. Модель оптимизации добавленной стоимости предприятия // Экономический анализ. 2006. № 12. С. 33–38.
17. Усик Н.И., Терентьева Л.Д. К вопросу формирования модели максимизации добавленной стоимости предприятия [Электронный ресурс]. URL: <http://economics.open-mechanics.com/articles/409.pdf> (дата обращения: 24.03.2018).
18. Чеботарев Н.Ф. Инновационная политика и человеческий капитал в нефтегазовой отрасли ТЭК России: монография. М. : Проспект, 2018.
19. Freeman R.E. Strategic management: a stakeholder's approach. Pittman: Boston. 1984.
20. Freeman A.M., Herriges J.A., Kling C.L. The Measurement of Environmental and Resource Values: Theory and Methods. New York: Routledge, 2014. xviii.
21. Keil K. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation and Conflict. 2014. Vol. 49. N 2. P. 162–190.
22. Klare M.T. The Race for What's Left: The Global Scramble for the World's Last Resources. New York: Picador, 2013.
23. Richter R. The new institutional economics — its start, its meaning, its prospects // European Business Organization Law Review. 2005. Vol. 6, N 2. P. 161–200.
24. Ruta M., Venables A.J. International Trade in Natural Resources: Practice and Policy // Annual Review of Resource Economics. 2012. Vol. 4. P. 331–352.
25. Valero Capilla A., Valero Delgado A. Thanatia: the Destiny the Earth's Mineral Resources. A Thermodynamic Cradle-to-cradle Assessment. Singapore; Hackensack, NJ : World Scientific Publishing, 2015. xxxix.

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики, математических и статистических методов финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; jeakuklina@mail.ru

References

1. Ignatev M. Future of Khanty-Mansi Autonomous District // Oil and gas vertical [Neftegazovaya vertikal']. 2010. N 23–24. P. 78–80. (In rus)
2. Ionov S.A. About a solution of the problem of coordination of interests in the theory of interested parties // Messenger of IzHSTU [Вестник ИжГТУ]. 2013. N 4(60). P. 66–67. (In rus)
3. China — Russia 2050: strategy of co-development / B.N. Kuzyk, M.L. Titarenko. M. : Institute of economic strategies, 2006. 656 p. (In rus)
4. Kryukov V.A., Tokarev A.N. Oil and gas resources in the transformed economy: about a ratio of the realized and potential social value of a subsoil (theory, practice, the analysis and assessment) / Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science; ex. edition V.V. Kuleshov. Novosibirsk : Science Center, 2007. 588 p. (In rus)
5. Kuklina E.A. The theory and methodology of sustainable development of the region on the basis of management of industrial complexes: monograph. SPb. : SPbSEEU, 2008. 219 p. (In rus)
6. Kuklina E.A. Two concepts of development of Russia: unity and/or conflict of opposites? // Modern problems of economy and organization of the industrial enterprises [Sovremennye problemy ekonomiki i organizatsii promyshlennykh predpriyatii]: collections of scientific works. SPb. : SPSEEU. 2011. Issue 6. P. 227–232. (In rus)
7. Malikova O.I. Change of conditions of the competition and mechanisms of pricing in the world energy markets // Collection of articles of the ISSU RANEPa International scientific and practical conference "Russian State and social and economic calls of the present" [Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii IGSU RANKhiGS «Rossiiskoe gosudarstvo i sotsial'no-ekonomicheskie vyzovy sovremennosti»], on May 20, 2014. Moscow, 2015. P. 137–143. (In rus)

8. Pareto V. Textbook of political economy [Text]: the translation from French / Vilfredo Pareto; introduction. V. S. Avtonomov; [translation of A. A. Zotov, V. L. Silaeva]. Moscow : RIOR : INFRA-M, 2016. 471 p. (In rus)
9. Simchera V. M. Development of economy of Russia for 100 years: 1900–2000. Historical ranks, century trends, periodic cycles. Moscow : CJSC Economy Publishing House, 2007. 683 p. (In rus)
10. Sinyak Yu. V., Kolpakov A. Yu. The analysis of dynamics and structure of expenses in an oil and gas complex of Russia during 2000–2011 and the forecast till 2020 // Forecasting Problems [Problemy prognozirovaniya], 2014. N 5. P. 15–38. (In rus)
11. Sio K. K. Managerial Economics: Text, tasks and short examples: translation from English. 7th prod. Moscow : INFRA-M, 2000. 671 p. (In rus)
12. Skobelev V. L. Modeling of the relations of exchange and competition of economic entities: Theory of coordination of interests. SPb. : Publishing house SPbSUEF, 2005. 247 p. (In rus)
13. Taleb Nassim Nicholas. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. 2nd ed. Translation from English. Moscow : CoLibry, Alphabet Atticus, 2017. 736 p. (In rus)
14. Tokarev A. N. Innovations in oil industry: institutional aspects // Interexpo Geo-Siberia [Intereskpo Geo-Sibir']. 2012. N 10. P. 1–10. (In rus)
15. Tonkikh A. S., Ostaltsev A. S. Model of the reference growth of the oil companies // Problems of economy and management of an oil and gas complex [Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom]. 2013. N 4. P. 37–42. (In rus)
16. Usik N. I. Model of optimization of value added of the enterprise // Economic analysis [Ekonomiceskii analiz]. 2006. N 12. P. 33–38. (In rus)
17. Usik N. I., Terentyev L. D. On a question of formation of model of maximizing value added of the enterprise [An electronic resource]. URL: <http://economics.open-mechanics.com/articles/409.pdf> (In rus)
18. Chebotarev N. F. Innovative policy and the human capital in oil and gas branch of energy industry of Russia: monograph. Moscow : Prospect, 2018. 184 p. (In rus)
19. Freeman R. E. Strategic management: a stakeholder's approach. Pittman: Boston. 1984.
20. Freeman A. M., Herriges J. A., Kling C. L. The Measurement of Environmental and Resource Values: Theory and Methods. New York: Routledge, 2014. xviii.
21. Keil K. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation and Conflict. 2014. Vol. 49. N 2. P. 162–190.
22. Klare M. T. The Race for What's Left: The Global Scramble for the World's Last Resources. New York : Picador, 2013.
23. Richter R. The new institutional economics — its start, its meaning, its prospects // European Business Organization Law Review. 2005. Vol. 6, N 2. P. 161–200.
24. Ruta M., Venables A. J. International Trade in Natural Resources: Practice and Policy // Annual Review of Resource Economics. 2012. Vol. 4. P. 331–352.
25. Valero Capilla A., Valero Delgado A. Thanatia: the Destiny the Earth's Mineral Resources. A Thermodynamic Cradle-to-cradle Assessment. Singapore; Hackensack, NJ : World Scientific Publishing, 2015. xxxix.

About the author:

Evgenia A. Kuklina, North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), Chair of Business Informatics, Mathematical And Statistical Methods, Doctor of Science (Economy), Full Professor; jeakuklina@mail.ru

Реализация государственного контроля и регулирования в здравоохранении при переходе к цифровой экономике

Ковалев С. П.^{1*}, Сороколетов П. В.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация; *kovalev-sp@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Переход к элементам цифровой экономики в здравоохранении предоставляет радикально новые возможности для контроля и регулирования. Одновременно растет информационная прозрачность, что ведет к росту доверия со стороны гражданского общества. В этой связи Министерство здравоохранения развивает Единую государственную информационную систему здравоохранения. В статье анализируется соответствие этих усилий современным научным парадигмам цифровой экономики и мировым трендам в цифровом здравоохранении с целью оценить корректность выбранных направлений и подходов. На основании современной теории управления в сложных социально-экономических системах, анализа степени соответствия лучших мировых практик характеру внедряемых элементов цифрового здравоохранения в России делается вывод о необходимости отказа от устаревших иерархических принципов контроля и регулирования. Предложена новая концептуальная модель на основе сообщества автономных сетевых агентов.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение, мультиагентный подход, информационная эффективность управления, поведенческая рациональность, сетевой принцип контроля и регулирования

Government Control and Regulation in Health Care in Digital Economy Epoch

Kovalev S. P.^{a*}, Sorokoletov P. V.^a

^aThe Presidential Russian Academy of national economy and public administration (RANEP), Moscow, Russian Federation; *kovalev-sp@ranepa.ru

ABSTRACT

Approaching to health care digital economy gives dramatic new opportunities for regulation. At the same time information transparency leads to civil society growth of trust. The Russian "Digital Economy" program provides considerable means until 2024. The Ministry of Health also develops the Uniform state information system of health care. Compliance of these efforts to modern scientific paradigms of digital economy and to the nowadays world trends in digital health care with the purpose to estimate correctness of the directions and approaches chosen are analysed. On the basis of the modern theory of management in the sphere of difficult social and economic systems the analysis of the best world practices compliance to features of the of digital health care applications in Russia the conclusion that outdated hierarchical principles of control and regulation need to be refused is drawn. The new conceptual model on the basis of community of autonomous network agents is offered.

Keywords: digital health care, multiagent approach, informationally efficient mechanisms using the language of sets, behavior rationality, network principle of control and regulation

Введение

Возможности и практические методы контроля деятельности экономических субъектов в значительной мере определяются информационными технологиями, которые доступны обществу на текущей фазе его развития. При этом, говоря о контроле,

подразумеваются две основные функции: проверка действий субъекта на соответствие принятым нормам права и правилам регулирования; раскрытие субъектом информации о результатах своей деятельности перед социумом, государственными контролирующими органами и регулятором. Для сферы здравоохранения обе функции являются критичными с точки зрения обеспечения качества и доступности медицинских услуг. Российская программа «Цифровая экономика», фиксируя стратегические цели государства на период до 2024 г., задает приоритеты для разработки и внедрения новых цифровых технологий контроля и управления в здравоохранении.

На заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 марта 2017 г. министром здравоохранения было прямо указано, что в 2020 г. Минздрав планирует «в целом завершить» формирование единой государственной информационной системы сферы здравоохранения (ЕГИСЗ) на основе единой электронной медицинской карты пациента. Предположительно, это позволит проводить комплексный анализ ресурсной эффективности и выйти «на качественно новый уровень управления здравоохранением»¹. Согласно публичным выступлениям министра связи и массовых коммуникаций, государство в рамках финансирования развития цифровой экономики планирует затратить до 100 млрд руб. в период до 2024 г.

В связи с этим российскому обществу важно четко понимать, насколько эффективно то, что делается сегодня, получив ответ на три вопроса:

- насколько сложившееся у регулятора здравоохранения понимание принципов функционирования цифровой экономики, заложенное в основу ЕГИСЗ и методик работы с медицинской информацией, соответствует современным мировым тенденциям и практике наиболее передовых стран в сфере цифровых технологий?
- насколько новые модели контроля и регулирования системы российского здравоохранения соотносятся с современными научными парадигмами в области управления сложными экономическими системами?
- какова степень использования всех преимуществ новейших цифровых технологий, реализуемая создаваемой информационной инфраструктурой в здравоохранении?

Попробуем ответить на них как с позиций теории, так и мировой практики.

Современный теоретический базис контроля и регулирования в социально-экономических системах

Описанные в последнее десятилетие в трудах ряда известных ученых фундаментальные принципы управления сложными экономическими системами отражают переход от парадигмы традиционного иерархического управления «контрольно-регулирующий орган — субъект» к парадигме саморазвивающихся и саморегулируемых систем «субъект-субъект», или «экономической кибернетике третьего порядка» [3]. Лауреат Нобелевской премии по экономике Леонид Гурвич (Leo Hurwicz, 2007) в своем труде «Designing Economic Mechanisms» [5] предлагает конструировать механизмы чистого экономического управления социальными системами, выбирая средства для этого, исходя из целей и средств, которыми располагает регулятор — «constructing mechanisms from goals to means» [5, с. 63], а также информационной эффективности управления — «informationally efficient mechanisms using the language of sets» [5, с. 182].

¹ Доклад министра здравоохранения Российской Федерации на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/54079> (дата обращения: 10.04.2017).

Нобелевский лауреат Оливер Уильямсон (Oliver Williamson, 2009) рассматривает поведенческие предпосылки, лежащие, по его мнению, в основе любого успешного экономического анализа [9]. В своей работе он ввел три формы поведенческой рациональности субъектов, участвующих в экономической деятельности: сильную (максимальная рациональность), полусильную и слабую рациональность, указывая при этом со ссылками на предшественников, что для понимания поступков людей необходимо более полно понимать, как работает человеческий разум. Из этой констатации вытекает принцип «ориентации на собственный интерес», выражаемый тремя различными уровнями интенсивности эгоистического поведения при принятии экономических решений. Наиболее сильная форма, «оппортунизм» по Уильямсону, соответствует теории транзакционных издержек (субъектом отвергаются любые направленные на него лично требования). Под полусильной формой понимается следование своим интересам в, так сказать, обыденном смысле. Слабая форма («послушание») означает отсутствие следования субъектом личным интересам.

Такого рода социальный аспект поведения элементов системы не может не учитываться при моделировании сложных социально-экономических систем, подобных здравоохранению. В связи с этим отметим, что в последние годы в мировой и отечественной научной среде активное развитие получил сетевой принцип социального моделирования сложных систем [4]. Весьма продуктивным является его новейшее направление, появившееся на стыке хорошо известного класса моделей искусственного интеллекта (ИИ), — мультиагентных систем (МАС) [8] и их компьютерных реализаций [7].

Одним из перспективных вариантов компьютерного моделирования на основе агент-ориентированного подхода (agent-based approach) ряд авторов полагает моделирование агентов с ограниченной интеллектуальностью с помощью нейронных сетей [8]. Приводимые ими примеры практических приложений этого подхода демонстрируют его преимущества, в числе которых естественная для нейронных сетей возможность распараллеливания вычислений для многоядерных вычислительных устройств. Особенно важно, что это не обязательно должны быть суперкомпьютеры, поскольку даже многоядерные графические процессоры (graphic processing units, GPU), примерно на порядок превосходящие производительность современных многоядерных центральных процессоров (central processing units, CPU) на однотипных вычислениях, дают значительный эффект при решении задач высокой вычислительной сложности, характерных для социального моделирования.

В качестве одного из новейших примеров практического использования вычислительных преимуществ таких моделей в отечественной практике можно указать сценарный расчет изменений в российском здравоохранении [1]. Далее сопоставим, насколько все это укладывается в предлагаемые сегодня решения в Российской Федерации.

Современное понимание принципов контроля и состояние инфраструктурных элементов цифрового здравоохранения в России

В настоящее время, несмотря на возможности цифровых технологий по хранению, оперативной обработке и доставке любой информации в реальном масштабе времени, продолжает действовать унаследованная от «бумажной эры» и автоматически перенесенная (калькированная) система документарной отчетности [2]:

- для поликлиник действуют 95 видов форм первичного учета (талоны, карты, журналы, справки и др.);

- стационары готовят 40 видов форм первичного учета (карты, журналы, выписки и пр.);
- регламентные отчеты Федерального Фонда обязательного медицинского страхования (ФФОМС) включают в себя 10 форм, из которых 5 ежемесячных, 3 ежеквартальных, одна полугодовая и одна годовая.

Кроме того, Минздрав РФ собирает еще 50 форм. Росстат требует 20 форм. Росздравнадзор и Роспотребнадзор проводят проверки на местах, каждая из которых сопровождается отдельным актом на бумажном носителе и, в лучшем случае, загрузкой его сканированной копии в электронное хранилище этих структур и Минздрава, недоступное для общественности или медицинского сообщества.

Все эти документарные формы существуют либо сами по себе, либо загружаются в виде XML-документов и файлов PDF в одну из автоматизированных информационных систем (АИС) Федерального и территориальных Фондов обязательного медицинского страхования, АИС обращения лекарств и медицинских изделий. Либо — одну из более чем 60 различных систем и сервисов, которые могут быть использованы в качестве составной части ЕГИСЗ [2]. Что, заметим, в большинстве случаев не исключает необходимости дублирующей подачи документа на бумажном носителе.

Особый интерес представляет собой анализ структур информационного обмена в ЕГИСЗ. Приводимый пример запроса «от сервиса ИПС к SOAP-серверу»¹, иллюстрирующий информационный обмен и способы хранения данных в самой ЕГИСЗ и ее подключаемых компонентах, описание тегов такого запроса, приведенное там же², ясно демонстрируют, что система реализует парадигму обмена данными начала 2000-х годов. Приводимые в этом документе образцы унаследованных от эры бумажного документооборота форм, требуемых к заполнению и передаче в формате PDF и в твердой (бумажной) копии, представляются вообще избыточными в эпоху саморегулируемых сетевых цифровых сообществ, подобных blockchain-платформам.

Требования к защите каналов и передаваемой информации, способам криптозащиты и степень публичности информации — отдельный важнейший вопрос, который, к сожалению, также вступает в некоторое противоречие с мировыми тенденциями. В частности, с новейшими положениями в Европейском регулировании, отраженными в «Общих правилах регулирования в области защиты данных (The EU General Data Protection Regulation, GDPR)»³, которые после двухлетнего адаптационного периода, в мае 2018 г. войдут в полную силу.

Как подчеркивается в преамбуле к этому обширному документу, «общие правила регулирования в области защиты данных несут наиболее важные изменения в области регулирования приватности данных в последние 20 лет». Одним из ключевых элементов документа является концепция «Privacy by design», де-факто уже существовавшая, но впервые ставшая частью нормативно-правовых требований в качестве раздела GDPR. Ее смысл очень прост: ни один разработчик не должен использовать, хранить, обрабатывать больше личной информации граждан и компаний, чем это необходимо с точки зрения алгоритмов, лежащих в основе программного обеспечения. Одновременно вводится право «быть забытым» (Right to be Forgotten), обязующее в безусловном порядке удалить все данные пользователя по его требованию.

¹ Публикация веб-служб информационных систем ЕГИСЗ в сервисе ИПС. Подключение к веб-службам информационных систем ЕГИСЗ, опубликованным в сервисе ИПС // Методические материалы. М., 2018. С. 17–19.

² Там же, с. 22.

³ Официальный сайт The EU General Data Protection Regulation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eugdpr.org/key-changes.html> (дата обращения: 02.04.2018).

Любопытной новацией, призванной обеспечить соблюдение двух этих фундаментальных требований, является введение особой надзорной инстанции, института «офицеров защиты данных» (Data Protection Officers), которые:

- должны обладать профессиональной квалификацией в области компьютерной обработки и передачи данных, и, в частности, экспертными знаниями в области законов и практики защиты данных;
- должны являться штатными сотрудниками внешнего провайдера этой услуги;
- их полные контактные данные должны быть доступны всем лицам, имеющим отношение и участвующим во взаимодействии с соответствующими структурами передачи и обработки данных;
- должны быть снабжены соответствующими ресурсами для выполнения стоящих перед ними задач и поддержания своего экспертного уровня знаний;
- обязаны немедленно обо всех значимых фактах докладывать вышестоящим уровням руководства;
- не должны выполнять любые иные задачи, которые способны привести к возникновению конфликта интересов.

Не менее интересна и другая магистральная тенденция в контроле и регулировании, которую проиллюстрируем на примере здравоохранения: перевод «де-факто» сложившихся цифровых решений в формат законных «де-юре».

Основываясь на последних документах Агентства по контролю за продуктами и лекарствами США (Food & Drug Agency)¹, приблизительным по этой функции аналогом наших Роспотребнадзора и Росздравнадзора, в частности «Акте о лечении в 21-м веке» от 13.12.2016 (The 21st Century Cures Act), являющемся частью «Плана действий по цифровым инновациям» (Digital Health Innovation Action Plan):

- вводится четкое разграничение понятий медицинского цифрового устройства медицинского программного обеспечения;
- легализуется применение самого широкого и, главное, постоянно обновляющегося спектра цифровых устройств мобильной медицины (mHealth) и беспроводных устройств «телездоровья» (telehealth, новый термин, который означает мобильные диагностические, дозирующие и т. п. индивидуальные устройства, и который в России пока не вошел в широкое употребление).

При этом особо подчеркивается, что применение технологий, подобных смартфонам, социальным сетям и медицинским интернет-приложениям, не просто изменяет способы взаимодействия субъектов здравоохранения, но и создает возможность большей доступности информации для всех субъектов системы здравоохранения. В оригинальном тексте даже использован термин конвергенция, в смысле объединения в общей среде пациентов, информационных ресурсов, технологий доступа к ним, медицинских сообществ и государственных институтов для достижения единой цели — улучшения системы здравоохранения и результатов ее деятельности.

В качестве основных направлений деятельности FDA в области продвижения цифровой медицины, направленных на обеспечение баланса простоты использования новшеств, выгоды от их применения и минимизации возможных рисков, указаны: беспроводные медицинские устройства, мобильные медицинские приложения, ИТ в сфере здравоохранения, телемедицина (в ее традиционном понимании), устройства и системы хранения медицинских данных, совместная работа медицинских устройств во взаимодействии друг с другом (interoperability), программное обеспечение как медицинское устройство (Software as a Medical Device, SaMD), кибербезопасность.

¹ Официальный сайт Федерального агентства США по контролю продуктов питания и медикаментов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fda.gov/medicaldevices/digitalhealth> (дата обращения: 04.04.2018).

Какова же одна из важнейших целей всей этой революции индустрии цифрового здравоохранения, которое в 2017, по оценкам, имело глобальную стоимость 25 млрд фунтов, и, что даже важнее, потенциал сокращения издержек в системе здравоохранения за счет эффективности взаимодействия субъектов — порядка 7 млрд долл. только в США? Стоит прислушаться в этой связи к мнению еженедельного реферируемого научного медицинского журнала BMJ, издаваемого с 1840 г.: «Нам необходима в будущем живая и доказательная [информационная] инфраструктура, которой каждый может доверять» («we need an agile and future proof framework that everyone can trust»)¹.

Вот лишь один, но яркий пример такой «доказательности» и живой, постоянно обновляющейся информационной среды. Каждый год в США приблизительно 722 тыс. госпитализированных пациентов заражаются серьезной инфекцией в ходе лечения в госпитале, среди которых наибольший процент связан с инфекцией, вызванной катетером — инфекция мочевых путей (CAUTI), местной хирургической инфекцией (SSI) и центральной инфекцией кровотока (CLABSI). Приблизительно 75 тыс. из них умирают во время их госпитализации из-за этих инфекций (по данным Medicare & Medicaid Services, USA). Чтобы улучшить эти показатели, федеральное правительство США в 2015 г. разработало метрику связи внутрибольничной инфекции (HIA) с централизованно выплачиваемыми медицинскими пособиями. Если больницы продолжают иметь высокий уровень внутренних инфекций, то их федеральные медицинские пособия уменьшаются.

Система мониторинга метрик (рис. 1) является полностью открытой: общая карта страны с нанесенными на нее госпиталями и доступный для поиска список госпиталей, которые имели метрику хуже, чем средний национальный показатель, размещены на сайте. *Любой посетитель* в режиме реального времени может видеть рейтинг госпиталя в зависимости от числа внутренних госпитальных инфекций [6]. Отметим, что в настоящее время в тестовом режиме функционируют также аналогичный сайт с картой статистики смертельных случаев из-за медицинских ошибок.

Подытоживая вышеизложенный анализ и примеры мировых тенденций в использовании радикальных преимуществ цифровых технологий, можно сделать вывод: ответ на все три поставленных нами в начале вопроса — скорее отрицательный. Если оценить его математически, в духе современной нечеткой логики, действительным числом в диапазоне от 0 до 1, то мы бы дали оценку не выше 0,2. Очевидно, что для реализации перехода в цифровую эпоху контроля и регулирования необходимо применять иную, нежели складывающаяся, модель системы здравоохранения и ее информационной инфраструктуры. Одно из направлений развития такой модели в части подсистем контроля предложим далее.

Переход от иерархических принципов контроля и регулирования к online-мониторингу на основе сообщества автономных сетевых агентов

В иерархической схеме в том виде, как она складывается сейчас в российском здравоохранении, обе основные функции контроля, упомянутые нами во введении: проверка действий субъекта регулирования и раскрытие им информации — сегодня фактически неразделимы. Более того, большая часть циркулирующей информации необоснованно носит сугубо ведомственный, закрытый характер. Что, как мы уже показывали, противоречит принципам открытого цифрового общества. Это также не позволяет использовать методы обработки сверхбольших массивов данных (big data) для перекрестной верификации данных, поступающих от различных

¹ Официальный сайт British Medical Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmj.com/content/360/bmj.k6> (дата обращения: 05.04.2018).

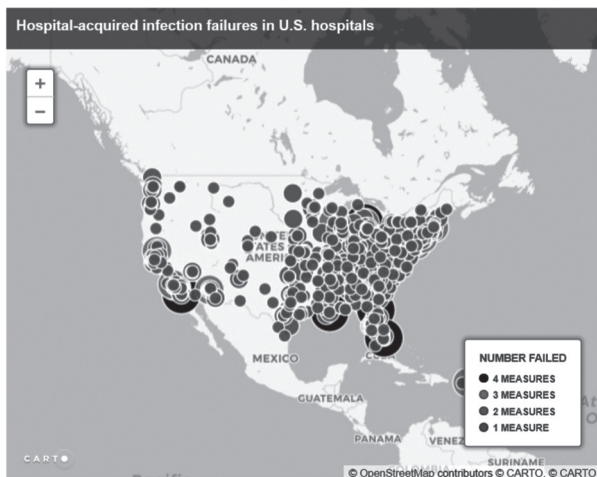

Рис. 1. Общий вид публичного геоинформационного ресурса по раскрытию данных о внутрибольничных инфекциях в госпиталях США [6]

Fig. 1. A general view of a public geoinformation resource on disclosure of data on intrahospital infections in hospitals of the USA

субъектов в реальном времени, проводить их глубокий анализ методами, выходящими за рамки простейшей статистической обработки.

Разумеется, та часть сведений, которые могут подпадать под защиту на основании 152-ФЗ «О персональных данных», не может быть раскрыта публично. Но для раскрытия информации о состоянии госпитальной инфекционной службы, скажем, продолжая пример [6] применительно к российским реалиям, это и не требуется. Одно из важнейших преимуществ цифровых технологий — именно способность «обезличивания» данных, перевода их из категории электронной карты конкретного пациента в категорию абстрактной статистической единицы.

Схема на рис. 2 иллюстрирует идею о том, как могла бы выглядеть инфраструктура информационного взаимодействия медицинского сообщества, государственных институтов и гражданского общества как системы автономных и равноправных сетевых агентов (СА). Она основана на мультиагентном подходе к моделированию сложных социально-экономических систем, где каждый субъект представляет собой информационный агент, действующий независимо от других агентов в рамках общей сетевой платформы, которая:

- обеспечивает единый язык и протокол общения информационных агентов, независимо от роли и класса этого агента;
- дает возможность публикации каждым агентом сообщений в общем пространстве по типу «доски объявлений», обеспечивая эргономичную визуализацию публикуемых данных;
- осуществляет автоматическую параметризацию поступающих данных в соответствии со структурными особенностями поступающей информации и общих знаний о ее содержимом (метазнаний предметной области), встроенный контроль отклонений от ожидаемых величин, необъяснимых статистически.

В соответствии с базовым принципом МАС [8] каждый агент действует исходя из собственных интенций, и даже может ничего не знать о существовании, намерениях, скрытых мотивациях других агентов и возможностях к их реализации, в полном соответствии с принципами Гурвича [5] и Уильямсона [9]. Такое взаимодействие

Рис. 2. Участники системы здравоохранения как сообщество сетевых агентов
Fig. 2. Participants of a health care system as community of network agents

напоминает общение членов социальной сети, и, по существу, не отличается от нее. Роль контрольной инстанции при таком подходе сводится к постоянному присутствию в сетевом пространстве и проверке алгоритмическими средствами набора характеристик, определяемого и постоянно в режиме online актуализируемого регулятором.

Задачей регулятора, таким образом, становится мониторинг социальных показателей, извлекаемых мультиагентной платформой сети из потоков сообщений агентов — граждан и агентов — медицинских учреждений, их публикация в удобной визуальной форме, например, подобной той, которую мы наблюдаем на карте внутренних госпитальных инфекций [6], и публикация обновленных на основе их анализа наборов контролируемых характеристик системы.

Подтверждение факта поступления сведений от конкретного агента в конкретный момент времени сегодня легко обеспечить на основе применения blockchain-технологий, идеально подходящих именно для такого сетевого взаимодействия различных агентов и не требующих прибегать к бюрократизированным процедурам авторизации, например, с помощью ЭЦП, как это сейчас реализовано в ряде ГИС.

Заметим, что при таком подходе нет заранее заданной периодичности, которая подразумевает, не беремся здесь судить, хорошо это или плохо, «подготовку к сдаче отчетности», нет регламентных форм — есть доступность актуальной информации в любой момент по запросу (по активации сессии присутствия агента в системе).

Заключение

Мы показали на основе рассмотрения теоретических принципов чистого экономического управления социальными системами, на основе субъектно-субъектного подхода к организации информационного взаимодействия, на примерах практических тенденций и подходов к реализации потенциала цифрового общества в сфере здравоохранения, что сейчас ответы на три фундаментальных вопроса о правильности выбора пути информатизации российского здравоохранения — скорее негативны:

- у регулятора здравоохранения в настоящее время скорее нет, чем есть, ясного понимания принципов и современных способов использования преимуществ цифрового здравоохранения и цифровой экономики;
- методы общественного контроля не предусмотрены в ЕГИСЗ в ее нынешнем виде;
- иерархические модели контроля и регулирования системы российского здравоохранения во многом остаются заложниками отошедшей эпохи бумажного документооборота и слабо соотносятся с современными научными парадигмами в области управления сложными социально-экономическими системами.

Для реализации всех достоинств и преимуществ цифрового здравоохранения необходим осознанный на всех уровнях общества переход от иерархических принципов контроля и регулирования к online-мониторингу на основе сообщества автономных сетевых агентов, идея которого проиллюстрирована в настоящем материале. Не считая это изложение исчерпывающим, авторы надеются, что оно послужит одним из стимулов для дальнейшего развития в нашей стране такого актуального и перспективного направления, как полноценная цифровая медицина.

Литература

1. Ковалев С. П. Прогноз инерционного сценария изменений в российском здравоохранении на основе аппроксимирующих функций и нейронной сети / С. П. Ковалев, П. В. Сороколетов, Е. Р. Яшина, А. В. Генералов, А. Н. Кнутов // Инновации и инвестиции. 2017. № 12. С. 180–190.
2. Ковалев С. П., Сороколетов П. В., Гулиев Я. И., Яшина Е. Р. Информационный агрегатор для управленческого учета в цифровом здравоохранении // Врач и информационные технологии. 2017. № 4. С. 83–94.
3. Лепский В. Е. Экономическая кибернетика саморазвивающихся сред (кибернетика третьего порядка) // Управленческие науки. 2015. № 4. С. 22–34.
4. Макаров В. Л. Социальное моделирование — новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели) / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин. М. : Экономика, 2013.
5. Hurwicz, L. Designing Economic Mechanisms // Cambridge University Press, 2006.
6. McCann, E. Facilities scored worse than the national average // Healthcare IT News [Электронный ресурс]. URL: <http://www.healthcareitnews.com/news/hospital-acquired-infections-state>. April 21, 2015 (дата обращения: 04.04.2018).
7. Ming Yin, Yu-An Sun. Human Behavior Models for Virtual Agents in Repeated Decision Making under Uncertainty. Proceedings of the 14th International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems. Singapore, 2015 // IFAAMAS. P. 581–589.
8. Weiss, G. Multiagent systems // MIT Press, 2013, 2nd ed. P. 920.
9. Williamson, O. E. Behavioral Assumptions // The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y. : Free Press, 1985. P. 44–52.

Об авторах:

Ковалев Сергей Петрович, кандидат технических наук, заслуженный экономист Российской Федерации, заведующий Лабораторией информационных технологий в управлении Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); kovalev-sp@ranepa.ru

Сороколетов Павел Валерьевич, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории информационных технологий в управлении Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); SorokoletovPV@yandex.ru

References

1. Kovalev S. P. The forecast of the inertial scenario of changes in the Russian health care on the basis of the approximating functions and neural network / S. P. Kovalev, P. V. Sorokoletov, E. R. Yashina, A. V. Generalov, A. N. Knutov // Innovations and investments [Innovatsii i investitsii]. 2017. N 12. P. 180–190. (In rus)
2. Kovalev S. P., Sorokoletov P. V., Guliev Ya. I., Yashina E. R. The information aggregator for management accounting in digital health care // Doctor and information technologies [Vrach i informatsionnye tekhnologii]. 2017. N 4. P. 83–94. (In rus)
3. Lepsky V. E. Economic cybernetics of spontaneous environments (cybernetics of the third order) // Administrative sciences [Upravlencheskie nauki]. 2015. N 4. P. 22–34. (In rus)
4. Makarov V. L. Social modeling — new computer break (the agent - oriented models) / V. L. Makarov, A. R. Bakhtizin. Moscow : Economy, 2013. 295 p. (In rus)
5. Hurwicz, L. Designing Economic Mechanisms // Cambridge University Press, 2006.
6. McCann, E. Facilities scored worse than the national average // Healthcare IT News. [Electronic resource]. URL: <http://www.healthcareitnews.com/news/hospital-acquired-infections-state>. April 21, 2015 (date of the address: 04.04.2018).
7. Ming Yin, Yu-An Sun. Human Behavior Models for Virtual Agents in Repeated Decision Making under Uncertainty. Proceedings of the 14th International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems. Singapore, 2015 // IFAAMAS. P. 581–589.
8. Weiss, G. Multiagent systems // MIT Press, 2013, 2nd ed. P. 920.
9. Williamson, O. E. Behavioral Assumptions // The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y. : Free Press, 1985. P. 44–52.

About the authors:

Sergey P. Kovalev, PhD in Engineering, Honored economist of Russian Federation, Head of the Laboratory of Information Techniques for Management and Control, the Presidential Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); kovalev-sp@ranepa.ru

Pavel V. Sorokoletov, Doctor in Engineering, Leading Research Worker of the Laboratory of Information Techniques for Management and Control, the Presidential Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); SorokoletovPV@yandex.ru

Определение групп субъектов социального туризма

Каранатова Л. Г.^{1*}, Евсюков А. В.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *karanatova-lg@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу понятия «социальный туризм». В работе раскрывается значимость социального туризма как механизма, обеспечивающего возможность сделать путешествия и отдых доступными для всех слоев населения. В связи с этим в работе рассматриваются не только экономические аспекты социального туризма, но и этические. Поднимается вопрос классификации групп населения, нуждающегося в поддержке, при реализации прав на отдых для наибольшего достижения результатов отдыха и эффективного распределения финансовых и временных ресурсов.

Ключевые слова: туризм, социальный туризм, инфраструктура, молодежный туризм, возрастной туризм, туризм людей с ограниченными физическими и финансовыми возможностями

Definition of Groups of Social Tourism Subjects

Karanatova L. G.^{a*}, Evsyukov A. V.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *karanatova-lg@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article is aimed to analyze meaning of «social tourism». The importance of social tourism as a mechanism providing the opportunity to make travel and recreation accessible to all segments of the population is observed. In this regard, beside economic aspects of social tourism the article is also dealt with ethical aspects. The issue of classifying groups of people, who needs support in performing their right for the rest, for most efficient leisure and efficient allocation of financial resources and time, is being raised.

Keywords: tourism, social tourism, infrastructure, youth, age tourism, tourism of people with limited physical and financial capabilities

«Каждый имеет право на отдых»¹ — этот простой тезис, занесенный в Конституцию Российской Федерации, гарантирует гражданам право на отдых и, соответственно, налагает на органы исполнительной власти обязанности по обеспечению населения возможностью реализовать это право. Очевидно, что в силу различных обстоятельств, не все группы населения имеют равные возможности для отдыха. Организация отдыха групп населения, лишенных, по объективным причинам, возможности самостоятельно организовать свой отдых с целью восстановления жизненных сил и поправки физического и психологического здоровья, составляет суть социального туризма.

В соответствии с Федеральным законом от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», социальный туризм — туризм,

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.09.2017).

полностью или частично осуществляемый за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов (в том числе средств, выделяемых в рамках государственной социальной помощи), а также средств работодателей¹. Исходя из данного определения, если какой-либо группе населения оказывается государственная поддержка в организации отдыха посредством туристской поездки, то эта группа и есть субъект социального туризма. Отсутствие указания на целевые группы делает определение, с одной стороны, более гибким и адаптивным под изменяющиеся социальные процессы. Но отсутствие минимальных критериев, позволяющих определить группы населения, нуждающиеся в подобной государственной поддержке, оставляет вопрос определения данных групп открытым. Указанные в Законе нормы носят декларативный характер, поскольку за время действия Закона об основах туристской деятельности не было принято ни одного нормативного акта федерального значения, направленного на развитие социального туризма и установление единообразия терминологии и методологического подхода к его организации.

Согласно Манильской декларации по мировому туризму, принятой на всемирной конференции по туризму в 1980 г., «социальный туризм — это цель, к которой общество должно стремиться в интересах менее обеспеченных граждан при использовании их права на отдых»². Данное определение слишком общее, в его содержании не раскрывается суть понятия «менее обеспеченные граждане». Вероятно, имелась в виду экономическая составляющая, при которой субъект не в состоянии самостоятельно реализовать свое право на отдых. Также не раскрытым остается понятие «использование права на отдых». Каким образом субъект может реализовать свое право на отдых, и что имеется в виду под отдыхом? Общий характер определения не позволяет проработать на его основе механизмы по реализации прав субъекта.

Более содержательной является Монреальская декларация «К гуманному и социальному видению туризма», принятая Генеральной ассамблеей Международного бюро социального туризма 12 сентября 1996 г. В ее тексте помимо прочего говорится, что к движению социального туризма может принадлежать любая туристская организация (ассоциация, кооператив, общество взаимопомощи, фонд, федерация, неприбыльная организация, компания и т. д.), которая в своем уставе или регламенте четко ставит задачи социального характера и цель обеспечения доступности путешествий и туризма для максимального количества людей, не ограничивая себя единственной целью максимального получения прибыли. В данном документе указываются важные социально-экономические аспекты, характеризующие социальный туризм, перечислены многие положительные факторы, сопутствующие его развитию, но, так же как и в вышерассмотренном документе, отсутствуют указания на субъект.

В работе «Моделирование развития социального туризма как перспективной отрасли экономики России» О. Н. Дьяченко определяет социальный туризм как путешествия, субсидируемые из средств, выделяемых государством на социальные нужды [2].

В монографии «Организационно-экономический механизм функционирования социального туризма» ее автор, Л. В. Сергиенко, определяет социальный туризм как любой вид туризма (познавательный, курортный, экологический, сельский и т. д.),

¹ Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 04.09.2017).

² Манильская декларация по мировому туризму [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.unwto.org/> (дата обращения: 04.09.2017).

расходы на который, полностью или частично, оплачиваются туристу из финансовых источников, предназначенных на социальные нужды [4].

Рассмотренные выше определения раскрывают понятие социального туризма как социально-экономическую категорию. При этом основной акцент делается на государственное софинансирование данного направления за счет бюджетных средств. В последнем определении автор применяет термин «финансовые источники», что позволяет нам рассматривать в качестве источников финансирования социального туризма не только государство, но любую туристскую организацию, взявшую на себя, полностью или частично, расходы туриста. Данный подход вторит духу Монреальской декларации.

Рассмотрим теперь подходы к определению социальных групп, являющихся объектом социального туризма.

Международная организация социального туризма (далее — ИСТО) является международной некоммерческой организацией, созданной для стимулирования развития социального туризма на международном уровне. На официальном сайте этой организации можно найти следующее определение: «Социальный туризм включает в себя любые мероприятия, способствующие на справедливой и устойчивой основе облегчению доступа к отдыху и туризму для всех». В документах ИСТО мы можем найти более конкретное определение: «Социальный туризм — это совокупность программ и акций, нацеленных на эффективное использование населением права на отпуск и доступ к туризму для представителей всех слоев общества и, в частности, молодежи, семей, пенсионеров, людей с низким уровнем доходов, инвалидов и обеспечение равноправных отношений между посетителями и населением принимающих регионов».

В своем учебнике «Международный туризм» А. Ю. Александрова указывает, что концепция социального туризма покоится на трех основополагающих принципах: обеспечение отдыха всех и каждого члена общества путем широкого вовлечения в сферу туризма людей с низким уровнем доходов, субсидирование туризма малоимущих и активное участие центральных правительственных, муниципальных, общественных и коммерческих структур в его развитии [1].

В. С. Сенин в учебнике «Организация международного туризма» определяет социальный туризм как сектор туристского рынка, где покупатели получают субсидии из средств, выделяемых государством на социальные нужды или иных источников покрытия, в целях создания условий для путешествий и отдыха школьникам, работающей и учащейся молодежи из малообеспеченных семей, пенсионерам, ветеранам и инвалидам, т. е. лицам, которым государственные и иные организации оказывают социальную поддержку [3].

Ректор Российской международной академии туризма Евгений Николаевич Трофимов в статье «Социальный туризм в России и в Европе» написал: «На мой взгляд, социальный — это весь туризм, признанный приоритетным государством и обществом и позволяющий быть доступным молодежи, пенсионерам, инвалидам, людям, имеющим материальные или физические недостатки». Также в упомянутой статье этот автор обращает внимание на недостаток одностороннего определения социального туризма как экономической категории без учета нравственной составляющей. «Главное здесь — социальная значимость в плане доступности к отдыху слабозащищенных слоев населения» [5].

Анализируя содержание приведенных выше определений социального туризма, мы можем заметить, что все авторы единодушно выделяют группы населения, являющиеся приоритетными, при этом сохраняя основной акцент на лицах, не имеющих финансовой возможности для самостоятельного отдыха и восстановления. Установив факт неоднородности субъектов социального туризма, можно сделать выводы о возможности несовпадения целей туризма у различных групп населения.

Это заключение говорит нам о необходимости различного методологического подхода к группам, имеющим несовпадающие туристские потребности, для достижения наибольшего положительного эффекта от их отдыха.

В целях определения принципов и приоритетных направлений государственной политики в области социального туризма, был разработан проект Федерального закона № 377260-3 «О туризме и туристской индустрии в Российской Федерации». Данный законопроект, отклоненный в 2011 г., содержал подробный перечень групп населения, являющихся объектом социального туризма. В частности, к социальному туризму были отнесены: детско-юношеский туризм; семейный туризм; туризм пожилых людей, инвалидов и ветеранов; туризм военнослужащих; туризм лиц, проживающих в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока Российской Федерации; туризм лиц, подвергшихся радиационному, химическому и др. воздействию, вследствие аварий и катастроф (Чернобыльская АЭС и др.); самостоятельный туризм; лечебно-оздоровительный туризм; туризм соотечественников и их потомков и др.

На наш взгляд, подобная детализация чрезмерна для федерального закона. Наиболее разумным видится разделение групп социальных туристов по общему признаку, характеризующему основные принципы и методологию организации отдыха данных групп. На основании вышеизложенного считаем целесообразным выделить в качестве объекта социального туризма следующие туристские группы: детско-юношеский туризм; молодежный туризм; возрастной туризм; туризм людей с ограниченными физическими возможностями; туризм малообеспеченных слоев населения; туризм географически удаленного (географически изолированного) населения. Проанализируем каждую группу и дадим краткую характеристику группы и ее количественное описание.

Детско-юношеский туризм — туризм, осуществляемый лицами от 7 до 18 лет. По данным Росстата на 1 января 2017 г., численность данной группы составляет 17 828 114 чел.¹ Данная группа является самой многочисленной на сегодняшний день, а в перспективе она будет только увеличиваться. Прогнозируемое увеличение количества человек в данной группе проиллюстрировано (см. рисунок) и к 2028 г. может составлять 22 526,7 тыс. чел. Отличительной чертой данной группы является ее сезонная немобильность, в связи с этим предоставление туров для данной группы возможно лишь в летний период (период школьных каникул). При этом спектр возможного туристского направления практически не ограничен. В условиях прогрессирующей урбанизации основной акцент в отдыхе данной группы может сместиться в сторону экотуризма с элементами сельского туризма.

Молодежный туризм — туризм, осуществляемый лицами от 18 до 30 лет включительно. Молодежный туризм является одним из самых динамичных рынков мировой туристской отрасли. По оценкам Всемирной туристической организации (далее — ЮНВТО), из 940 млн международных туристов в 2010 г. около 20% были молодыми людьми. Характерными чертами молодежного туризма можно считать: непритязательность к условиям проживания, непродолжительность пребывания на одной территории, мобильность, бисезонность, отсутствие ограничений по видам туризма. Туристы данной группы в большей степени готовы экономить на традиционных расходах (качество проживания, питание), перемещая акцент на траты, связанные со сферой туристских услуг. При этом спектр услуг, являющихся зоной интереса для молодых туристов, невероятно велик: начиная от образовательного туризма по историческим и реликтовым местам, заканчивая экстремальными элементами «дикого» туризма. Также представителей данной группы в меньшей сте-

¹ Официальный сайт «Федеральная служба государственной статистики» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094/ (дата обращения: 12.09.2017).

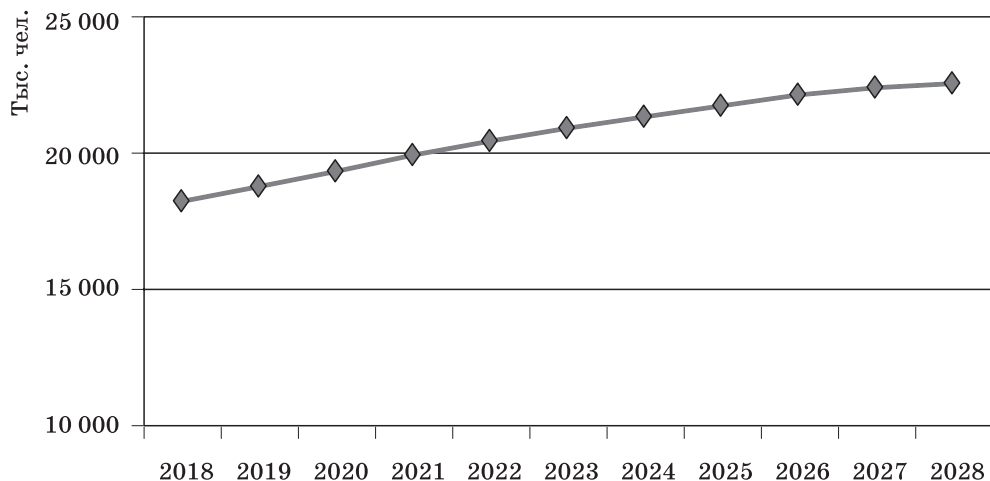

Рис. Прогнозируемое число жителей в возрасте от 7 до 18 лет включительно
Fig. The predicted number of inhabitants aged from 7 up to 18 years inclusive

пени интересуют традиционные туристские маршруты, в приоритете выступают новые, нестандартные подходы к отдыху. Одним из таких примеров может служить организация туристских маршрутов в город Припять.

Учитывая вышеперечисленные факторы, можно сделать вывод о невозможности централизации и управления туристским движением молодежи по аналогии с детско-юношеским туризмом. Поддержать данную группу путешественников можно, обеспечив им условия высокой мобильности. Повышая возможность перемещения, мы стимулируем молодых людей к совершению поездок и большему пользованию туристскими услугами. Подобного рода помощь будет наиболее эффективной в периоды несезонности, что позволит поддержать спрос на туристские услуги.

Другим направлением поддержки молодежного туризма может являться информационное обеспечение о предоставляемом туристском продукте. Зачастую информацию о привлекательных туристских маршрутах и туристских предложениях или сложно найти ввиду ее неструктурированности и разрозненности, или же она отсутствует вовсе. Данное обстоятельство затрудняет поиски привлекательных туристских направлений и ограничивает развитие туристской отрасли.

Возрастной туризм — туризм, осуществляемый лицами, достигшими пенсионного возраста. По данным ИСТО, доля пожилых людей значительно возрастает, и это общемировая тенденция. В последние несколько десятилетий возрастной туризм стал движущей силой в индустрии традиционного туризма, что делает его одним из самых быстрорастущих сегментов рынка¹. Пожилые люди имеют больше свободного времени в сравнении с другими туристскими группами, которое они готовы потратить на туризм. Возрастные туристы занимают противоположную молодежному туризму нишу спроса. Как правило, для возрастных туристов большее значение имеет качество туристского продукта, особенно это касается вопросов безопасности и удобной (доступной) инфраструктуры.

Организация туров для возрастных туристов может оказаться значительной поддержкой для малого и среднего бизнеса в области туризма, в частности в гостиничной и санаторно-курортной индустрии. При развитии данного направления

¹ Официальный сайт международной организации социального туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oits-isto.org/oits/files/resources/198.pdf/> (дата обращения: 04.12.2017).

содействия в организации отдыха возрастных туристов имеет предопределяющее значение проработанная нормативная правовая база. Взвешенные инструменты государственного регулирования, в частности, при использовании контрактной системы государственных и муниципальных закупок, могут обеспечить стабильную и равномерную загруженность частного сектора в периоды несезонности. При этом, в условиях современного мира, нельзя сводить туристский пакет для возрастных отдыхающих лишь к санаторно-оздоровительным процедурам. Рассмотрению должны подлежать все возможные виды отдыха, не исключая, при определенных условиях, и выездной туризм.

Туризм людей с ограниченными физическими возможностями — туризм, осуществляемый инвалидами и лицами, их сопровождающими. По данным Росстата, на начало 2017 г. насчитывается 12 259 чел., имеющих инвалидность. Важнейшим условием при организации отдыха таких лиц является свободное обеспечение комфорта отдыхающих с учетом их трудностей. Это наиболее специфическая группа путешественников. Люди с ограниченными физическими возможностями сталкиваются с трудностями и препятствиями, нехарактерными для прочих групп населения. Поэтому обязательным условием при организации отдыха данной группы является строгий государственный надзор за соблюдением условий пребывания таких отдыхающих. Организаторы отдыха должны обеспечить свободное и безопасное передвижение отдыхающих с учетом их особенностей.

Туризм малообеспеченных слоев населения — туризм, осуществляемый лицами, чей среднемесячный доход ниже прожиточного минимума. Данная группа туристов не отличается наличием строгих ограничений и требований к месту отдыха. Организация отдыха граждан данной категории в несезонный период может оказаться серьезной поддержкой отечественной туристической индустрии. Один из возможных и наиболее перспективных подходов — это заключение контрактов с частным сектором по размещению и обслуживанию лиц данной категории, а также предоставление льгот или налоговых послаблений для лиц, организующих отдых малоимущих. Важно не допустить злоупотребление со стороны бизнеса, когда фактически услуги будут предоставляться не в полном объеме или с заниженным качеством.

Туризм географически удаленного (географически изолированного) населения — туризм, осуществляемый лицами, проживающими на удаленных (изолированных) территориях. Для полноценного функционирования данного сегмента социального туризма необходимо строго определить: какие территории будут входить в перечень изолированных и удаленных. Основная стратегия поддержки туризма лиц, проживающих на подобной территории, — это увеличение их возможности коммуникации. Направлений в данной области немало, начиная от льготных билетов на транспорт, заканчивая бензиновыми талонами при подтверждении факта отдыха в другом регионе.

В современной отечественной практике и теории к социальному туризму принято относить организацию отдыха военнослужащих и сотрудников иных силовых структур. При этом, в подавляющем большинстве, организация туров происходит в подведомственные им организации, осуществляющие рекреационную деятельность. Отличительной особенностью представителей данной группы является преимущественное ограничение по выезду за рубеж. Особенно это обстоятельство проявляется во время обострения межгосударственных отношений. Так произошло в 2014 г., после обострения военно-политической ситуации на Украине; МИД России определил перечень стран, посещение которых гражданам России нецелесообразно. «Принято решение о временном ограничении выездов руководителей всех уровней за границу по частным делам. Решение о выезде личного состава принимать в исключительных случаях, с учетом всех факторов, в том числе обще-

ственно-политической и криминогенной обстановки в стране пребывания, уровня осведомленности сотрудников и военнослужащих в сведениях, составляющих государственную тайну»¹.

Также, в отличие от приведенных выше групп социального туризма, туризм военнослужащих и сотрудников прочих силовых структур носит характер не социальной необходимости, а ведомственного стимулирования. В связи с этим считаем целесообразным отнести данные туристские группы к ведомственному туризму. Ведомственный туризм — туристская деятельность, осуществляемая гражданами России, не имеющими возможности на полноценную туристскую деятельность из-за ограничений, наложенных на них в связи с их профессиональной деятельностью, занимаемой ими должностью, иными обстоятельствами, предусмотренными законом.

Организация социального туризма, полностью или частично финансируемая из государственных источников, не должна носить дискриминационный характер, выделяя одну группу населения в ущерб остальным категориям граждан. При сбалансированном подходе в организации отдыха для граждан, претендующих на поддержку государственных или негосударственных структур, положительный эффект будет заключаться не только в социальной справедливости, но и в экономической поддержке малого и среднего предпринимательства.

Литература

1. *Александрова А. Ю.* Международный туризм: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2013. 460 с.
2. *Дьяченко О. Н.* Моделирование развития социального туризма как перспективной отрасли экономики России // Вестник БГУ. 2009. № 3. С. 37–40.
3. *Сенин В. С.* Организация международного туризма: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2003. 400 с.
4. *Сергиенко Л. В.* Организационно-экономический механизм функционирования социального туризма. М., 2000. 95 с.
5. *Трофимов Е. Н.* Социальный туризм в России и в Европе // Вестник Российской международной академии туризма. 2014. № 3. С. 3–11.

Об авторах:

Каранатова Лариса Геннадиевна, декан факультета дополнительного профессионального образования «Высшая школа государственного управления» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; karanatova-lg@sziu.ranepa.ru

Евсюков Александр Валерьевич, аспирант кафедры экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kjh106@yandex.ru

References

1. Alexandrov A. Yu. International tourism: textbook. 2nd edition. M. : KNORUS, 2013. 460 p. (In rus)
2. Dyachenko O. N. Modeling of development of social tourism as perspective branch of economy of Russia // BSU Bulletin [Vestnik BGU]. 2009. N 3. P. 37–40. (In rus)
3. Senin V. S. Organization of the international tourism: textbook. 2nd edition. M. : Finance and statistics, 2003. 400 p. (In rus)
4. Sergienko L. V. Organizational and economic mechanism of functioning of social tourism. M., 2000. 95 p. (In rus)

¹ Газета «Коммерсантъ» № 70 от 23.04.2014, с. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2458629> (дата обращения: 04.12.2017).

5. Trofimov E.N. Social tourism in Russia and in Europe // Bulletin of the Russian International Academy of Tourism [Vestnik Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma]. 2014. N 3. P. 3–11. (In rus)

About the authors:

Larisa G. Karanatova, Dean of the Faculty of Professional Training and Retraining «Higher School of Public Administration» of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; karanatova-lg@szu.ranepa.ru

Alexandr V. Evsyukov, Graduate student of Chair of Economics and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); kjhl06@yandex.ru

Рекомендации по внедрению модели управления деловой репутацией (гудвиллом) на промышленных предприятиях

Калинский О. И.

НИТУ «Московский институт стали и сплавов», г. Москва, Российская Федерация; kalinskiy@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В условиях быстрого распространения информации о деятельности любой компании, которая способна изменить ее рыночную стоимость, актуальным становится акцентированное управление нематериальными активами, важнейшим из которых является деловая репутация компании (предприятия), которая в ряде случаев выражена на балансе в виде гудвилла. При этом разработанная автором модель управления деловой репутацией должна быть четко перенесена в цели, задачи и ключевые показатели эффективности управленческой команды, что позволит как усилить деловую репутацию предприятия, так и увеличить его рыночную стоимость.

Материалы и методы. Разработанная автором комплексная модель количественной оценки деловой репутации (гудвилла) включает: 1) управление деловой репутацией посредством влияния на структуру добавленной стоимости, а именно прибыль, амортизацию и заработную плату; 2) управление деловой репутацией через влияние на структуру капитала (показатель π_1 представляет собой отношение величины оборотных средств к валуе баланса; π_2 -показатель связан с обеспеченностью предприятия собственными и долгосрочными заемными средствами); 3) управление гудвиллом на основе рейтинговой оценки с использованием финансовых коэффициентов. В работе также представлена организационная схема проведения расчетов по управлению деловой репутацией на предприятии с описанием последовательности из пяти шагов для управления репутацией в публичной компании (от сбора и подготовки данных о рыночной стоимости компании и расчета ее гудвилла до согласования плана действий с участниками процесса и руководством предприятия по управлению гудвиллом в долгосрочном периоде).

Результаты исследования. В работе приведены конкретные результаты применения данной модели управления деловой репутацией через примеры управляющих воздействий (снижение или повышение уровня заработной платы; увеличение или уменьшение уровня амортизационных отчислений; увеличение или снижение размера оборотных средств и краткосрочной задолженности) внутри компании. Показаны также возможные конфликты между подразделениями компании при управлении деловой репутацией и пути их разрешения через создание процедуры согласования решений между подразделениями.

Обсуждение и заключение. Результатом проведенной работы станет усиление деловой репутации компании и рыночной стоимости предприятия через увеличение показателей добавленной стоимости и улучшение структуры капитала.

Ключевые слова: деловая репутация, гудвилл, оценка деловой репутации, управляющие воздействия для усиления деловой репутации, структура капитала, краткосрочная задолженность, рекомендации по управлению гудвиллом

Recommendations on Implementing the Model of Business Reputation (Goodwill) Management at the Industrial Enterprises

Kalinskiy O. I.

National University of Science & Technology "MISIS", Moscow, Russian Federation; kalinskiy@rambler.ru

ABSTRACT

The problem of effective management of the intangible assets is quite serious in the circumstances when the rapid information flow about the functioning of any company (industrial enterprise)

may alter its market value quite fast. Chief among the intangible assets is business entity's reputation that is manifested as goodwill in various cases on the entity's balance sheet. The system of managing business reputation created by the author must be transpired into the mission, tasks and KPIs of the management team in order to both improve the reputation and increase the market value of the entity.

Materials & Methods: the holistic model of the quantitative management of the enterprise's reputation (goodwill) developed by the author includes: 1) managing of the reputation by influencing the structure of value added (profit, amortization and salary); 2) managing of the enterprise's business reputation via influencing the structure of capital (whereas π_1 — is the ratio of current assets to total assets and π_2 — the indicator of the enterprise's cover with the own and long term credits and 3) managing of goodwill based on the rating valuation utilizing the financial coefficients. This model of the quantitative valuation of goodwill carries scientific value and is the product of author's long term research. In the work the author also presents the organizational chart of carrying out calculations to manage business reputation of the enterprise with the detailed description of five steps for management in the public company (from collection and preparation of data about market value of the company and its goodwill to confirmation of the action plan with the participants of the process and enterprise's top officials to manage goodwill in the long-term).

Results: the author describes in detail management actions targeted at enhancing the business reputation depending on the value added characteristics and on the capital structure, namely decreasing or increasing of salaries; increasing or decreasing the value of amortization; increasing or decreasing the size of current assets or short term debt). The author also highlights potential conflicts among various departments of the enterprise while managing the business reputation and outlines potential solutions to these conflicts through the creation of the formalized internal system of mitigation and reaching the agreement.

Discussion & Conclusions: the result of the conducted research is the adaptation of a unique model of its quantitative valuation of business reputation with its subsequent management to enhance market value of the whole company via increase in value added and improvement of the capital structure.

Keywords: business reputation, goodwill, actions by management to enhance business reputation, capital structure, short term debt, recommendations to manage goodwill

Введение

Мировой финансово-экономический кризис, острейшая фаза которого пришлась на период с конца 2008 по конец 2009 гг., и последующие экономические и общественно-политические события (вялый экономический рост как в промышленно развитых, так и в развивающихся странах, новая политика по реиндустриализации промышленно развитых стран, регионализация мировой экономики и создание региональных экономических группировок) продемонстрировали на примере крупнейших транснациональных компаний и банков (General Motors, Coca-Cola, IBM, Leman Brothers, Bear Sterns, Merrill Lynch, Citi и др.), что их стоимостная оценка зависит не только от стоимости материальных активов, но также и от стоимости нематериальных активов.

Проблема состоит в том, что эти активы сложно оценить, при этом они оказывают существенное влияние на восприятие компании во внешней среде, определяя ее рыночную стоимость в долгосрочном периоде. Важнейшим нематериальным активом компании сегодня является деловая репутация, которая отражается на балансе компании как гудвилл¹. Этот факт сегодня осознают в полной мере как российские, так и иностранные компании.

¹ Позиция автора совпадает с позицией значительного количества ученых, считающих, что гудвилл, по своей сути, представляет собой количественную оценку самой деловой репутации, отображается на балансе компании в ряде случаев (например, слияния, поглощения).

Обзор литературы

В современной экономической теории распространены различные методы оценки деловой репутации (гудвилла) компании. Разработанные за границей, эти методы сейчас вполне успешно применяются в России и находят отражение в российских стандартах бухгалтерской отчетности и различных указаниях по оценке активов.

Среди ученых, изучавших сущность нематериальных активов, можно выделить М. Гранта, Дж. Нахапиета, С. Гошаля, Д.Ж. Тииса, Т. Амблера, Д. Андриссена, Р. Тиссена, Т.А. Гаранину, И.В. Елохову, Л.А. Назарову, Е.Б. Егорову, И.И. Бочкареву, Д.В. Третьяка, А.Г. Грязнову, М.А. Федотову, В.А. Смирнову, Я.В. Соколова, Н.В. Пошерстника, В.С. Ржаницину, В.Е. Есипову и др.

Несмотря на то что исторические хроники подтверждают активное использование гудвилла в сделках купли-продажи еще с начала XV в., первые попытки исследования его экономической сущности и предназначения относятся лишь к XIX в.: этим занимался знаменитый представитель немецкой бухгалтерской школы и основоположник балансовой теории двойной записи И.Ф. Шер. Его исследования были продолжены такими учеными, как Ф. Пикслей, Э. Шмаленбах, К. Ларсон, М. Коупленд, Ш. Пратт, Р. Келли, К. Браун, Э. Бейверсток, Г. Десмонд, А. Кинг, Дж. Ван Хорн, М. Миллер, Р. Брейли, Б. Коллас, С. Майерс, Г. Джонсон и др. Примечателен и тот факт, что выводы, например Шмаленбаха, относительно содержания понятия «гудвилл» также созвучны с теорией Прудона относительно сущности прибавочного продукта. О важности деловой репутации компании писал также и нобелевский лауреат по экономике 2014 г. Жан Тироле — автор теории коллективных репутаций¹.

В российской экономической науке этот нематериальный актив также привлекал повышенное внимание на протяжении XIX и XX вв. Однако научные исследования, отличающиеся глубокой методологической проработкой в области нематериальных активов, появились в русскоязычной экономической литературе только в конце прошлого века. До настоящего времени лишь исследования А.А. Стельмахова, С.Э. Андреева и Н.В. Бонг, которые посвящены вопросам экономики и управления нематериальными активами, в целом можно считать основополагающими.

Переходя к исследованию гудвилла, следует отметить работы таких отечественных ученых, как И.А. Бланк, В.В. Ковалев, Е.А. Ершова, С.А. Ленская, Н.А. Абдулаева, Н.А. Колайко, С.А. Валдайцев, В.Л. Иноземцев, О.А. Антипина, Г.Г. Азгальдов, Н.Н. Карпова, В.Л. Макаров, Ф.Н. Маренков, В.В. Мокрышев, И.И. Просвирина, Я.В. Соколов, Н.В. Павлов, И.Л. Артеменков, Г.И. Микерин, И.В. Алешина, М.И. Баканов, А.Д. Шеремет, Р.С. Сайфулин, Е.В. Негашев, Н.П. Кондраков и др.

В последние несколько лет вышел в свет ряд российских исследований, посвященных сущности и проблемам достоверной оценки деловой репутации, а также практическому применению оценки гудвилла для принятия управленческих решений по повышению стоимости компании. Среди таких исследований нужно выделить работы С.В. Горина, И.В. Аверчева, В.М. Елисеева, А.В. Савельева, С.В. Понурова, А.М. Сметанина, И.М. Рожкова, С.В. Маркова, И.А. Ларионовой, Г.И. Сычева, Л.Е. Федоткина, Л.П. Фомичевой, В.Ю. Лашхия.

Разработка новых методов комплексной количественной оценки деловой репутации (гудвилла) является востребованной, особенно для промышленных компаний. Представление результатов использования авторских методов комплекс-

¹ В частности, Тироле указывал: «Репутация группы [компаний] может быть настолько хороша, насколько хороша репутация членов [компаний] группы» (Подробнее см.: *Tirole J. A Theory of Collective Reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality // The Review of Economic Studies. —Vol. 63. N 1 (Jan., 1996). P. 1–22).*

ной количественной оценки деловой репутации (гудвилла) для формирования конкретных рекомендаций по управлению в компании является целью данной работы.

Материалы и методы

Использовались методы, описанные автором с соавторами в работах, касающихся российских предприятий черной металлургии [1–4]. Приведенные в этих работах расчеты, являясь во многом модельными и теоретическими, базируются при этом на данных реальной отчетности крупных промышленных предприятий. В указанных работах авторы сфокусировались на исследовании предприятий черной металлургии, однако, использованные в работах методы применимы к промышленным предприятиям и из других отраслей российской экономики.

Использование реальной отчетности и расчеты на ее основе позволяют утверждать, что подобные расчеты, будучи неотъемлемой частью процедуры управления деловой репутацией (гудвиллом), могут быть интегрированы с текущими стандартными бизнес-процессами на промышленных предприятиях. Такая интеграция позволит стандартизировать работу по управлению деловой репутацией, разработать ключевые показатели эффективности (КПЭ), ввести формы отчетности с визуализацией результатов, а также упростить и ускорить процедуры управления добавленной стоимостью и, соответственно, деловой репутацией за счет автоматизации формул и форм с исходными данными.

В качестве первого шага подобной интеграции следует рассмотреть внедрение процедур расчета в уже имеющиеся базы данных и информационные потоки. Вторым шагом интеграции должно стать внесение изменений в должностные инструкции сотрудников финансовых служб предприятия, связанных с необходимостью проведения соответствующих расчетов. Завершающим, третьим, шагом внедрения должно стать установление ключевых показателей эффективности (для ответственных сотрудников и топ-менеджмента предприятия), которые определяли бы приоритетность задач по управлению деловой репутацией, а также разрешали бы конфликты с другими показателями в случае их возникновения.

Основные шаги по интеграции процедур управления добавленной стоимостью и стандартных бизнес-процессов компании представлены ниже:

- внедрение расчетов, связанных с управлением добавленной стоимостью, в существующие информационные потоки и базы с целью:
 - 1) обеспечить своевременность поступления информации для расчетов;
 - 2) обеспечить актуальность итоговых значений расчетов для пользования заинтересованных сотрудников;
- корректировка должностных инструкций сотрудников для установления зон ответственности (в качестве альтернативы подобной меры может выступать выпуск приказа по предприятию, где на глав соответствующих подразделений возлагается ответственность по проведению расчетов и согласованию/представлению выводов;
- внедрение ключевых показателей эффективности для достижения мотивационного эффекта. Вероятнее всего, может потребоваться корректировка мотивационных карт менеджеров среднего и высшего звена (для усиления контроля над процессом).

Важным этапом подготовки к интеграции управления деловой репутацией и информационных потоков на предприятии должна стать систематизация возможных инструментов управления и определение источников информации, необходимой для реализации того или иного инструмента.

Таблица 1

Основные источники информации, требуемые для проведения расчетов, связанных с оценкой и управлением гудвиллом*

Table 1. The main sources of information demanded for carrying out the calculations connected with assessment and management of goodwill

Основные процессы	Требуемые источники информации
01. Оценка гудвилла балансовым методом	Форма № 1 бухгалтерского баланса Данные о биржевой капитализации (официальные и/или оценочные)
02. Оценка гудвилла методом избыточных прибылей	Форма № 1 и 2 бухгалтерского баланса; Принятая в компании ставка дисконтирования
03. Оценка капитализации и гудвилла методом аналогии (для непубличных компаний)	Данные о капитализации конкурентов (публичных компаний); Анализ сопоставимости компании с каждым из конкурентов (экономический и маркетинговый)
Формирование и актуализация моделей типа $GW = f(\Pi, ЗП, АМ)$ и $Cap = f(\Pi, ЗП, АМ)^1$	Данные о биржевой капитализации (официальные и/или оценочные); Расчетный GW ;
У ₁ . Управление капитализацией/гудвиллом путем влияния на структуру добавленной стоимости	Форма № 2 бухгалтерского баланса; Калькуляция/структура себестоимости
Формирование и актуализация моделей типа $GW = f(\pi_1, \pi_2)^2$ и $Cap = f(\pi_1, \pi_2)$	Данные о биржевой капитализации (официальные и/или оценочные); Расчетный GW ;
У ₂ . Управление капитализацией/гудвиллом на основании влияния на структуру капитала	Форма № 1 бухгалтерского баланса; Маркетинговые данные о ценовых индексах
У ₃ . Управление капитализацией/гудвиллом на основании рейтинговой оценки из финансовых коэффициентов	Форма № 1 и 2 бухгалтерского баланса; Данные о биржевой капитализации (официальные и/или оценочные); Расчетный GW

Примечания:

¹ Где GW — гудвилл; Π — прибыль; $ЗП$ — заработная плата; $АМ$ — амортизация; Cap — капитализация (рыночная стоимость) компании. Подробнее см.: источники [1–4].

² π_1 — представляет собой отношение величины оборотных средств к валюте баланса; π_2 — показатель связан с обеспеченностью предприятия собственными и долгосрочными заемными средствами. Подробнее см.: источники [1–4].

* Составлено автором.

В табл. 1 структурирован набор возможных инструментов по системному управлению деловой репутацией. Процесс управления деловой репутацией базируется на следующих типах/источниках информации:

- 1) данные бухгалтерского баланса (формы № 1 и 2), калькуляция себестоимости, принятая в компании ставка дисконтирования. Эти данные и документы находятся в ведении финансовых и/или экономических подразделений компании;
- 2) данные о биржевой или расчетной капитализации компании, которые могут быть рассчитаны автоматически на основании биржевой цены обыкновенной акции практически на любую дату;

- 3) данные о ценовых товарных индексах и о продуктовом портфеле, объемах продаж и экономическом состоянии конкурентов. Могут быть запрошены в смежных подразделениях компании, например в дирекциях по маркетингу, коммерческой деятельности, а также частично получены из анализа публичной отчетности конкурентов.

Результаты исследования

Поскольку практически все приведенные методы управления деловой репутацией, основываясь на данных финансовой отчетности, требуют вмешательства в структуру активов и пассивов предприятия, справедливо предположить, что подразделением, ответственным за реализацию требуемых процедур, следует сделать финансово-экономическую дирекцию предприятия.

В стандартную работу для реализации указанных методов управления следует также добавить:

- 1) предоставление данных о рыночной стоимости (капитализации) компании и компаний-конкурентов. Как правило, держателем этих данных также выступает либо дирекция по финансам и экономике, либо дирекция по стратегическому развитию, либо дирекция по маркетингу (в зависимости от структуры управления, принятой в конкретной компании);
- 2) данные об объемах продаж и продуктовом портфеле следует запрашивать в маркетинговом подразделении. При этом следует сделать оговорку, что регулярное предоставление таких данных не требуется. Как правило, конкурентная среда в отраслях тяжелой промышленности, включая металлургическую, достаточно консервативна и не подвержена частым изменениям (в силу необходимости больших объемов инвестиций для создания новых производственных объектов), поэтому единожды определив набор публичных компаний-конкурентов для применения метода аналогий, актуализировать его требуется не чаще одного-двух раз в год.

Одним из базовых источников информации для проведения расчетов является бухгалтерская отчетность предприятия, которая, как правило, публикуется на ежеквартальной основе. Таким образом, целесообразно реализовать внедрение управленческих процедур на ежеквартальной основе и совместить с периодом подготовки бухгалтерской отчетности.

Важным вопросом при реализации этой работы становится вопрос о необходимости привлечения дополнительных трудовых ресурсов.

При внедренной процедуре управления и установлении регулярной работы на проведение расчетов трудовые затраты на реализацию предложенной методологии, как правило, невелики. Поэтому выделение отдельного сотрудника, ответственного за проведение расчетов, нецелесообразно. В нынешних условиях экономической турбулентности и ориентации предприятий на экономию всех возможных используемых ресурсов это обстоятельство приобретает важное значение. В нормальном режиме все работы потребуют временных затрат всего в несколько часов в квартал. Для их реализации целесообразно рассмотреть возможность создания рабочей группы из 2–3 человек (достаточно и одного человека, но для сохранения преемственности в случае болезни/отпуска/увольнения сотрудника лучше иметь резервный вариант).

Основным исполнителем расчетов в рабочей группе должен быть сотрудник финансового или экономического подразделения предприятия или управляющей компании. Для проверки адекватности расчетов с точки зрения восприятия внешней средой в рабочую группу целесообразно включить сотрудника дирекции по стратегии (в случае ее наличия в компании). Результаты полученных расчетов и предложения по управляющим воздействиям следует направлять директору по экономике и финансам. Этот руководитель, обладая комплексной картиной экономического состояния компании, должен проверять предложения на адекватность и на возможность их реализации.

После согласования внесенных предложений внутри рабочей группы и проверки их на адекватность и отсутствие противоречий с другими показателями компании результат можно выносить на уровень руководителя компании, после чего информировать о целях исполнителей и приступать к реализации предложений. На рис. 1 представлена схема создания и функционирования рабочей группы.

Стандартная упрощенная схема проведения процедуры управления для публичной компании представлена на рис. 2.

В качестве *шага 0* выделен набор активностей, которые требуется провести только один раз, при подготовке к внедрению стандартных процедур по управлению деловой репутацией. На этом этапе собираются исторические ряды данных на максимально дальнюю ретроспективу и на основе собранных данных строятся базовые статистические зависимости капитализации и гудвилла от составляющих добавленной стоимости, от показателей π_1 и π_2 , а также выполняется построение рейтинговой оценки, ориентированной на капитализацию и гудвилл.

Далее, на *шаге 1*, все базовые модели обновляются на ежеквартальной основе с учетом дополнительных данных, полученных за последний квартал. Важно отметить, что для формирования регрессионных моделей на шаге 0 и шаге 1, как правило, используется подход последовательного включения или исключения переменных на основании парных корреляций аргументов и функции между собой, а также множественного коэффициента корреляции самой модели. Такие расчеты можно проводить и в привычной большинству менеджеров среде Microsoft Excel, однако базовые функции этой программы не предусматривают автоматического построения регрессионных моделей, что сделает процесс относительно трудоемким. Поэтому рекомендуется на рабочий компьютер сотрудника, который будет проводить расчеты и построение моделей, установить специализированную программу, связанную со статистическими расчетами. Это может быть, например, программа Statistica или другая аналогичная.

На *шаге 2* осуществляется непосредственное выполнение оптимизационных процедур на базе построенных ранее регрессионных моделей. Для упрощения этой работы в программной среде Microsoft Excel существует специальная надстройка «Поиск решения», которая позволяет при заданных ограничениях найти такие значения переменных, входящих в модель, которые будут максимизировать или минимизировать (в зависимости от целей расчетов) целевую функцию.

Важным элементом подготовки к проведению процедур оптимизации является определение предельного уровня изменения переменных, который допустимо использовать в качестве ограничений. Как правило, такой уровень определяется на основании статистических данных, полученных на шаге 0: данные анализируются и определяется среднее отклонение каждого показателя между двумя соседними кварталами. После этого это отклонение взвешивается руководителем на адекватность сегодняшним условиям, после чего при необходимости корректируется и подставляется в оптимизационную модель.

Шаг 3, по сути, суммирует итоги проведения процедуры оптимизации и показывает, на какую величину (с учетом заданных ограничений) требуется скорректировать каждый из изменяемых показателей (доля заработной платы в структуре добавленной стоимости, доля амортизации в добавленной стоимости, доля оборотных средств в структуре активов π_1 , соотношение краткосрочных пассивов и оборотных средств π_2).

Шаг 4 является одним из наиболее важных этапов проведения процедуры управления. Если все более ранние этапы базируются в большей степени на техническом (статистическом, математическом) анализе, то данный шаг является, по сути, интерпретацией полученных математических выводов в конкретный план действий по корректировке структуры добавленной стоимости и изменению структуры активов и капитала предприятия.

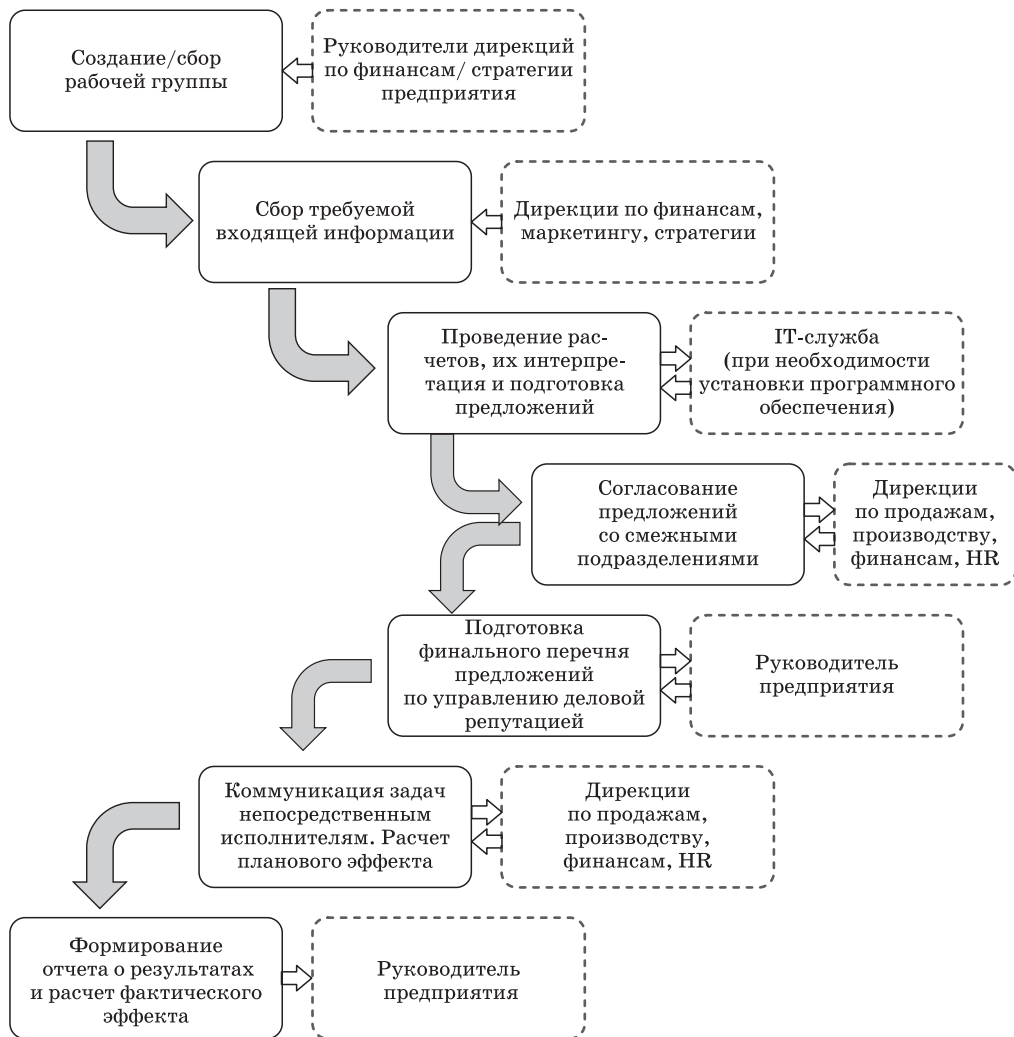

Рис. 1. Ключевые этапы функционирования рабочей группы по управлению деловой репутацией (гудвиллом)

Fig. 1. Key stages of functioning of the working group on management of business reputation (goodwill)

На шаге 5 проводится согласование предложенных управляющих воздействий со смежными подразделениями предприятия и с руководством, а также осуществляется трансляция задач по корректировке структуры добавленной стоимости и/или структуры капитала непосредственным исполнителям.

Важным элементом процедуры, упомянутым на шаге 5, является контроль результатов исполнения задач по истечении квартала. По итогам проведения контрольных процедур делаются выводы о способности менеджмента (как среднего, так и высшего звена) предприятия реально влиять на те или иные показатели, а также о реальном влиянии принятых управляющих воздействий на показатели капитализации и гудвилла.

Рассмотрим на примерах возможные способы интерпретации принятых решений и возможные конфликтные ситуации, когда принятые решения могут противоречить

Шаг 0. Сбор и подготовка данных о капитализации, форм бухгалтерской отчетности, расчет GW за максимально возможный ретроспективный период. Формирование моделей: $GW = f(\Pi, ЗП, АМ)$; $Сар = f(\Pi, ЗП, АМ)$ $GW = f(\pi_1, \pi_2)$; $Сар = f(\pi_1, \pi_2)$ - Рейтинговой оценки R, ориентированной на $Сар$ и GW, и затем моделей типа $R = f(\pi_1, \pi_2)$	Один раз
Шаг 1. Актуализация моделей: $GW = f(\Pi, ЗП, АМ)$; $Сар = f(\Pi, ЗП, АМ)$ $GW = f(\pi_1, \pi_2)$; $Сар = f(\pi_1, \pi_2)$ - Рейтинговой оценки R, ориентированной на $Сар$ и GW, и затем моделей типа $R = f(\pi_1, \pi_2)$	Ежеквартально
Шаг 2. Реализация с применением Excel процедур управления $Y1$ и/или $Y2$, $Y3$ (табл. 1)	Ежеквартально
Шаг 3. Получение выводов о необходимости корректировки: - величины амортизации / заработной платы в структуре ДС; - коэффициентов π_1, π_2	Ежеквартально
Шаг 4. Интерпретация результатов шага 3 в конкретные управляющие воздействия: формирование плана действий по корректировке величин ЗП, Ам, размера оборотных средств и краткосрочных активов	Ежеквартально
Шаг 5. Согласование плана действий с участниками процесса и руководством, трансляция задач непосредственным исполнителям. Контроль результатов исполнения задач прошлого квартала.	Ежеквартально

Рис. 2. Упрощенная организационная схема реализации методологии управления деловой репутацией предприятия

Fig. 2. The simplified organizational scheme of realization of methodology of management of business reputation of the enterprise

достижению других целей компании. Как правило, предложения, касающиеся добавленной стоимости (ДС), могут означать необходимость корректировки расходов на оплату труда либо корректировки затратных статей себестоимости, связанных с амортизацией основных средств (корректировку прибыли в данной модели в условиях нормального функционирования предприятия рассматривать нет смысла, поскольку максимизация прибыли всегда является безусловным приоритетом деятельности любой компании).

Оба этих фактора (заработная плата (ЗП) и амортизационные отчисления) имеют непосредственное влияние на себестоимость выпускаемой продукции. Поскольку одной из ключевых задач предприятия традиционно является сокращение себестоимости, к предложениям, касающимся влияния на ДС и ЗП, следует относиться с осторожностью. Рассмотрим возможные варианты.

Пример 1. Согласно проведенной процедуре оптимизации [1–4], компании требуется сократить расходы на оплату труда и тем самым снизить долю этого показате-

ля в добавленной стоимости. Как правило, такое решение с экономической точки зрения является полезным для компании. Однако оборотной стороной такого решения является повышение социальной напряженности в компании, поскольку традиционным способом его реализации является проведение сокращений/увольнений.

Пример 2. Компании требуется увеличить расходы на оплату труда. Несмотря на то, что первой реакцией менеджмента компании на такое предложение является его неприятие, всегда можно рассмотреть возможные опции по его реализации. В любой производственной компании нормальным является наличие узких мест, удаление которых из производственного процесса с помощью дополнительных сотрудников могло бы позволить увеличить производительность. В этом случае реализацией такого решения можно было одновременно решить несколько проблем, не встретив при этом экономических противоречий. Таким образом, следует учитывать, что интерпретация и анализ предложений, связанных с ЗП, должны проводиться с участием HR-менеджера компании.

Пример 3. Согласно проведенным процедурам оптимизации [1–4], требуется увеличение уровня амортизационных отчислений. Как правило, реализация такого решения носит исключительно финансовый характер (поскольку, в отличие от корректировки ЗП, не требует реальных дополнительных расходов). В то же время необходимо учитывать, что в случае реализации такого решения произойдет увеличение себестоимости, что, хотя и является отчасти негативным фактором, в данном случае не слишком критично по двум причинам. Во-первых, увеличение себестоимости будет видимым, так как реального прироста затрат не произойдет. Во-вторых, одновременно с формальным ростом себестоимости произойдет увеличение EBITDA компании (за счет роста амортизационных отчислений), что компенсирует негативное влияние данной корректировки на прибыль в глазах участников внешней среды.

Пример 4. В случае необходимости снижения амортизационных отчислений в структуре себестоимости компании требуется произвести корректировку системы их учета. Такое решение не имеет ощутимых негативных последствий, поскольку отрицательное влияние сокращения амортизационных отчислений на EBITDA будет компенсировано ростом прибыли.

Следующая группа примеров касается корректировки структуры активов и пассивов предприятия (в рамках влияния на показатели π_1 и π_2). При потребности в изменении структуры активов и источников основное внимание следует уделить корректировке оборотных средств и краткосрочной задолженности предприятия как наиболее ликвидных и простых в управлении элементов баланса. Так же, как в случае с корректировкой добавленной стоимости, рассмотрим интерпретацию возможных предложений на четырех примерах.

Пример 5. Необходимо увеличить объем оборотных средств (модель показала необходимость увеличения показателя π_1). Ключевыми видами оборотных средств предприятия являются запасы и дебиторская задолженность. В нормальном процессе функционирования предприятия задачей финансового менеджера является сокращение данных статей для минимизации затрат рабочего капитала и максимизации свободного денежного потока (free cash flow, FCF), так же, как и EBITDA, являющегося одним из ключевых показателей деятельности компании. В случае если объем оборотных средств требуется увеличить, необходимо (как и в примере с ростом ЗП) провести анализ узких мест в части запасов и дебиторской задолженности, чтобы негативное влияние на FCF было компенсировано положительным эффектом от увеличения гибкости и доходности подразделений продаж (в случае увеличения лимитов по дебиторской задолженности) либо производственных подразделений (в случае, если речь идет о запасах).

Пример 6. Необходимо снизить объем оборотных средств (ОС), так как модель показала необходимость снижения показателя π_1 . Как правило, такая задача кор-

релирует со стандартными задачами финансовых подразделений. Более того, как показывает практика, отечественные компании традиционно имеют большие резервы по данным статьям. Однако анализ возможностей по сокращению ОС все же необходим, чтобы не подвергнуть негативному влиянию ключевые области бизнеса (например, не упасть ниже технологических минимумов по запасам на участках непрерывного производства или не допустить снижения лимитов по дебиторской задолженности для ключевых клиентов).

Пример 7. Необходимо увеличить объем краткосрочной задолженности (модель показала необходимость увеличения показателя π_2). Внедрение подобного решения следует производить прежде всего за счет кредиторской задолженности. Как правило, такое решение коррелирует со стандартными задачами менеджеров по финансам и менеджеров по закупкам, поэтому имплементация подобного рода решений не должна вызывать противоречий. Позитивным фактором такого решения также будет положительное влияние на FCF компании. В то же время, согласование с закупочными подразделениями в этом случае также необходимо, поскольку возможны ситуации, когда увеличение размеров или сроков отсрочки платежа может привести к существенному удорожанию закупаемой продукции.

Пример 8. Необходимо снизить объем краткосрочной задолженности (модель показала необходимость снижения показателя π_2). В этом случае целесообразно рассмотреть возможность реструктуризации краткосрочных банковских займов, поскольку их обслуживание обычно обходится дороже, чем финансирование краткосрочной задолженности. Подобная задача находится в компетенции финансового директора, т. е. дополнительного согласования со смежными подразделениями не требует и может быть решена в рамках рабочей группы. В то же время допустимы ситуации, когда целесообразно снизить и кредиторскую задолженность, поскольку это может позволить получить дополнительные скидки от поставщиков.

Таким образом, как показано в примерах выше, практическая реализация предложенной методики управления является достаточно многогранным процессом, требующим участия значительного количества смежных подразделений.

Для систематизации возможных решений от процедуры управления деловой репутацией нами построена табл. 2 с возможными управляющими воздействиями (на базе приведенных выше примеров), их интерпретацией, а также возможными противоречиями с другими целями компании и указанием путей выхода и требующихся согласований.

Таблица 2

Интерпретация возможных управляющих воздействий, возможные конфликты с другими показателями и потребность в согласовании

Table 2. Interpretation of possible control action, possible conflicts with other indicators and need for coordination

Вид управляющего воздействия	Наиболее применимое действие и рекомендации по внедрению	Возможный конфликт с другими показателями	Необходимость согласования с другими подразделениями
1	2	3	4
Увеличение доли ЗП в структуре ДС	Увеличение реального объема ФОТ за счет «расшивки» узких мест в производственном или коммерческом процессе	Возможный конфликт с показателями прибыли, EBITDA	Согласование с HR-службой

1	2	3	4
Снижение доли ЗП в структуре ДС	Снижение реального объема ФОТ за счет проведения оптимизации численности	Возможный конфликт с показателями удовлетворенности сотрудников, с профсоюзами	Согласование с HR-службой
Увеличение доли амортизации в структуре ДС	Изменение системы учета амортизационных отчислений в пользу ускоренной амортизации	Конфликт с показателем прибыли	Согласование с дирекцией по финансам/экономике
Снижение доли амортизации в структуре ДС	Изменение системы учета амортизационных отчислений в пользу более поздней амортизации	Конфликт с показателем EBITDA (компенсируется через рост прибыли)	Согласование с дирекцией по финансам/экономике
Увеличение π_1	Повышение объема оборотных средств (например, запасов или ДЗ)	Конфликт с показателем FCF	Согласование с дирекцией по финансам/экономике, с подразделением продаж и/или производства
Снижение π_1	Снижение объема оборотных средств (например, запасов или ДЗ)	Конфликт с требованиями продаж и производства по необходимому минимуму запасов и дебиторской задолженности	Согласование с дирекцией по финансам/экономике, с подразделением продаж и/или производства
Увеличение π_2	Увеличение объемов краткосрочных пассивов (например, кредиторской задолженности)	Возможный конфликт с целями по ковенантам (уровень долга)	Согласование с дирекцией по финансам/экономике, с подразделением закупок
Снижение π_2	Снижение объемов краткосрочных пассивов (например, кредиторской задолженности)	Конфликт с показателем FCF	Согласование с дирекцией по финансам/экономике, с подразделением закупок

Обсуждение и заключение

В заключение важно отметить, что проведение процедуры управления деловой репутацией (гудвиллом) логично вписывается в функционал финансовых/экономических подразделений предприятия как с точки зрения требуемых навыков и знаний, так и с точки зрения наличия в этих подразделениях практически всей необходимой информации. При этом основные возможные управляющие воздействия по итогам проведения процедуры управления лежат в области изме-

нения структуры добавленной стоимости и изменения структуры активов и источников капитала.

Практическая реализация предложенных управляющих воздействий нередко может также лежать в зоне ответственности не только финансовых подразделений, но и подразделений продаж, закупок и производства. Поэтому согласование предложенных воздействий с сотрудниками этих подразделений является неотъемлемой частью процедуры управления.

Особое внимание стоит уделить мотивационной части процедуры управления гудвиллом, которую следует разделять в зависимости от уровня менеджмента. Для уровня исполнителей и менеджмента компании среднего звена целесообразно использовать квалификационные показатели — сроки проведения расчетов и полученный расчетный эффект. Для управленцев высшего звена для внедрения в карту КПЭ целесообразно использовать результирующий показатель доли гудвилла в капитализации (либо его абсолютную динамику, либо в сравнении с рыночными трендами).

Литература

1. Калинин О. И., Ларионова И. А., Марков С. В., Рожков И. М., Горбатенко М. В. Коэффициентный метод управления показателями добавленной стоимости с целью обеспечения устойчивого роста предприятия (на примере комбинатов черной металлургии РФ) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2009. № 4 (54). С. 32–37.
2. Калинин О. И., Рожков И. М., Афанасьев В. А., Степанова М. А., Горбатенко М. В. Использование обобщенной методики выбора рациональных значений воздействий при управлении гудвиллом предприятия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2010. № 9 (71). С. 51–55.
3. Калинин О. И., Рожков И. М., Марков С. В., Редькина Е. А. Разработка методики определения гудвилла — показателя сверхстоимости предприятия на примере предприятий черной металлургии РФ // Бюллетень «Черная металлургия». 2006. № 11. С. 100–104.
4. Рожков И. М., Калинин О. И., Марков С. В., Ларионова И. А., Горбатенко М. В. Комплексная оценка финансово-экономического положения предприятия, ориентированная на показатели добавленной стоимости производимой продукции (на примере сталелитейных предприятий РФ) // Экономика в промышленности. 2009. № 3. С. 47–52.

Об авторе:

Калинский Олег Игоревич, профессор кафедры экономики НИТУ «Московский институт стали и сплавов» (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kalinskiy@rambler.ru

References

1. Kalinsky O. I., Larionova I. A., Markov S. V., Rozhkov I. M., Gorbatenko M. V. A coefficient method of management of value added indicators for ensuring steady growth of the enterprise (on the example of plants of ferrous metallurgy of the Russian Federation) // Bulletin of the Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2009. N 4 (54). P. 32–37. (In rus)
2. Kalinsky O. I., Rozhkov I. M., Afanasyev V. A., Stepanova M. A., Gorbatenko M. V. Use of the generalized technique of the choice of rational values of influences at management of goodwill of the enterprise // Bulletin of the Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2010. N 9 (71). P. 51–55. (In rus)
3. Kalinsky O. I., Rozhkov I. M., Markov S. V., Redkina E. A. Development of a technique of definition of goodwill — an indicator of supercost of the enterprise on the example of the enterprises of ferrous metallurgy of the Russian Federation // Bulletin "Ferrous metallurgy" [Byulleten' «Chernaya metallurgiya»]. 2006. N 11. P. 100–104. (In rus)
4. Rozhkov I. M., Kalinsky O. I., Markov S. V., Larionova I. A., Gorbatenko M. V. The complex assessment of financial and economic position of the enterprise focused on indicators of value added

of the made production (on the example of the steelmaking enterprises of the Russian Federation) // Economy in the industry [Ekonomika v promyshlennosti]. 2009. N 3. P. 47–52. (In rus)

About the author:

Oleg I. Kalinskiy, Professor, Department of Economics, NITU MISIS (Moscow, Russian Federation), PhD (Econ.), kalinskiy@rambler.ru

Моделирование рынка внутренних российских пассажирских авиаперевозок

Томаев А. О.^{1*}, Каукин А. С.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *tomaev-ao@ranepa.ru

²Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье моделируется рынок пассажирских авиаперевозок, в качестве теоретической модели используется система уравнений спрос-предложение. Результаты оценки модели на данных по внутреннему рынку за 2013 год показывают, что спрос несколько более чувствителен к изменению цены, чем предложение. Также, согласно полученным оценкам, спрос ожидаемо выше при росте численности и доходов населения, а также в периоды повышенной туристической активности, тогда как рост аэропортовых сборов значительно снижает предложение авиакомпаний. В работе также проведен кейсовый анализ отдельных эффектов на рынке пассажирских авиаперевозок. Результаты свидетельствуют о том, что при отсутствии других шоков уход «Трансаэро» с рынка должен был привести к росту цен на соответствующих маршрутах на 4,6%. Также был проведен расчет потенциальной динамики пассажиропотока в зависимости от реализации одного из трех сценариев налогообложения в нефтяном секторе.

Ключевые слова: авиасектор, пассажирские авиаперевозки, рынок, модель российского рынка пассажирских авиаперевозок, кризис

Modeling of the Market of Internal Russian Passenger Air Transportation

Tomaev A. O.^a, Kaukin A. S.^{a, b}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *tomaev-ao@ranepa.ru

^bGaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In the article the market of passenger air transportation is modelled, as theoretical model the system of the equations demand-supply is used. Results of assessment of model on data on domestic market for 2013 show that demand is a little more sensitive to the change in price, than the supply. In addition, according to the received estimates, demand is expected above with a growth of number and the income of the population and during the periods of the increased tourist activity whereas growth of airport collecting significantly reduces the offer of airlines. In the work, the case analysis of separate effects in the market of passenger air transportation is carried out also. Results demonstrate that in the absence of other shocks leaving of Transaero from the market had to lead to increase in prices on the corresponding routes for 4,6%. In addition, calculation of potential dynamics of a passenger traffic depending on realization of one of three scenarios of the taxation in the oil sector has been carried out.

Keywords: aviasector, passenger air transportation, market, model of the Russian market of passenger air transportation, crisis

Введение

Одним из наиболее заметных последствий кризисных явлений 2014–2015 гг. было снижение темпов роста и объемов выпуска в ряде ключевых сегментов российской экономики. Сектор внутренних пассажирских авиаперевозок, в мировой практике

традиционно рассматриваемый как убыточный для авиакомпаний и требующий субсидирования со стороны государства, столкнулся с сокращением реальных доходов населения и соответствующим падением спроса на перевозки, а также с удорожанием самолетного парка и комплектующих в результате изменения курса рубля, сокращением возможностей по привлечению внешнего финансирования, общими негативными ожиданиями отечественных производителей, неустойчивой политикой государства в отношении налогообложения производства нефти и нефтепродуктов.

В этой связи особенно актуальным является поиск ключевых факторов, критически влияющих на перспективы развития отрасли, и разработка соответствующих мер экономической политики. В настоящем исследовании построена теоретическая и эмпирическая модели российского рынка авиаперевозок, а также проведен анализ особенностей российского рынка и международного опыта регулирования и поддержки авиасектора для выявления ключевых факторов со стороны спроса и со стороны предложения, определяющих перспективы развития рынка, которые могли бы учитываться при разработке государственной экономической политики в отношении данного сектора.

Теоретические и эмпирические подходы к моделированию рынка пассажирских авиаперевозок

Большая часть научной литературы по тематике исследования посвящена моделированию спроса. Подходы к его анализу можно с некоторой долей условности разделить по уровню, на котором изучается спрос (уровень стран или пар городов), по типу (изучающие уровень спроса либо выбор потребителей между видами транспорта, как, например, Ч. Хсиао, М. Хансен [1], Н. Адлер и соавторы [2]), по учету деталей (наличие хабов — В. Вэй и М. Хансен [3] и другие работы), иных видов транспорта (например, у Ч. Хсиао и М. Хансен [4]) и т. д.

Некоторые исследователи, к примеру, Ч. Хсю, Й. Вен [5], разделяли пассажиров по цели поездки. В ряде исследований зависимой переменной выступала цена авиабилета или ее дисперсия, и производился анализ влияния глубины бронирования и структуры рынка (в условиях ограниченной конкуренции) на соответствующие переменные. Сторона предложения в литературе представлена менее широко и, как правило, исследования в этой сфере ограничиваются анализом различных составляющих издержек авиакомпаний, по которым доступны статистические данные. Ниже описаны некоторые из изученных работ.

К. Флеминг и А. Гобриал (1994) [6] обращают внимание на то, что предыдущая литература не позволяла понять, как региональный или общенациональный пассажиропоток зависит от характеристик отдельных штатов. Исследователи вырабатывают макромоделю, которая рассматривает факторы, не связанные со спецификой маршрутов и пар городов, используя, соответственно, только агрегированные меры. В модели включены векторы: социально-экономических характеристик штата, индикаторов определенных экономических видов деятельности в штате и переменных предложения. Для оценки этого уравнения были использованы данные в период с 1975 по 1987 гг. по семи штатам юго-востока США. Среди результатов констатируется сильная взаимосвязь между спросом и общими экономическими переменными. Спрос неэластичен по «промышленным» переменным и расходам на туризм. Однако спрос более эластичен по промышленным факторам, чем по расходам на туризм. Помимо этого, авторы констатируют, что наличие хаба увеличивает спрос на авиаперелеты.

Целью работы А. Гобриал и А. Канафи (1995) [7] была оценка модели спроса, включающей различные характеристики качества без некоторых нереалистичных предположений прежних моделей. Качество услуги у них измеряется частотой

рейсов в час пик и в непиковые часы, временем полета, загруженностью аэропорта и т. д. Ввиду корреляции времени полета и цены, авторы удалили переменную времени и знаки при всех переменных модели сошлись с гипотетическими. В частности, частота рейсов, согласно результатам, положительно влияет на спрос, а ограниченная пропускная способность аэропорта уменьшает пассажиропоток.

Надо отметить, что существует целый пласт статей, которые пытаются объяснить спрос различных стран на пассажирские авиаперевозки через схожий набор социально-экономических факторов. Так, С. Абед и соавторы (2001) [3; 8] анализируют и прогнозируют спрос на международные авиаперелеты в Саудовской Аравии. В статье используются данные в период с 1971 по 1972 гг. Результаты исследования говорят о том, что численность населения имеет положительный эффект на спрос на международные авиаперевозки (при прочих равных). При росте населения на 1% спрос увеличивается в среднем на 0,021 млн пассажиров. Также, при росте суммарных расходов на 1% в среднем спрос на международные перелеты при прочих равных растет на 0,395 млн пассажиров.

На примере шведского рынка Ф. Копш (2012) [9] исследует спрос на внутренние пассажирские авиаперевозки, оценивая эластичность спроса по цене на основе агрегированной информации. Исследование использует timeseries анализ для оценки краткосрочной и долгосрочной эластичности спроса в Швеции. При этом производится разделение деловых и неделовых полетов, а также учет альтернативных видов транспорта. Результаты показывают, что агрегированный спрос на внутренние пассажирские авиаперевозки в Швеции в значительной степени эластичен в краткосрочном периоде и еще более эластичен в долгосрочном периоде. Также согласно исследованию, пассажиры, летящие с неделовыми целями, более чувствительны к изменениям цены.

Модель, лежащая в основе настоящего исследования, рассматривает спрос и предложение на уровне количества перевезенных пассажиров по отдельным маршрутам. Вопросы динамического ценообразования и межвременной дискриминации рассматривались на предыдущих этапах исследования и остались за рамками настоящей модели; фактор структуры рынка и конкуренции, влияющий, в первую очередь, на цену, был учтен на уровне кейсового анализа.

Модель российского рынка пассажирских авиаперевозок

В расчетной части исследования использовались и сравнивались различные спецификации системы одновременных уравнений, а при рассмотрении отдельных кейсовых примеров — приведенные уравнения. Основная модель, представляющая из себя систему одновременных уравнений, применялась для решения задачи проверки гипотез относительно ряда факторов как со стороны спроса, так и со стороны предложения.

Данные, используемые в представленной работе, взяты из нескольких источников. В основе лежат данные Транспортной клиринговой палаты. Она включает данные за 2013 г. по проданным билетам на внутренние рейсы, в том числе дату полета и бронирования, код авиакомпании, направление (код города), цену и т. д. Каждому наблюдению соответствует уникальный номер билета. Всего в базе свыше семи миллионов наблюдений. База данных включает около 40% от всех проданных в 2013 г. билетов. Статистика численности населения страны по населенным пунктам за 2013 г. была взята с сайта Росстата, как и региональная статистика по среднему уровню доходов. Что касается информации о ставках сборов за аэронавигационное обслуживание в районах аэродромов российских пользователей, то они основываются на данных ФАВТ (Росавиации); это ставки, утвержденные в 2016 г., так как у Агентства отсутствуют открытые данные за 2013 г. Ставки за взлет-посадку, авиационную без-

опасность, пользование аэровокзалом и обслуживание пассажиров за 2017 г. взяты с сайта Авиапорт. Ставки в московских аэропортах разнились, и было взято арифметическое среднее. Данные по ценам на авиатопливо в различных аэропортах за 2014 г. взяты с сайта Росавиации, а недельные цены на бензин — с сайта Росстата.

Теоретическая модель, использованная в данной работе, представляет из себя систему одновременных уравнений, учитывающую в том числе показатели качества из исследования А. Гобриал и А. Канафи [7]. Также на основе анализа спецификаций из других исследований было решено добавить некоторые доступные переменные. Среди них индикатор на время отпусков, цена на альтернативы в виде железнодорожных и автомобильных перевозок (улавливается через цены на бензин).

Также мы предполагаем, что авиакомпании действуют в соответствии с принципом максимизации прибыли, и ставим предложение в зависимость от издержек. В итоге общая теоретическая модель выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} \ln Daypassen_{ijt} = & \\ & = \alpha + \beta_1 \ln MulPop_{ij} + \beta_2 \ln MulInc_{ij} + \beta_3 \ln Avtar_{ijt} + \beta_4 \ln FreqP_{ijt} + \\ & + \beta_5 \ln FreqO_{ijt} + \beta_6 \ln SizeP_{ijt} + \beta_7 \ln SizeO_{ijt} + \beta_8 \ln Time_{ij} + \\ & + \beta_9 Tour_{ij} + \beta_{10} Hol_{ijt} + \beta_{11} \ln Gprice_{ijt} + \beta_{12} \ln Rtar_{ijt} + \varepsilon, \\ \ln Daypassen_{ijt} = & \\ & = \alpha_0 + \beta_1 \ln Avtar_{ijt} + \beta_2 \ln Sbor_{it} + \beta_3 \ln Sbor_{jt} + \\ & + \beta_4 \ln Jetfuel_{it} + \beta_5 \ln Jetfuel_{jt} + \varepsilon, \end{aligned}$$

где $Daypassen_{ijt}$ — количество пассажиров, летящих из города i в город j в момент времени t ; $MulPop_{ij}$ — произведение численностей населения двух городов; $MulInc_{ij}$ — произведение доходов на душу в двух городах; $Avtar_{ijt}$ — средняя цена; $FreqP_{ijt}$ — число прямых рейсов в день вне часов пик; $FreqO_{ijt}$ — число прямых рейсов в день в часы пик; $SizeP_{ijt}$ — средний размер судна в пиковые часы ($SizeO_{ijt}$ — в непиковые); $Time_{ij}$ — среднее время полета между городами i и j ; $Tour_{ij}$ — индикатор, принимающий значение 1, если хоть один из городов находится в туристическом регионе (Краснодарский край); Hol_{ijt} — переменная-индикатор, принимающая значение 1 в сезон отпусков; $(Gprice)_{ijt}^*$ — цена на бензин (как отражение стоимости путешествия автотранспортом), $Rtar_{ij}$ — цена на путешествие ж/д транспортом.

$Avtar_{ijt}$ — средняя цена; $Sbor_{it}$ — сумма всех взимаемых сборов в аэропорту вылета; $Sbor_{jt}$ — сумма всех взимаемых сборов в аэропорту прилета; $Jetfuel_{it}$ — цена на топливо в аэропорту вылета; $Jetfuel_{jt}$ — цена на топливо в аэропорту прилета.

В уравнении спроса предполагается, что рост населения хотя бы в одном из городов положительно скоррелирован с популярностью маршрута, так как среди большего числа жителей будет больше потенциальных пассажиров. Такая же положительная связь предполагается между средним уровнем дохода в городах и спросом на авиаперевозки, так как уровень доходов определяет платежеспособность. Цена — принципиальный фактор, который, согласно гипотезе, должен отрицательно влиять на спрос. Частота рейсов, называемая в литературе принципиальной характеристикой качества услуги, в ожидании положительно влияет на спрос. Знак при переменной расстояния ожидается положительный, так как, при прочих равных, пассажиры скорее склонны прибегать к услугам авиакомпаний на длинных маршрутах; на коротких воз-

душному транспорту сложнее конкурировать с наземным. Предполагается, что на туристических направлениях спрос выше, и знак перед соответствующей переменной будет положительным. Далее, фактор загруженности аэропортов в ожидании может «отпугивать» потенциальных пассажиров и должен быть отрицательно скоррелирован со спросом. Что касается альтернативных видов транспорта, то их удорожание гипотетически должно приводить к привлечению большего количества клиентов авиакомпаниями. Так, удорожание бензина (цена которого умножается на расстояние для более точного отражения действительных расходов) и повышение цен на железнодорожные билеты должно вести к «перетеканию» части пассажиров к авиакомпаниям.

В уравнении предложения предполагается положительная связь между переменной средней цены на билеты и предложением. Гипотеза относительно остальных переменных, которые отражают разного рода издержки, такова, что их рост будет сдерживающим фактором для предложения, и ожидаемые знаки при них отрицательные. Аргумент состоит в том, что авиакомпании, максимизирующие прибыль, имеют более плохие финансовые показатели на фоне роста издержек.

При использовании вышеописанной теоретической модели в ней оказалось необходимым изначально исключить некоторые переменные ввиду недоступности данных по ним. Решая проблему мультиколлинеарности и стремясь к увеличению объясняющей силы модели, мы остановились на следующей спецификации:

$$\begin{aligned} \ln Daypassen_{ijt} &= \alpha + \beta_1 \ln MulPop_{ij} + \beta_2 \ln MulInc_{ij} + \beta_3 \ln Avtar_{ijt} + \\ &+ \beta_4 TourHol_{ijt} + \beta_5 High_t + \beta_6 \ln Gprice_{it} + \beta_7 \sum_{i=1}^7 Weekday_t + \varepsilon, \\ \ln Daypassen_{ijt} &= \alpha_0 + \beta_1 \ln Avtar_{ijt} + \beta_2 \ln Sbor_{it} + \beta_3 \ln Sbor_{jt} + \beta_4 \ln Jetfuel_{it} + \\ &+ \beta_5 \ln Jetfuel_{jt} + \beta_6 AirlineD_{ijt} + \varepsilon. \end{aligned}$$

где $TourHol_{ijt}$ — это индикатор на туристические направления в теплый сезон, $High_t$ — индикатор на время повышенного спроса (теплый сезон и зимние каникулы), $\sum_{i=1}^7 Weekday_t$ — набор индикаторов на дни недели, а $AirlineD_{ijt}$ — индикаторы на каждую из авиакомпаний.

Описывая результаты оценки представленной модели, можно отметить некоторое расхождение с гипотезами. Во-первых, как видно из таблицы, цены на топливо как в аэропорту вылета, так и в аэропорту прилета положительно скоррелированы с предложением. Более того, соответствующие коэффициенты больше единицы. Учитывая принципиальную важность расходов на топливо для авиакомпаний, их немалый удельный вес, эта взаимозависимость кажется нелогичной. Во-вторых, схожую ситуацию мы видим с ценой на бензин. Та и другая переменные учитывают цену единицы объема топлива, а не полной его стоимости для той или иной поездки (полета), зависящей также и от расстояния (но мультиколлинеарность мешает такому учету). На наш взгляд, это может быть вероятным объяснением того, что полученные знаки не соответствуют гипотетическим. Это предположение подкрепляется тем фактом, что в соответствующем приведенном уравнении, где отсутствие переменной цены позволило учесть произведение стоимости топлива на расстояние, проблема исчезает.

Знаки при всех остальных переменных соответствуют гипотетическим. Принципиальный результат оценки — коэффициент при переменной цены в обоих уравнениях — говорит о том, что спрос несколько более чувствителен к изменению цены, хотя разница невелика. Все учитываемые факторы оказались значимыми.

Результаты оценки регрессии
Results of regression analysis

Переменные	(1)	(2)
	Спрос	Предложение
Log Средняя цена	-1,365***	0,933***
	(0,00216)	(0,00307)
Log Сборы в аэропорту вылета	—	-1,429***
	—	(0,00148)
Log Сборы в аэропорту прилета	—	-1,423***
	—	(0,00113)
Log Цена авиатоплива в аэропорту вылета	—	1,358***
	—	(0,00544)
Log Цена авиатоплива в аэропорту прилета	—	1,115***
	—	(0,00597)
Индивидуальные индикаторы авиакомпаний		
Log Произведение численностей населения	0,159***	—
	(0,000256)	—
Log Произведение уровней дохода	0,952***	—
	(0,00105)	—
Туристическое направление в период отпусков	0,229***	—
	(0,00175)	—
Время повышенного спроса	0.308***	—
	(0.000863)	—
Log Цена бензина	-1.716***	—
	(0,0170)	—
Понедельник	0,0676***	—
	(0,00119)	—
Вторник	0,0353***	—
	(0,00120)	—
Среда	0,0370***	—
	(0,00119)	—
Четверг	0,0211***	—
	(0,00120)	—
Пятница	0,0515***	—
	(0,00119)	—
Суббота	-0,0636***	—
	(0,00125)	—
Константа	-1,875***	-8,574***
	(0,0633)	(0,793)
Число наблюдений	6 463 464	6 463 464
R-squared	0,295	0,323

Стандартные ошибки в скобках

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Безусловно, представляет интерес применение данной базы данных и методологии для анализа текущих проблем отрасли. Так, можно проанализировать последствия ухода с рынка крупного игрока (ВИМ-авиа испытывает в данный момент большие финансовые сложности).

В рамках проведенного анализа было изучено три различных кейса. Первый из них — уход с рынка компании Трансаэро. В 2015 г. Росавиация аннулировала сертификат авиакомпании, как следствие, изменились доли рынка оставшихся компаний. Для оценки влияния ухода Трансаэро были пересчитаны доли авиакомпаний в пассажиропотоке на соответствующих маршрутах при удалении пассажиров, перевезенных Трансаэро. Результат свидетельствует о том, что рост значения индекса Херфиндала-Хиршмана на 1 ведет к росту цены на 36%. Согласно расчетам, соответствующий средний рост цен на маршрутах, где летали самолеты Трансаэро (при условии сохранения всех рейсов), должен был составить около 4,6%. В действительности же существенных потрясений на внутреннем рынке авиаперевозок, в том числе, ценовых, не последовало. Однако следует учесть, что уход Трансаэро совпал с другими шоками в этот же период (сокращение спроса, сжатие рынка международных перевозок и т. д.).

Второй изученный кейс касается деятельности лоукостеров. Опираясь на зарубежные исследования (провести аналогичные исследования на российском рынке не позволило отсутствие необходимой статистики), была сделана попытка понять, как наличие бюджетных авиакомпаний влияет на цены. Так, согласно ряду работ, при уходе лоукостеров с рынка рост цен в среднем на маршрутах составляет от 3 до 8% в зависимости от количества компаний-лоукостеров.

В рамках последнего кейса рассматриваются три сценария налоговой политики России в отношении нефти и нефтепродуктов: заложенные на данный момент в Налоговом кодексе траектории изменения величины экспортных пошлин и НДС, единовременная отмена таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты с 2019 г. с эквивалентным увеличением НДС при сохранении ставки акцизов на уровне 2019 г., а также аналогичная реформа со снижением акцизов для удержания розничных цен на нефтепродукты на текущем уровне.

Расходы на авиатопливо являются одной из главных статей расходов авиаперевозчиков, и оценки показали, что при росте значения переменной *цена топлива в аэропорту вылета*расстояние* на 1% в среднем наблюдается падение равновесного объема пассажиропотока примерно на 0,3%. Согласно первому сценарию, в период с 2019 по 2024 гг. объем перевозимых пассажиров при прочих равных будет снижаться примерно на 1,3%, 0,7%, 0,3%, 0,3%, 0,7% и 0,5% к уровню предыдущего года соответственно. В случае реализации второго сценария, падение в эти годы составит примерно 2%, 2,8%, 3,2%, 3,8%, 4,3% и 4,8% с 2019 по 2024 гг. Третий сценарий предполагает стабильность цен на топливо, а значит, и равновесного пассажиропотока при прочих равных.

Заключение

Построенная в исследовании модель позволяет оценить эластичность спроса и предложения по цене. В числе факторов в уравнении спроса рассматривались, в том числе, средняя цена на маршруте на определенную дату, численность населения двух городов, являющихся начальной и конечной точкой маршрута (эффект масштаба), средние уровни доходов населения в этих городах, индикатор туристического направления в теплый сезон, индикатор времени повышенного спроса, цена на бензин и стоимость железнодорожных билетов как отражение стоимости путешествия альтернативным (автомобильным) транспортом, индикаторы на дни недели и др. Факторами на стороне предложения (фактически, это

различные составляющие издержек авиакомпаний) являются переменные ставок сборов в аэропорту вылета и в аэропорту прилета, стоимости авиатоплива в аэропорту вылета и прилета, а также индивидуальные индикаторы на каждую из авиакомпаний и др.

Эконометрические оценки системы одновременных уравнений показывают, что при росте цен на 1% рост предложения составляет около 0,9%, при этом спрос снижается примерно на 1,4%. Гипотеза относительно отрицательного влияния сборов в аэропортах прилета и вылета на предложение подтвердилась, причем влияние их на сторону предложения наиболее сильно по сравнению с другими факторами (около $-1,4$ в обоих случаях). Индивидуальные характеристики авиакомпаний, согласно результатам оценок, также значимо влияют на предложение соответствующих услуг. Подтвердились гипотезы положительного влияния величины городов и средних доходов на спрос на воздушные перевозки. Уровень доходов имеет при этом наибольшее влияние. Было также выявлено, что, даже с учетом фактора повышенного спроса летом и в новогодние каникулы, туристические направления пользуются особенно высоким спросом, как и предполагалось изначально. Не подтвердилась гипотеза положительного влияния на объем спроса цены на бензин, что может быть связано со способностью автотранспорта заменить авиаперевозки в российских условиях только на ограниченном количестве направлений.

Интересно, что попытка оценить ту же систему одновременных уравнений на ограниченной подвыборке с исключением маршрутов, включающих Москву (это условие сокращает выборку примерно в четыре раза), дает результаты, противоречащие гипотезам. В частности, получаем положительную связь спроса и цены, что крайне сложно интерпретировать. По всей видимости, на этой ограниченной подвыборке, включающей, в том числе, аэропорты в малых населенных пунктах, существуют свои специфические факторы, неучтенные в используемой спецификации: в частности, полеты на данных направлениях могут преимущественно использоваться для бизнес-поездки, командировок и т.д., что означает, что факторами спроса должны быть не характеристики населения, а характеристики местных компаний и их связи друг с другом в рассматриваемых регионах. Данное направление является перспективным для дальнейших исследований.

Литература / References

1. Hsiao C. Y., Hansen M. Air transportation network flows: Equilibrium model // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. 2005. N 1915. P. 12–19.
2. Adler N. Hub-spoke network choice under competition with an application to Western Europe // Transportation science. 2005. Vol. 39. N 1. P. 58–72.
3. Wei W., Hansen M. An aggregate demand model for air passenger traffic in the hub-and-spoke network // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2006. Vol. 40. N 10. P. 841–851.
4. Hsiao C. Y., Hansen M. A passenger demand model for air transportation in a hub-and-spoke network // Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review. 2011. Vol. 47. N 6. P. 1112–1125.
5. Hsu C. I., Wen Y. H. Determining flight frequencies on an airline network with demand-supply interactions // Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review. 2003. Vol. 39. N 6. P. 417–441.
6. Fleming K., Ghobrial A. An analysis of the determinants of regional air travel demand // Transportation Planning and Technology. 1994. Vol. 18. N 1. P. 37–44.
7. Ghobrial A., Kanafani A. Quality-of-service model of intercity air-travel demand // Journal of Transportation Engineering. 1995. Vol. 121. N 2. P. 135–140.
8. Abed S. Y., Ba-Fail A. O., Jasimuddin S. M. An econometric analysis of international air travel demand in Saudi Arabia // Journal of Air Transport Management. 2001. Vol. 7. N 3. P. 143–148.

9. *Kopsch F.* A demand model for domestic air travel in Sweden // *Journal of Air Transport Management.* 2012. Vol. 20. P. 46–48.
10. *Carson R. T., Cenesizoglu T., Parker R.* Forecasting (aggregate) demand for US commercial air travel // *International journal of Forecasting.* 2011. Vol. 27. N 3. P. 923–941.

Об авторах:

Томаев Александр Олегович, научный сотрудник лаборатории системного анализа отраслевых рынков, Институт отраслевых рынков и инфраструктуры РАНХиГС (Москва, Российская Федерация); tomaev-ao@ranepa.ru

Каукин Андрей Сергеевич, заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков, Институт отраслевых рынков и инфраструктуры РАНХиГС, зав. лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Научного направления «Реальный сектор», Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kaukin@ranepa.ru

About the authors:

Alexandr O. Tomaev, research associate of laboratory of the system analysis of the branch markets, Institute of the branch markets and infrastructure of RANEPa; tomaev-ao@ranepa.ru

Andrey S. Kaukin, head of the laboratory of the system analysis of the branch markets, Institute of the branch markets and infrastructure of RANEPa, head of the laboratory of the branch markets and infrastructures of the Scientific direction “Real Sector”, Gaidar Institute for Economic Policy, PhD in Economics; kaukin@ranepa.ru

Инструменты государственной поддержки инновационного развития в Ленинградской области

Григорьева К. Д.

Северо-Западное таможенное управление. Пулковский таможенный пост (Санкт-Петербург, Российская Федерация); pupa-2009@mail.ru

РЕФЕРАТ

Продвижение инноваций в регионе зависит напрямую от эффективного стимулирования региональных властей и коммерческого сектора к активному развитию всех отраслей хозяйствования. Эффективность процесса инновационного развития в регионах во многом определяется качеством выбора органами государственного управления инструментария реализации стратегии инновационного развития. В статье мы рассматриваем основную классификацию: прямые и косвенные инструменты поддержки инновационного развития и особенности их использования. Основой инструментария государственной поддержки инновационного развития региона является нормативно-правовая база, мы рассматриваем в статье нормативно-правовую основу развития в регионе, как в виде областных законов, так и в виде программы развития региона. В статье анализируется состав программы социально-экономического развития Ленинградской области и ее практическая значимость как инструмента господдержки инновационного развития. Также был исследован процесс развития инноваций в Ленинградской области за период 2014–2017 гг., выявлены основные плюсы и минусы инновационного развития региона, особенности инфраструктуры и качества использования имеющегося потенциала области. Проанализированы основные инструменты господдержки инновационного развития в области и приведены основные рейтинги инновационного развития. Отмечено и проанализировано значение кластеризации в регионе и создание дополнительных бизнес-парков и наноцентра для развития высокотехнологичных производств. На основании анализа выявлены основные проблемы развития инноваций в регионе и основные направления развития инструментария господдержки инноваций. Особое место уделено особенностям инновационного развития, потенциалу и возможностям региона при условии использования качественного инструментария господдержки.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, инструменты господдержки, индикаторы развития, государственная поддержка, инновационные технологии, инвестиции, конкурентоспособность, кластеризация, высокотехнологическое производство

Instruments of State Support of Innovative Development in Leningrad Region

Grigorieva K. D.

North-West Customs Administration. Pulkovo Customs Post (St. Petersburg, Russian Federation); pupa-2009@mail.ru

ABSTRACT

Promotion of innovation in the region depends directly on the effective stimulation of regional authorities and the commercial sector to actively develop all sectors of the economy of the country. The effectiveness of the process of innovative development in the regions is largely determined by the quality of the choice by government agencies of tools to implement the strategy of innovative development. In modern scientific research, the classification of instruments of state support for the development of innovation at the regional level has several types. We consider the main classification: direct and indirect tools to support innovative development and the specifics of their use. The basis of the toolkit for state support of innovative development of the region is the regulatory framework, we consider the normative and legal basis for development in the region, both in the form of regional laws and in the form of a regional development program. The article analyzes the

composition of the program of social and economic development of the Leningrad region and its practical importance as a tool for state support of innovative development. Also, the dynamic process of innovation development in the Leningrad Region for the period 2014–2017 was studied, the main advantages and disadvantages of the region's innovative development, peculiarities of the infrastructure and the quality of using the existing potential of the region were revealed. The main instruments of state support of innovative development in the region are analyzed and the main ratings of innovative development are given. The importance of clustering in the region and creation of additional business parks and Nano-centers for the development of high-tech industries was noted and analyzed. On the basis of the analysis, the main problems of innovation development in the region and the main directions of development of the toolkit for state support of innovations were revealed. A special place is given to the features of innovative development, the potential and opportunities of the region, provided that the quality tools of state support are used.

Keywords: innovations, innovative development, instruments of state support, development indicators, government support, innovation, investment, competitiveness, clustering, high-tech production.

В течение последних десятилетий мировая экономика, в том числе экономики развитых стран, вошла в период радикальной структурной трансформации, связанной с существенным возрастанием роли наукоемких, высокотехнологических производств, развитие которых определяется, главным образом, интенсивным использованием знаний и широким внедрением инноваций в различные сферы экономической жизни. В этой связи, развитие инновационной деятельности на уровне регионов необходимо рассматривать как неотъемлемую составляющую конкурентоспособности национальной экономики, которая определяется как набор институтов, политик и факторов, определяющих уровень производительности экономики.

Поскольку приоритетной задачей устойчивого развития регионов России должно быть обеспечение стабильного экономического роста, особого внимания требуют вопросы установления основных факторов этого роста, особенности их привлечения в практику хозяйствования и оценки эффективности механизмов регулирования этих процессов. В этом контексте региональные аспекты экономического роста для достижения целей устойчивого развития должны, по нашему мнению, базироваться на положениях нового регионализма и инновационной теории развития и механизмах их практического внедрения.

В научных работах отечественного исследователя Т. А. Маловой отмечается, что современные условия глобальной конкуренции посредством воздействия на рынок стимулируют к инновационной деятельности предприятия всех отраслей хозяйствования [2, с. 75]. Это означает, что качественное планирование и внедрение инновационных технологий предоставляет предприятию, независимо от сферы деятельности, размеров и формы собственности, возможность получения конкурентных преимуществ на рынке.

Следует отметить, что в современных научных исследованиях классификация инструментария государственной поддержки производится по разным признакам и характеристикам, но, как правило, отечественными исследователями используется подход деления инструментов господдержки на общие и специальные¹. К общим инструментам инновационной политики относят инструменты, с помощью которых создается благоприятный для появления и внедрения инноваций климат,

¹ Постановление Правительства Ленинградской области от 14.11.2013 № 394 (ред. от 28.09.2017) «Об утверждении государственной программы Ленинградской области «Стимулирование экономической активности Ленинградской области» [Электронный ресурс] // Консультант плюс справочно-информационная система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/1191143> (дата обращения: 20.01.2018).

а к специальным те, которые предназначены для воздействия на конкретную сферу технологий, или конкретные группы агентов (предприятия, исследовательские учреждения и т. п.), которые задействованы в создании и внедрении инноваций.

В современном механизме инновационного процесса возрастает роль региональной составляющей. Определенная финансовая самостоятельность регионов, возможность использования местных ресурсов, ответственность местных органов власти создают необходимую экономическую основу и мотивацию для эффективного влияния на регулирование и поддержку инновационно-инвестиционной активности. Возможность инновационного развития в каждом регионе РФ предусматривает свои особенности. На эффективное протекание инновационных процессов в регионе влияет целый ряд сдерживающих факторов, которые целесообразно сгруппировать по пяти признакам: экономические, технологические, организационно-управленческие, правовые, профессиональная подготовка кадров. Их активное воздействие возможно только при совместных усилиях федеральной власти, региональных органов власти и самих предприятий.

Одним из главных факторов, влияющих на эффективность формирования инновационной политики в регионе, является инновационный потенциал, который определяет уровень инновационных возможностей субъектов хозяйственной деятельности региона. Под инновационным потенциалом региона мы понимаем его способность осуществлять инновационную деятельность в академическом, прикладном (отраслевом), вузовском, заводском секторах науки и инновационной сфере, функционирующих на данной территории. Он характеризуется обеспеченностью ресурсами инновационной сферы: научными кадрами, материально-технической базой, источниками финансирования, информационными ресурсами, научными школами, интеллектуальной собственностью, наличием прогрессивных инновационных структур и результативности их функционирования.

В 2017 г. Институтом статистического исследования и экономики знаний проведено исследование, с целью создания рейтинга инновационного развития регионов РФ. В рейтинге по сводному инновационному индексу Ленинградская область в 2016 г. заняла 53-е место. При этом социально-экономические условия для инновационной деятельности в регионе находятся на 47-м месте, причем стоит отметить значительное падение в рейтинге по сравнению с 2014 г. на 24 пункта с 23-го места¹.

В развитии инновационной деятельности Ленинградская область в 2016 г. заняла 34-е место, сместившись за 3 года с 16-го места. Основными пунктами, по которым регион поднялся в списке, стали: количество предприятий, получивших как результат инноваций снижение материальных и энергозатрат — 15-е место; количество предприятий, принявших участие в совместных инновационных разработках и научных исследованиях, — 30-е место. Качество государственной поддержки инновационного развития Ленинградской области находится только на 59-м месте в рейтинге. Следует отметить, что по данному показателю регион за 3 года спустился на 27 пунктов. Это обусловлено тем, что в 2014 г. был расформирован Научно-технический совет при Губернаторе Ленинградской области².

Значительным плюсом Ленинградской области является то, что регион в качестве инструмента господдержки имеет стратегию инновационного развития области, кроме того, обозначена основная схема территорий области для инновационной деятельности, разработаны меры поддержки инновационного развития региона. Неплохие показатели в рейтинге (19-е место) занимает Ленинградская область

¹ Рейтинг по сводному инновационному индексу за 2014, 2015, 2016 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института статистических исследований и экономики знаний (НИУ ВМЭ). URL: <https://www.hse.ru/monitoring/> (дата обращения: 17.01.2018).

² Там же.

и по выделяемым на технологические инновации средствам федерального, регионального и местных бюджетов¹.

Стоит отметить и показатели, по которым Ленинградская область оказалась в рейтинге с показателями ниже среднего: в регионе должен присутствовать специализированный законодательный акт, регламентирующий региональную политику органов региональной власти, а также меры господдержки инновационной деятельности в регионе (67-е место); наличие в области специализированного государственного органа по поддержке, финансированию и развитию инновационной деятельности в регионе, который находится при исполнительном органе государственной власти в регионе (51-е место)².

Стоит обратить внимание еще на одно исследование. Ассоциация инновационного развития регионов России составила рейтинг, созданный для наглядного представления уровня развития всех регионов РФ в области инновационных технологий. В данном рейтинге Ленинградская область в 2016 и 2017 гг. занимала в общем рейтинге регионов с высоким инновационным развитием 43-е и 44-е места. Данный фактор выглядит печально на фоне динамики изменений. Так, в 2014 г. Ленинградская область в данном рейтинге находилась на 14-м месте по уровню развития инновационной деятельности, а в номинации «Ускорение-2014» заняла первое место за перемещение вверх на 25 позиций в рейтинге. Данные изменения, с одной стороны, свидетельствуют о снижении темпов развития инновационной отрасли в регионе, а с другой — фиксируют факт слабой господдержки инновационного сектора³.

Основой инструментария государственной поддержки инновационного развития региона является нормативно-правовая база инновационного развития, определяющая перспективы развития в данном направлении. В Ленинградской области инновационное развитие региона регламентируется следующими нормативно-правовыми актами:

- 1) Областной закон Ленинградской области от 28.07.2014 № 52-оз (ред. от 04.04.2016) «О создании и развитии индустриальных (промышленных) парков в Ленинградской области» (принят ЗС ЛО 09.07.2014) (с изм. и доп., вступающими в силу с 06.05.2016) [4];
- 2) Областной закон Ленинградской области от 08.08.2016 № 76-оз «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г. и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» (принят ЗС ЛО 13.07.2016)⁴.

В настоящий момент региональную государственную поддержку инновационного развития региона определяет государственная программа, утвержденная Постановлением Правительства Ленинградской области 14.11.2013 № 394 (ред. от

¹ Там же.

² Рейтинг по сводному инновационному индексу за 2014, 2015, 2016 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института статистических исследований и экономики знаний (НИУ ВШЭ). URL: [https://www.hse.ru/monitoring/\(дата обращения: 17.01.2018\)](https://www.hse.ru/monitoring/(дата обращения: 17.01.2018)).

³ Рейтинг развития регионов в области инновационных технологий [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации инновационного развития регионов России. URL: <http://i-regions.org/regions/proekty/rejting-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 18.01.2018).

⁴ Областной закон Ленинградской области от 28.07.2014 № 52-оз (ред. от 04.04.2016) «О создании и развитии индустриальных (промышленных) парков в Ленинградской области» (принят ЗС ЛО 09.07.2014) (с изм. и доп., вступающими в силу с 06.05.2016) [Электронный ресурс] // Консультант плюс справочно-информационная система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/172147> (дата обращения: 19.01.2018).

28.09.2017) «Об утверждении государственной программы Ленинградской области «Стимулирование экономической активности Ленинградской области»¹.

Приоритетными задачами данной программы являются:

- создание необходимых условий для развития предпринимательской деятельности в регионе, а также привлечения инвестиций в экономику всей Ленинградской области;
- выведение промышленности Ленинградской области на конкурентоспособный уровень, создание устойчивой, инновационной, высокотехнологичной промышленной среды;
- повышение конкурентоспособности экономики области в целом, решение социальных задач, повышение уровня вовлеченности Ленинградской области в процесс международного содействия, создания условий для становления региона как лидера с точки зрения инновационного и социально-экономического развития региона².

Данная программа не существует как единственная стратегия, в состав входит ряд подпрограмм, прописанных в документе, регламентирующих инновационное развитие в регионе: Обеспечение благоприятного инвестиционного климата в Ленинградской области; Развитие промышленности и инноваций в Ленинградской области; Совершенствование системы стратегического управления социально-экономическим развитием Ленинградской области³.

Ленинградская область занимает лидирующие позиции по уровню инновационного развития в Северо-Западном федеральном округе, но, несмотря на это, имеет ряд сложностей, которые необходимо преодолеть для дальнейшего эффективного инновационного развития региона. Основные проблемы, негативно влияющие на инновационное развитие, региона следующие: экономическая составляющая Ленинградской области сосредоточена не в инновационных отраслях; область испытывает значительный кадровый голод; развитие инновационной среды доставляет значительную нагрузку на бюджет региона; инфраструктура Ленинградской области в значительной степени ограничена.

Положительным фактором является создание и развитие в области инновационных и промышленных кластеров. На базе новых образований создаются все условия для привлечения инвестиций как государственных, так и коммерческих, создается промышленная база, инновационная инфраструктура и научно-образовательные центры, что позволяет не только продвинуть инновационное развитие на уровень выше, но увеличить рост экономических показателей региона.

На 2017 г. в Ленинградской области сформировано 11 кластеров, 7 из них являются приоритетными для области, это «кластер медицинской, фармацевтической промышленности и радиационных технологий», «судостроительный кластер», «автомобильный кластер», «кластер строительных материалов», «кластер пищевой промышленности», «лесопромышленный кластер», «нефтегазохимический кластер».

В настоящий момент для реализации интенсивного инновационного развития Ленинградской области необходимы следующие приоритетные действия: структурные изменения в большинстве секторов экономики Ленинградской области; интенсивное развитие с господдержкой высшего образования, центров переподготовки

¹ Областной закон Ленинградской области от 08.08.2016 № 76-оз «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г. и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» (принят ЗС ЛО 13.07.2016) [Электронный ресурс] // Консультант плюс справочно-информационная система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/176170> (дата обращения: 18.01.2018).

² Там же.

³ Там же.

и научно-исследовательских объединений; выделение значительных бюджетных и внебюджетных финансовых ресурсов; выявление и привлечение в регион иностранных компаний высокотехнологического производства и объединение научных и промышленных мощностей. Перечисленные инструменты господдержки и поддержки коммерческого сектора являются ключевыми для дальнейшего инновационного развития региона.

При запуске Областного закона Ленинградской области от 08.08.2016 № 76-оз «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года» ожидалось результаты социально-экономического развития региона, в том числе и инновационного характера. Закон регламентирует создание инфраструктуры в виде подготовленных площадок под развитие производств, в том числе и высокотехнологичных, внедрение инноваций во все сферы экономики, в том числе и традиционную промышленность, повышение научно-технологического уровня, конкурентоспособности сектора АПК и промышленности, общее развитие инноваций в регионе. Из чего можно сделать вывод, что для развития Ленинградской области инновации являются неотъемлемой частью, а государственные органы готовы использовать инструментарий господдержки инновационного развития.

Одним из инструментов развития является строительство плацдарма развития инноваций (в том числе при господдержке): Северо-Западный Нанотехнологический центр является своеобразным драйвером развития инновационной сферы, общий бюджет проекта составляет 1175 млн руб., инвестиционное соглашение о создании центра было подписано 17.10.2012, запущен центр в 2017 г. Общая площадь нанотехнологического центра составляет 17 га, на данной площади запущен бизнес-инкубатор, производственные площади, образовательный центр, лаборатория и площади для высокотехнологичных производств¹.

Таким образом, инновационный потенциал Ленинградской области значительный, однако, рейтинги, представленные в статье, свидетельствуют, что в 2016 и 2017 гг. область значительно снизила темпы развития инновационной среды. Сильными сторонами региона является то, что в регионе достаточный уровень предприятий, готовых и работающих в инновационном секторе. Вместе с тем следует отметить слабый инструментарий господдержки данных предприятий. Для качественного скачка необходимо, как минимум, формирование специального государственного органа или координационного совета для региональной власти, а также создание различных фондов и образований, содействующих инновационному развитию региона. Единственное подобное образование — Совет при Губернаторе Ленинградской области — было расформировано в 2014 г., что повлекло значительное снижение области в рейтинге инновационного развития.

Существенным достижением господдержки в Ленинградской области можно считать внедрение инноваций в сектор АПК, благодаря чему регион стал одним из основных поставщиков сельхозпродукции в Северо-Западный федеральный округ. Результатом господдержки инновационного развития Ленинградской области может стать качественный процесс модернизации всех традиционных секторов экономики региона, дальнейшее развитие кластерной системы, широкое использование географического положения в плане экспортного и транзитного потенциала, а также поддержка самостоятельных проектов и совместных с Санкт-Петербургом предприятий на основе партнерства.

¹ Северо-Западный Нанотехнологический центр. О центре [Электронный ресурс] // Официальный сайт северо-западного нанотехнологического центра. URL: <http://www.rusnano.com/projects/nanocenters/sznc> (дата обращения: 16.01.2018).

Литература

1. Белякова Г. Я. Инструменты оценки инновационного развития региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-10. С. 2190–2193.
2. Малова Т. А. Индикаторы инновационного развития Российского нефтегазового сектора в условиях глобальной конкуренции // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 2. С. 72–78.
3. Мяснянкина О. В. Определяющая роль промышленной политики в развитии регионов // Инновационный вестник регионов. 2008. № 1. С. 12–16.
4. Пиканов М. И. Формирование стратегии инновационного развития региона // Экономические науки. 2011. № 77. С. 58–62.

Об авторе:

Григорьева Ксения Дмитриевна, Государственный таможенный инспектор Отдела таможенного оформления и таможенного контроля Северо-Западного таможенного управления. Пулковский таможенный пост (Санкт-Петербург, Российская Федерация); pupa-2009@mail.ru

References:

1. Belyakova G.Ya. Tools of assessment of innovative development of the region // Basic researches [Fundamental'nye issledovaniya]. 2015. N 2–10. P. 2190–2193. (In rus)
2. Malova T.A. Indicators of innovative development of the Russian oil and gas sector in the conditions of the global competition // Economy. Taxes. Law [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2014. N 2. P. 72–78. (In rus)
3. Myasnyankina O.V. The defining role of industrial policy in development of regions // Innovative bulletin of regions [Innovatsionnyi vestnik regionov]. 2008. N 1. P. 12–16. (In rus)
4. Pikanov M.I. Formation of strategy of innovative development of the region // Economic sciences [Ekonomicheskie nauki]. 2011. N 77. P. 58–62. (In rus)

About the author:

Ksenia D. Grigorieva, State customs inspector of Department of customs registration and customs control of the North Western Customs Directorate. Pulkovo customs Point (St. Petersburg, Russian Federation); pupa-2009@mail.ru

Глобальное управление в деятельности ООН как механизм реализации концепции устойчивого развития

Коткова К. Б.¹, Пронякина Е. Д.^{1*}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *eventyr23@gmail.com

РЕФЕРАТ

В условиях глобализации политика экономического развития приобретает особую значимость в деятельности международных организаций. Сложность возникающих проблем вынуждает ООН искать новые способы их разрешения. Один из таких способов — попытка реализовать модель глобального управления в рамках политики устойчивого развития. В статье анализируется эволюция механизмов осуществления политики развития и алгоритмов взаимодействия различных акторов международных отношений под эгидой ООН.

Ключевые слова: глобальное управление, глобализация, стратегии регионального развития, социоэкономическое развитие, устойчивое развитие, Организация Объединенных Наций

Global Governance in the UN Activities as a Mechanism of Sustainable Development Concept Implementation

Kotkova K. B.^a, Pronyakina E. D.^{a*}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *eventyr23@gmail.com

ABSTRACT

Under the conditions of globalization the economic development policy gains a crucial importance in the activities of international organizations. The complexity of problems that are emerging forces the UN to look for solutions. One of the ways to do it is an attempt to implement a global management model in the framework of sustainable development policy. The article reviews the evolution of development policy mechanisms and algorithms of interaction between various actors of international relations under the auspices of the United Nations.

Keywords: global governance, globalisation, regional developmental strategies, socioeconomic development, sustainable development, the United Nations

С момента своего создания ООН представлялась современникам не только как универсальный институт по предотвращению и урегулированию международных конфликтов, но также и как оптимальная модель сотрудничества стран по решению социальных и экономических проблем послевоенного и постколониального мира. Однако за более чем 70 лет существования организации изменились характер протекания международных конфликтов и содержание миротворческих миссий ООН, что привело к постепенному стиранию границ между этими двумя направлениями деятельности универсальной организации. Сегодня основной акцент делается на предотвращение конфликтов; большое внимание в рамках деятельности ООН уделяется невоенным (прежде всего, социально-экономическим) аспектам международной безопасности.

Статистика свидетельствует о том, что конфликты чаще вспыхивают в развивающихся или экономически отсталых странах¹. В условиях глобализации плохая ситуация в этих государствах, в свою очередь, негативно влияет и на развитые страны, создавая неконтролируемые миграционные потоки, межкультурные противоречия и, как следствие, способствуя росту политического экстремизма в мире. В связи с этим гуманитарное направление деятельности ООН по-прежнему остается одним из наиболее актуальных и востребованных для универсальной организации.

Сама структура обеспечения социально-экономического развития претерпела существенные изменения с течением времени. Первые десятилетия существования ООН ознаменовались созданием специализированных учреждений и установлением норм и договоренностей на национальном, региональном и глобальном уровнях международных отношений. Социально-экономическая деятельность ООН на заре существования организации характеризовалась преобладанием межгосударственного сотрудничества над глобальным: более развитые и благополучные страны вносили вклад в развитие своих бывших колоний. Однако уже с середины 1970-х годов в рамках структуры ООН начинают развиваться принципиально новые формы международного сотрудничества. Их появление связано, прежде всего, с процессом деколонизации, приведшим к появлению новых акторов международных отношений и, некоторое время спустя, к резкому повышению доли развивающихся стран в мировой экономике.

Сотрудничество формата «национальное государство/экономика + национальное государство/экономика» начинает видоизменяться, уступая место подобию сетевой модели, в рамках которой ответственность за состояние национальных экономик распределяется между национальными правительствами, региональными и специализированными международными организациями. Глобализация международного экономического пространства, возникновение ВТО и переговоры по тарифным и нетарифным ограничениям показали, что приведение интересов разных стран к одному глобальному знаменателю в некоторых случаях в принципе невозможно, а в других занимает неоправданно много времени.

Изменения коснулись не только численности акторов международных отношений, но и самой природы акторности. В условиях глобализации негосударственные акторы становятся равноправными участниками политического процесса. Если раньше ООН служила площадкой для выражения интересов национальных государств, то теперь она самим фактом своего существования закладывала основу для диалога с различными группами, движениями, фондами («коалиции за перемены», как они названы в докладе «Мы, народы. Роль ООН в 21 веке»)².

Сегодня ООН реализует целый ряд программ и проектов, в которые, наравне с национальными государствами и региональными организациями, вовлечены неправительственные организации и даже просто группы инициативных граждан из разных стран мира. Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН были созданы: база данных некоммерческих организаций и институтов гражданского общества разных стран, аффилированных с ООН (в частности, с Департаментом и ЭКОСОС) — iCSO, и Интернет-платформа для коммуникации между ними (SCONet)³. При помощи этой системы некоммерческие организации из разных стран могут не

¹ Статистика политических конфликтов XX — начала XXI века по данным Гейдельбергского института [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warconflict.ru/rus/nowwars/?action=shwprd&id=1593> (дата обращения: 18.10.2017).

² Доклад Генерального секретаря «Мы, народы. Роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» A/54/2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/389/00/IMG/N0038900.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.10.2017).

³ United Nations Civil Society Participation (iCSO) [Электронный ресурс]. URL: <http://esango.un.org/civilsociety/login.do> (дата обращения: 14.11.2017).

только получать информацию о проектах ООН и участвовать в их реализации, но и взаимодействовать друг с другом, как через универсальную организацию, так и самостоятельно, реализуя на практике модель сетевого управления.

Такое «разноуровневое» взаимодействие не только способствует наиболее эффективной артикуляции интересов и представленности заинтересованных групп на национальном и региональном уровнях, но и существенно уменьшает финансовые затраты на проведение политики развития, перекладывая часть расходов с бюджета ООН на гражданские общества и частный сектор стран-членов. Так, например, на сайте ООН Хабитат написано, что «программа ООН по содействию устойчивому развитию населенных пунктов преимущественно финансируется за счет добровольных пожертвований, производимых правительственными и межправительственными донорами. Другие партнеры, как например, органы местной власти, частный сектор, а также иные органы системы ООН и многосторонние организации выделяют средства под конкретные программы. Из-за того, что объем основных ресурсов системы ООН очень ограничен, мы зависим в основном от донорских взносов»¹.

Впрочем, 70% финансирования программы идет именно на реализацию национальных программ по регулированию урбанизации и улучшению жилищных условий населения в развивающихся странах². Таким образом, можно сказать, что государства решают проблемы «за свой счет», при поддержке более экономически благополучных партнеров, а ООН выступает в качестве эффективного менеджера, перераспределяя финансовые потоки и направляя средства туда, где они наиболее востребованы.

Новая модель политики развития, предложенная ООН, направлена одновременно на достижение экономического роста и социального баланса между различными группами населения — как внутри национальных государств, так и в рамках развивающихся регионов мира. Акцент, таким образом, постепенно смещается с экономического развития (уровень которого фиксируется такими показателями, как рост ВВП на душу населения или покупательной способности населения) на развитие социальное, вернее, социально-экономическое.

В отличие от экономических показателей, уровень социального благополучия с трудом поддается измерению. Несмотря на огромное разнообразие индексов развития человеческого капитала, потенциала и благополучия, используемых сегодня ООН (как разработанных Статистической комиссией самостоятельно, так и позаимствованных у научно-исследовательских центров и институтов), организации так и не удалось выработать оптимальную шкалу оценки данного показателя. В 90-е годы XX в. ООН постепенно отказывается от использования «экономических» индексов для оценки уровня социально-экономического развития в пользу так называемых «гуманитарных» индексов, наиболее известным из которых сегодня является ИРЧП, предложенный в рамках Программы развития ООН [2, с. 49].

Однако и здесь попытка ранжировать страны по уровню грамотности, социального благополучия и наличия возможности свободного развития для отдельного человека оказалась лишь относительно успешной. Индексы применимы для оценки «усредненных» значений и потому не отражают в полной мере реального положения дел, не дают никакой существенной информации об условиях жизни обычных людей.

Сегодня уже очевиден тот факт, что эффективное решение социальных проблем возможно только при условии адресности помощи. Еще в 70-х годах XX в. Гуннар

¹ Open UN Habitat | For a better urban future [Электронный ресурс]. URL: <http://open.unhabitat.org/> (дата обращения: 8.12.2017).

² Donor Relations: UN Habitat [Электронный ресурс]. URL: <https://unhabitat.org/donor-relations/> (дата обращения: 8.12.2017).

Мюрдаль, шведский экономист и лауреат Нобелевской премии по экономике 1974, говоря о развитии стран «Юга» констатировал: «В конечном счете развитие — это «проблемы индивида» [1, с. 202]. Выражаясь проще, не существует никаких абстрактных категорий нищеты или неблагополучия: проблема бедности — это всегда проблема конкретной группы бедных людей в конкретном регионе или стране. Причем, в зависимости от страны или региона, будут меняться и возможные способы решения данной проблемы.

Осознание масштаба и многогранности проблемы социально-экономического развития человечества послужило толчком для формирования концепции «устойчивого развития» в конце 80-х годов XX в. Данный термин соединил в себе социальную, экономическую и экологическую проблематику, позволив, тем самым, объединить усилия ученых, бизнесменов и экспертов из разных областей и мобилизовать их потенциал для решения конкретных проблем в разных регионах и странах.

В рамках устойчивого развития, согласно «Повестке дня на XXI век», положительная динамика развития стран должна осуществляться путем рационального использования ресурсов с учетом потребностей будущих поколений. В рамках Декларации тысячелетия, принятой в сентябре 2000 г. на Саммите тысячелетия ООН, договоренности должны были выражаться в привязанных к конкретным срокам и поддающихся оценке целям и показателям в области борьбы с нищетой, голодом, болезнями, неграмотностью, ухудшением состояния окружающей среды и дискриминацией в отношении женщин.

Таким образом, на этом этапе ООН выполнила свою функцию глобального института за счет оформления целей и направлений развития мирового сообщества в контексте глобализации. Главной рекомендацией Проекта тысячелетия является то, что Цели развития тысячелетия должны быть в центре национальных и международных стратегий развития. Иными словами, ООН устанавливает некую систему «общечеловеческих» стандартов, которые должны приниматься и реализовываться всеми суверенными игроками международных отношений. В то же время ведущая роль в этом процессе традиционно принадлежит национальным правительствам, региональным комиссиям и специализированным учреждениям ООН, которые регулируют вопросы социального развития на национальном, региональном и глобальном уровне, соответственно.

Для достижения этой цели группа ООН по вопросам развития организовала систему национальных и тематических консультаций, названную «Миллион голосов: мир, которого мы хотим — реализация повестки дня на период после 2015 г.: возможности на национальном и местном уровне»¹. В рамках новой стратегии помимо трех уже упомянутых выше уровней сотрудничества (глобального, регионального и национального) выделяется еще и тематический.

На этом уровне сотрудничество между национальными государствами, региональными организациями, международными институтами и учреждениями ООН осуществляется по конкретным «проблемным» направлениям — например, по борьбе с нищетой или безграмотностью. В разработке данной программы активное участие, помимо национальных государств, приняли местные общины, бизнес-среда, неправительственные организации, региональные группы.

Развитие мировой экономики, с точки зрения ООН, невозможно без развития человеческого потенциала и искоренения социально-экономических проблем, тормозящих это развитие. Именно этим видением обусловлено создание отдельных

¹ A Million Voices: The World We Want. A Sustainable future with dignity for all [Электронный ресурс]. URL: <https://undg.org/wp-content/uploads/2016/12/The-World-we-Want.pdf> (дата обращения: 19.12.2017).

функциональных структур ООН, в деятельности которых поддерживается такая национальная политика стран-участниц, которая учитывает социальное распределение результатов этой политики и нацелена на устранение факторов, влияющих на социальную дифференциацию.

Попытка успешно реализовать цели устойчивого развития в разных странах постепенно приводит к возникновению и усилению субрегионального уровня деятельности ООН. Субрегиональные платформы были созданы как механизм сотрудничества, способствующий пониманию особенностей развития отдельных территорий для более эффективной реализации программ на всех уровнях. Ярким примером такой региональной платформы сотрудничества в рамках модели глобального управления ООН может послужить международная Маврикийская стратегия устойчивого развития малых островных государств¹.

Практическое измерение описанных в ней рекомендаций можно обнаружить и в деятельности Тихоокеанской субрегиональной платформы. В субрегиональное бюро для стран Тихого океана входит Фиджи, Кирибати, Маршалловы Острова, Микронезия (Федеративные Штаты), Науру, Палау, Папуа-Новая Гвинея, Самоа, Соломоновы Острова, Тонга, Тувалу и Вануату; также Американское Самоа, Острова Кука, Французская Полинезия, Гуам, Новая Каледония, Ниуэ и Северные Марианские острова в качестве ассоциированных членов. Миссия субрегионального офиса — поддержка тихоокеанских островных развивающихся стран в их усилиях по достижению своих целей в области развития.

Модель роста за счет экспорта и притока иностранного капитала рассматривается в рамках концепции как неподходящая для данного субрегиона. Действительно, на уровне малых островных государств существуют глубинные социально-экономические структурные искажения. В первую очередь это касается человеческого потенциала. В стратегии делается ставка на искоренение бедности как главного источника торможения развития, итогом видится выход островных стран из категории наименее развитых. Основное привлечение донорских инвестиций должно осуществляться в сферы адаптации к изменениям климата, развития гендерного равенства, избавления от продовольственной уязвимости.

От самих государств (точнее, от национальных правительств и правительственных организаций) традиционно требуется привлечение молодежи и властей всех уровней к разрешению проблем развития. Таким образом, здесь можно говорить о партнерстве между национальным государством и учреждениями ООН в рамках реализации стратегии устойчивого развития на региональном уровне.

Несмотря на то что островные государства все еще далеки от идеала экономического развития, определенные достижения в субрегионе заметны уже сегодня. Например, Тихоокеанский регион имеет наиболее высокий рейтинг доступа к Интернету из всех субрегионов АТР, что в будущем открывает широкие возможности для развития образования и сферы высоких технологий.

Помимо этого в 2005 г. ООН был предложен План развития Тихоокеанских государств, который предлагал пуловый подход к консолидации усилий тихоокеанских государств. Пул — это своеобразная форма объединения компаний (как национальных, так и транснациональных) с распределением прибыли по заранее установленным правилам. Пулы предлагалось создать в сфере закупки топлива, авиации, судоходства между малыми островными государствами и в сфере профессионально-технического образования. Позднее появились пулы в сфере услуг, в частности, в сфере туризма.

¹ Draft Mauritius Strategy for Small Island Developing States [Электронный ресурс]. Division for Sustainable Development 2006: A/66/207. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/474/56/PDF/N0647456.pdf?OpenElement> (дата обращения: 16.12.2017).

Например, Южно-Тихоокеанская организация туризма, объединившая 14 стран субрегиона, позволяет малым государствам совместно предоставлять свои услуги на рынках развитых стран, куда они не смогли бы проникнуть по отдельности из-за высокого уровня конкуренции. Поддержка туристической отрасли в развивающихся странах, с точки зрения ООН, является важной составляющей политики устойчивого развития. Для многих государств Азии, Африки и Океании — это возможность в перспективе сформировать сильную национальную экономику, создать рабочие места для населения и, как следствие, поднять уровень жизни.

Осознавая всю важность этой проблемы, ООН с начала 2000-х годов реализует Глобальное партнерство по устойчивому туризму в рамках так называемой 10РП — программы Устойчивого потребления и производства. Особенно интересной представляется схема реализации Программы устойчивого туризма, которая предполагает привлечение к совместной работе широкого круга участников из разных регионов мира: правительственных, международных и неправительственных организаций; коммерческих и некоммерческих игроков частного сектора; образовательных и экспертных организаций, а также СМИ и сетевых объединений¹.

Такая структура, на первый взгляд, кажется громоздкой, однако она вполне соответствует духу времени и тем задачам, которые ставит перед экономически и социально уязвимыми государствами глобализация.

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня политика развития ООН осуществляется одновременно на трех уровнях: национальном (уровень межгосударственного сотрудничества), региональном (деятельность региональных комиссий, фондов и банков развития) и глобальном (деятельность специализированных учреждений ООН, институтов «семьи» ООН). Однако постоянно усложняющаяся социально-экономическая и политическая ситуация в мире вынуждают Организацию искать альтернативные механизмы осуществления гуманитарной деятельности, привлекая новых, «нетипичных» международных акторов (таких, как например, общественные и гуманитарные организации, добровольные объединения граждан нескольких государств и т. д.), создавая гибкую сетевую модель глобального управления.

Очевидным преимуществом такого подхода является претворение в жизнь принципа субсидиарности и быстрота реагирования на новые вызовы в различных регионах мира. Молодые, быстро развивающиеся государства в рамках такой модели получают большую свободу действий, однако, вместе с тем, на них ложится и большая ответственность за собственное будущее.

При внедрении модели глобального сетевого управления в мировую политику не следует также забывать, что «политические убеждения, вероятно, проявятся в условиях совершенствования институционных мандатов межправительственных организаций, так же, как и проведения реформ, касающихся должного уровня присутствия пока еще недостаточно представленных государств-членов. Также поводом для разногласий может стать взаимодействие с неформальными органами по принятию решений, такими как Группа 20, в то же время существует потребность в развитии предсказуемого и согласованного взаимодействия с Группой 20 и другими существующими международными региональными организациями с более широкой координацией целей мероприятий в целях поддержки программ развития. Следовательно, чтобы справиться с этой проблемой, управленческие задачи долж-

¹ Программа устойчивого туризма в составе 10-летней рамочной программы Устойчивого потребления и производства. С. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/docpdf/brochure10yfpstprus17oct2016.pdf> (дата обращения: 10.12.2017).

ны быть по возможности конкретными, в то же время должны быть условия для политического компромисса и гибкости»¹.

Избежать возможной «политизации» социально-экономической деятельности ООН позволит реформирование системы международного права в гуманитарной сфере. Прежде всего, необходимо четко определить правовой статус, права, полномочия и границы ответственности новых игроков международных отношений — некоммерческих организаций, фондов, инициативных групп. Возможно, внедрение нового подхода позволит ООН в полной мере реализовать свою главную цель — обеспечение стабильного и процветающего миропорядка, ведь, несмотря на шквал критики в адрес организации, ей уже удалось достичь существенных результатов на этом поприще.

Литература

1. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.
2. *Талалушкина Ю. Н.* Опыт ООН в исследовании качества жизни населения // Экономический журнал. 2013. Т. 31. № 3. С. 46–53.
3. *Critical issues in Asian development: Theories, experiences a. policies* // Ed. by M. G. Quibria. Oxford university press for the Asian development bank, 1995.
4. *Thomas K. D.* Handbook of research on sustainable development and economics. Hershey, PA: Business science ref. 2015.
5. *Jenks C.* United Nations Peace Operations: Creating Peace for Peace // U. S. Military Operations: Law, Policy, and Practice / ed. by Geoffrey S. Corn, Rachel E. Van Landingham, Shane R. Reeves, Stanley A. McChrystal. Oxford University Press, 2016.

Об авторах:

Коткова Ксения Борисовна, магистрант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kotkovaksenia@gmail.com

Пронякина Елизавета Дмитриевна, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; eventyr23@gmail.com

References

1. *Myrdal G.* Contemporary problems of the Third World. M., 1972. (In rus)
2. *Talalushkina Yu. N.* The UN experience in the study of the quality of life of the population // Economic Journal [Ekonomicheskii zhurnal]. 2013. Vol. 31. N 3. P. 46–53. (In rus)
3. *Critical issues in Asian development: Theories, experiences a. policies* // Ed. by M. G. Quibria. Oxford university press for the Asian development bank, 1995.
4. *Thomas K. D.* Handbook of research on sustainable development and economics. Hershey, PA: Business science ref. 2015.
5. *Jenks C.* United Nations Peace Operations: Creating Peace for Peace // U. S. Military Operations: Law, Policy, and Practice / Ed. by Geoffrey S. Corn, Rachel E. VanLandingham, Shane R. Reeves, Stanley A. McChrystal. Oxford University Press, 2016.

About the authors:

Ksenia B. Kotkova, Master's student of the Chair of International Relations of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); kotkovaksenia@gmail.com

Elizaveta D. Pronyakina, Associate Professor of the Chair of International Relations of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in political science; eventyr23@gmail.com

¹ Global governance and governance of the global commons in the global partnership for development beyond 2015. Thematic think Piece OHCHR, OHRLLS, UNDESA, UNEP, UNFPA. January 2013. 11 p. P. 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/24ThinkpieceGlobalGovernance> (дата обращения: 5.12.2017) (перевод авторов).

Is it Possible to Successfully Combat Corruption by Scanning Old Rosaries?¹

Tsatsulin A. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to the International Day against Corruption, which is celebrated annually on December 9. Corruption as a complex socio-economic phenomenon is generated by a variety of reasons, most of which have already been identified and subjected to comprehensive analysis. But in Russia, corruption has become monstrous, extremely corrupt local, regional and federal officials mock openly over helpless legislation, the consequences of which are seen in the flight of capital from the country, and in the recession / stagnation of the national economy, and in the tragic events of recent times. In the end, corruption undermines the basis for the economic security of the Russian state and undermines the emerging clusters of the national idea. The author of the material continues to understand the causes of corruption and considers the vital issues of this so far insufficiently successful struggle and inefficient counteraction to corruption phenomena that are found in various areas of life and not only our society but also many other countries. The author also tries to find out how corruption is interpreted in the views of the main world religions — Christianity (partly), Islam and national religion — Judaism. The article gives historical reminiscences and authorial comments on the text fragments of the main written sources of these religions. Judgments about the origins, roots and main causes, of course, of an immoral, harmful and destructive phenomenon — corruption, which deeply impressed the national economies of many developed and most developing countries of the planet, are being voiced. The author cites episodes of corruption from the Scriptures of the world religions, gives his own, sometimes controversial or controversial interpretation. At the end of the article, the author expresses his opinion on measures to combat corruption in the form of three independent conclusions. The author's attempt to express his attitude to the accumulated experience of the sacred struggle against corruption, which is very contradictory in its quality, boils down to the following: instead of solving a concrete, fixed and described problem, it is attempted to reformulate and belittle its danger through sophisticated connotations.

Keywords: corruption, bribery, embezzlement of budgetary funds, money laundering, world religions, apostles, prophets, saints, shepherds, corruptionism, confessions

Можно ли успешно бороться с коррупцией, перебирая старые четки?

Цацулин А. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена Международному дню борьбы с коррупцией, который отмечается ежегодно 9 декабря. Коррупция как сложное социально-экономическое явление порождается множеством причин, большинство которых уже выявлено и подверглось всестороннему анализу. Но в России коррупция приобрела чудовищные масштабы, предельно коррумпированные чиновники местного, регионального и федерального уровней глумятся открыто над беспомощным законодательством, последствия чего просматриваются и в бегстве капиталов из страны, и в рецессии/стагнации нацио-

¹ Continuation of the article; start see in N 3 2018 of our magazine.

нальной экономики, и в трагических событиях последнего времени. В конце концов, коррупция подрывает основы экономической безопасности российской державы и подтачивает намечающиеся скрепы национальной идеи. Автор материала продолжает разбираться в причинах коррупции и рассматривает жизненно важные вопросы этой пока недостаточно успешной борьбы и неэффективного противодействия коррупционным явлениям, которые обнаруживаются в различных областях жизни и не только нашего общества, но и многих других стран. Автор пытается также выяснить, как коррупция трактуется в воззрениях основных мировых религий — христианства (частично), ислама и национальной религии — иудаизма. В статье даются исторические реминисценции и авторские комментарии к текстовым фрагментам главных письменных источников названных религий. Высказываются суждения об истоках, корнях и главных причинах, безусловно, аморального, вредоносного и разрушительного явления — коррупции, которое глубоко поразило национальные экономики многих развитых и большинства развивающихся стран планеты. Автор приводит эпизоды коррупции из Священных писаний мировых религий, дает свое, подчас спорное или дискуссионное толкование. В завершение статьи автор высказывает свое мнение о мерах борьбы с коррупцией в виде трех самостоятельных выводов. Попытка же автора выразить свое отношение к накопленному отечественному, весьма противоречивого по своему качеству, опыту священной борьбы с коррупцией сводится к следующему: вместо решения конкретной, зафиксированной и описанной проблемы, ее пытаются переформулировать и принизить ее опасность с помощью изощренных коннотаций.

Ключевые слова: коррупция, взятки, хищение бюджетных средств, отмыwanie коррупционных доходов, мировые религии, апостолы, пророки, святые, пастыри, коррупционность, конфессии

Religious roots of counteraction to corruption

Judaism. But how is the Jewish religion, the oldest religion, related to the problem of corruption? The Jewish bible is The Talmud and The Torah, and the ten Mosaic commandments have become the foundations of other, younger and dynamically developing world religions. In addition to the commandments, Christianity and Islam borrowed many of the moral principles of Judaism from the Torah (the Pentateuch of Moses), for example, “do not hurt others”. In Judaism, homosexuality and bestiality are still forbidden, even if they do no harm to the rest of the people who are not involved in these processes. Intuitively, without special analysis of details it is clear that such a ban is justified in many respects.

The fact is that, being detached from the rest of the moral requirements, the principle of “do no wrong” is at the core of idolatry. Your relationship with the idol does not concern anyone. The main thing is that you do not cross the boundaries of someone else’s personal autonomy; then everything will be fine. But for some reason, sooner or later all idolatrous systems fall apart, causing untold suffering to people. The history simply does not know other examples [5].

Require legislators to introduce laws against brutality does not make sense. There are always many ways to offend a person. And the very system of legislation does not eradicate indifference, rudeness, impudence, etc., but is occupied with a completely different matter: the laws are on the protection of order, i.e. are directed against bad deeds, and do not initiate the good deeds of citizens. Maybe, therefore, there is a general decline in morals. Morality degrades even in the showcase of legitimacy — in the US.

The American legal system is trying to strengthen every year, and morality, on the contrary, is falling. But since the system of legality is inextricably linked with the moral climate of the country, the force of legality also goes down. For there is no such event, that the corrosion of morality and ethics does not affect those, who stand on the protection of order and moral standards. Judges, who judge people for bribes, then them-

selves, start feverishly taking bribes. The police and other law enforcement agencies, fighting crime, themselves acquire recognizable criminal traits and coloring.

Thus, the consciousness of *personal gain* underscores all the advantages of the possible drawing up of a *social contract*¹. It is for this reason that in all countries without exception the level of serious offenses is growing from year to year. Studying the dynamics of this process, it is theoretically possible to forecast for some societies the date when all their citizens will move to more or less permanent residence in prison cells and camps. If of course exclude sincerely religious people as well as those, who are principally honest initially and / or *a priori*.

The level of perception of the Jews, received and prescribed on the sacred mountain of Sinai, is defined as the level of *The Written Torah*, which was really offered to the Almighty by all the nations in the form of the Protected Tablets (through the mediation of the brothers — Moses and Aaron). In the Torah, adopted for various reasons by Jews alone more than 3,3 thousand years ago, 613 moral principles, attitudes and ideas were found: do not kill, do not steal, do not perjure, do not offend, do not put a stone in front of the blind and so on.

All settings, the so-called “shelters” are direct instructions — what to do and what can’t be done in any case. Direct instructions “do” are necessary to ensure that a person in this world was well. Prohibitions “do not do” are necessary so that it is not bad there. However, not all the human pain that is inflicted on each other is subject to the Law. But in the Commandments is also prescribed the institution of curses, which can be subjected to those, for example, “who wrongly judges an alien, an orphan and a widow”, “who takes bribes to kill a soul and shed innocent blood”, etc.

In general, Judaism refers to Christianity as its “derivative”, “subsidiary religion”, designed to carry the basic elements of the system of Judaism views to the peoples of the world. The leadership of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church tries to emphasize the cultural and religious community with the Jews. Many elements of Christianity are directly borrowed from Judaism:

- So, the church ritual (i. e. the gathering of believers for prayer, reading the Scriptures and preaching) is borrowed from the schemes of synagogue worship;
- Some Christian prayers are essentially the processing of Jewish originals, for example, “Our Father” (Kaddish);
- Prayer formulas have a Jewish origin — Amen (Amen), Alleluia (Galilia), Hosanna (Hoshana);
- Some Christian rites are converted from Jewish, for example, the sacrament of baptism (circumcision and mikve);
- the main sacred book of the Jews of The Tanah (Tanah — the Jewish Bible) Christians consider as their sacred book, they call it the Old Testament, and adding the text with the New Testament, composed their Bible²;
- Yahweh is the name of the God of the Bible. But since to use the name of God is forbidden, in Judaism the name Hashem, Adonai, Elohim³, etc., is accepted, and in Christianity the Lord, i. e. Lord, Creator (Creator — Catholic), Creator, Jehovah, etc. But let’s go back to the Covenants. If a Jew at the service of the state / people does

¹ Currently, the main problems, identified in the relationship between the state authorities and civil society, are analyzed by the Public Chamber, which has been the highest official representative of civil society in Russia for 13 years. It was at the Public Chamber, at its creation, that hopes were laid for assistance in the fight against corruption and in strengthening the interethnic peace through the preparation of an annual report on the effectiveness of anti-corruption work.

² Tanah [Electronic resource]. URL: <http://www.moshiach.ru/sait/projets/5074.html/> (date of the address: 26.12.2017). (In rus)

³ Biblical names are given in the mass reading of the Holy Scripture in Sephardic pronunciation [2, p. 274]. Judaism recognizes in the Holy Scriptures 39 books of the Old Testament.

“badly” to his neighbor, for his own selfish reasons, causes harm to his neighbor consciously, is seen in his deceit, overcomes and violates the prohibitions, then for the sinful souls of corrupt officials who have transgressed the law, the Talmud paints the flours of hell in advance and colorfully *Gehenna fiery* (Ereb., 19) [2, p. 531–532]. Especially frightening scenes with a detailed description of intolerable physical suffering are foreseen for dishonest judges and corrupt secretaries who have sinned for certain in the field. In this sense, the gloomy installations of the triptych H. Bosch, more precisely his right wing “Musical Hell”, in comparison with the real, chilling soul of infernal agony from the Talmud, illustrate only comics for readers with an age mark of 12⁺.

Christianity / Orthodoxy. The last 27 years of economic and political freedoms have once again become a test for the Russian people. The bureaucratic system of governing the country that developed during the Bolshevik years of hard labor in the next 74 years has been steadily producing a noticeable corruption component that, in the post-Soviet period, towards the end of the second decade of the 21st century has become the dominant mechanism of the state machine of public administration and the quasi-market mode of conducting economic operations. Particularly critical was the public attitude towards federal, regional, local, including national, elites, who today have formed around themselves vicious economic clans, often associated with organized crime, possessed by a greed for profit and demonstratively reveling in their impunity.

State and municipal service, and even the system of local self-government, today in the eyes of the public almost always act as a marker of dishonesty, money-grubbing, extremely close integration with shadow markets, money laundering, near and far offshore policies, accelerated export of capital, etc. Popular for all kinds of analyzes in the media and in the studies of relevant narrow specialists, a kind of corruption triad has become: “cutting, skidding, rolling back”. Drawing on the historical parallels that naturally arise here, it is interesting to recall the tremendous quantitative growth of the bureaucratic apparatus in the Roman Empire in the late periods of its existence, when Christianity began to leave the catacombs and acquire decisive influence.

This rampant growth led, after all, to the fact that state offices in Rome were viewed as part of a personal property that can be exploited. It is no coincidence, as a historically parallel place, in the draft Code of Ethics and Service Behavior of a Ministry of Internal Affairs worker approved by the former minister of this department, R. G. Nurgaliev (2004–2012), a bribe was delicately termed an administrative-status rent. True, the Roman emperor Octavian Augustus tried to counteract this trend and distributed to voters their personal funds so that they already did not demand anything from candidates for public office, but to no avail. The devastating effect of corruption was one of the main causes of the collapse of ancient Rome.

Deprived of the inner Christian truth, such an internal state policy, as a rule, leads to the spiritual, and then to the social impoverishment and necrosis of society. As the great Russian prelate Tikhon Zadonsky (1724–1783) wrote, “... where there is no spiritual life, there is spiritual death, just as where there is no bodily life, there is bodily death. After the death of the spiritual follows eternal death, if the soul does not rise with true repentance” [3].

The first known fact of corruption was the act of the Christian Apostle Judas Iscariot, who betrayed (or simply sold out, or committed a corruption act) for 30 pieces of silver of his teacher Jesus Christ (Matthew 27: 4). Although the history of this issue today is far from obvious, and the received “bloody” money was very small. On them in New Testament times it was possible to acquire only a small piece of land of doubtful quality (about one hectare) in a mountainous area near ancient Jerusalem.

The author of this article has made refining currency calculations for exchange rate ratios for different periods of time and epochs, arguing the above considerations: 30 pieces of silver (initial base) = 120 silver Roman denarii = 30 tetradrahm =

120 drachmas (in exchange for the time of currency exchange — the Tyrian stator $\approx$ Jerusalem Sicle (Judea — Southern Kingdom) $\approx$ Shekel of Israel (Northern Kingdom) = 400 sesterces = 4.8 gold aureus = 1,200 Assam = \$ 5,000 [7]. By the way, the tax system of ancient Israel was the most thoughtful, sophisticated and orderly better organized, than in most of the Roman metropolis. A shekels carried out in the capital all taxes; it is this currency was the goal of most foreign exchange operations near the portico of the temple, which, incidentally, strictly regulated and controlled by the Sanhedrin.

Note that the proper physical form was needed by the first Christian clerics (so to speak, volunteers of the first convocation) when catching “humans.” So, almost all the apostles of Jesus Christ were quite athletic people, moving 50 km a day in search of a new flock and food. Especially distinguished was Judas Ismonio Iscariot — a person who was certainly controversial, but he was the beloved disciple of the Savior, His confidant and conscientious employee, was a reliable treasurer of the first convocation of the Apostles, wore a heavy box with cash, procured all that was necessary for the apostolic ministry. But some witnesses claimed that Judas was stealing official money.

Prior to working with Jesus (apostolic ministry), he was seen as a dagger-zealot, a prominent participant in the liberation struggle against Roman rule in Judea¹. Was the most physically strong of the apostles. Thus, in the throwing of the heaviest stones to a distance, according to the information of the writer L. N. Andreev, the famous strong man, the most powerful of the disciples, the apostle Peter (in Greek, *a stone*), won.

The end of Judah was terrible: whether he betrayed Christ because of his disappointment in his teaching, or the so-called betrayal was initiated by the Savior himself, let the clerical researchers such as Etienne Casset or secular writers who create their works in the spirit of the literary essay of the same L. N. Andreev [1]. In any case, the scrolls of the fifth apocryphal Gospel “From Judas” [4] and the Qumran manuscripts, which could shed light on this intricate story, do not inspire any confidence to professional historians-researchers and orientalists.

But now, let the reader imagine with imagination a flimsy tree (according to different sources — it is birch, aspen, alder and even rowan) at the edge of the abyss, the branch on which the rope loop leans out, stretches directly above the abyss. And there are no stools for you, as out of place will be a comparison with the bathroom B. A. Berezovsky, or, with the sorrowful death of Robbin Williams, or with the former minister of press and ex-head of Gazprommedia M. Yu. Lesin (according to some information, he was a real corruptor)². Here’s how without a unique physical training, even being a strong enough man, you can commit suicide in such unseemly conditions of the ritual? It is difficult to imagine; for such an action, quick assistants are needed.

Another episode from other apocryphal editions also describes acts of a corrupt nature proper. For example, Simon, seeing that “when the hands of the apostles are laid on the Holy Spirit”, brought the apostles money, that is, in essence, a bribe with the request: “Give me this power also,” to which the apostle Peter answered him: “Silver your destruction will bring you, because you thought to receive the gift of God for

¹ The Zealots in Roman Judea were a closed society of terrorists, and for carrying out subversive activities on this imperial outskirts, money was needed, like our time. The Zealots earned their terror, the “roof” of selling sacrificial animals during the Passover feast at the Jerusalem Temple. Whipping the merchants in the Temple of God, the Savior of the world drove out the robbers who turned the House of God into a den, and not in general persons (individual entrepreneurs without registration of a legal entity) who sold goods, works and services accompanying temple rituals.

² The report of the police reveals the circumstances of the death of Mikhail Lesin // Inopressa [Electronic resource]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2105468-echo/> (date of the address: 07.12.2017). (In rus)

money". This is evidenced by the text of the New Testament in the Book of Acts of the Holy Apostles (Acts Ch. 8: 18–24)¹.

Then, during the millennium of the European, already Christian Middle Ages, the notion of "corruption" acquires exclusively church, canonical significance as temptation, seduction, diabolical temptation. Corruption in the interpretation and connotation of Catholic theology is a manifestation of unconditional sinfulness, because, according to the apostle John, "... sin is lawlessness".

Islam. The second most important world religion also strictly prohibits giving and receiving bribes; surahs and ayahs of the canonical version of the Quran — the holy book of Muslims — are unequivocal, in the Muslim tradition these provisions are interpreted. The Qur'an is a collection of utterances made in the name of Allah by the Prophet Muhámmad (Mohammed, or Magomed, or Mohámmad, or Muhámmad) and, according to Islamic dogmatics, this book is the divine guide for humanity, the last Holy Scripture sent down by Allah himself². The texts of The Quran exhort the reader to lead a pure and pious life.

Muslims accept this mercy, adhere to divine guidance, follow His injunctions, obey His commands, avoid His prohibitions and transgress His limitations. Following the Koranic path, according to the adherents of Islam, serves as a guarantee of happiness and prosperity, whereas, on the contrary, distance from it generates the causes of numerous adversities and misfortunes (Surah 4.6: 155 Ayat). The divine leadership educates Muslims in the spirit of righteousness, piety, kindness, sincerity, high morality and honesty.

The Prophet Mohammed uses the story from the Old Testament about the destruction of the cities of Sodom and Gomorrah in order to warn his enemies of sinfulness, licentiousness and bribery and at the same time clarifies: "...Islam is nothing but the renewal of *"The Avramova religion"*, the faith of this true "friend of God"" (Surah 4, 124 Ayat). The prophet expressed in his first speeches an attitude toward those who professed Judaism, from which he borrowed essential elements for his own teaching.

And although the text of the Koran is, according to philologists, steep, its canonical content does not contain any tangible contradictions. So, the Prophet Muhámmad said: "The curse from the Most High will fall on the one who gives a bribe, and on the one who takes it" (Ibn Majah). Another version of this hadith says that the curse will fall on the mediator between them (Ahmad ibn Hanbal). On the prohibition of corruption in the Koran, the following is said: "Do not misappropriate each other's property and do not bribe the judges with this property to deliberately assign a part of the property of {other} people to a sinful path" (Surah 2 al-Bakar, 188 ayat).

Political journalist V. R. Soloviev in his book [6] cites a curious example of the specialization of judges in Russian arbitration courts for specific spatial and territorial players (Yukos, Lukoil, Bashneft, etc.), with the outcome of the trial being tied to the commodity markets overseen by the oligarchs: "And of course, the percentage of victories in these commercial structures was surprisingly high". In the context of the term *zuhd* (the ethical concept of Islam, conceptually close to the philosophy of asceticism, which implies a complete rejection of earthly pleasures and pleasures), the faithful Muslim ascetic is strongly recommended extreme caution in distinguishing what is permitted and forbidden by religious law.

However, with individual provisions of Islam, believers need to scrupulously understand, and not just blindly believe the prevailing connotation of some dogmas. It is important

¹ New Testament. The Book of Acts of the Holy Apostles [Electronic resource]. URL: <http://www.biblioteka3.ru/bib-lioteka/biblija/dejanija/txt08.html> (date of the address: 02.04.2018). (In rus)

² The Quran [Electronic resource]. URL: <http://koran.su/2:188/> (date of the address: 07.12.2017). (In rus)

to determine what is right and where to place the emphasis: strictly ritual execution of religious rites or thoughtful study of the laws of the Scriptures by the law.

Conclusions

1. In conclusion, it should be noted that the main world religions without exception, as well as one of the most interesting Afro-Caribbean religions of limited circulation — *voodoo*, which is an eclectic combination of the creeds of other religions¹, unanimously condemn, among all, the representatives of the judiciary branches of state power, i. e. the corruptness of the judicial body itself — the servants of the law, and then, by rank, representatives of the bureaucratic apparatus of various spheres of government at all levels and territories.
2. The author of the article shares the opinion of specialists who argue that in principle corruption is impossible in the absence of the so-called *discretionary power*, i. e. granting an exclusive right to a particular state body or a certain official to act (inactive) in accordance with his inner conviction, understanding and discretion, but ostensibly within the framework of the law, which he interprets, of course, in his own way. Thus, in this case, we can talk not about the domestic corruption, but about the quality of the bureaucracy and the existence of the last mentioned above corruption “triad”, i. e. simply the existence of a multi-faceted institution of bribes. And a common thesis is not a figure of speech — a bribe-taking official provokes a certain suspicion. Already, almost officially, the annual average bribe size and its dynamics are calculated in Russia. Naturally, the taxation of legalized bribes, as suggested by the charismatic leader of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) at the time, will not improve the situation and will not reduce corruption risks in any way. Or, the ideas discussed, the stimulation through the system of one-time rewards for filing allegations of corruption / conflicts of interest following the example of ancient Rome as the epoch of polytheism (with the pantheon of narrowly specialized gods) and already the Christian period, are very dangerous precisely for our society. But to conduct a proper analysis (in the spirit of accepting *activity comparativistics* [7]), the comparative effectiveness of the “carrot vs gingerbread” method in fighting corruptionism is still to be faced by the Russian Legislator.
3. In connection with the above, it is impossible to destroy corruption as a phenomenon, as long as the possibility of making subjective decisions remains public or official, even deeply religious, and, moreover, in church, bypassing the secular law and / or God’s Law. But the fragmented, sensational and, undoubtedly, significant events of a corrupt nature in the outgoing year, in which it is useless to seek conspiracy marks, are nevertheless united by the will of the old bitch of the “lady-history” (not to be confused with the historical science and the very notorious Englishwoman) who observes one’s own laws.

Russia, while it follows in the wake of its own legislation on fighting corruption, is not in a hurry to implement and join the Council of Europe Convention on Civil Liability for Corruption² for various reasons. Thus, the time lag since the signing of this Convention

¹ Parallels between the confessions of Voodoo and Christianity are so strong that there is no enmity between the two religions, and in many areas they coexist peacefully. Today, the priests of both religions work hand in hand to help bring peace and prosperity to Africa, home to voodoo. Moreover, the pontiff of the Catholic Church Pope John Paul II spoke of the respect with which he treated the practicing voodoo priests, recognizing the “fundamental virtue” inherent in the study and belief of voodoo. Pope even attended the sacred Voodoo ceremony in 1993, helping to cement the good coexistence of these two seemingly opposing religions.

² Convention on Civil Liability for Corruption (ETS № 174) (rus., english) [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901858911/> (date of the address: 25.12.2017).

on January 27, 1999 until its ratification in 2006 turned out to be unusually significant. And in some cases, the Lawmaker even lowers the quality of the normative act, as it happened, according to the appraisal of the author of the article, meeting the interests of elected affiliated structures and supplementing the disputable amendments with Art. 65 FZ-N 44 "Procedure for providing documentation on an electronic auction, clarifying its provisions and making changes to it"¹.

References

1. Andreyev L. N. Judas Iscariot and others. SPb. : Vita Nova, 2009. (In rus)
2. The Jewish encyclopedia: in 16 v. V. 1. SPb. : Brockhaus–Efron publishing house. M. : Publishing Center "Terra", 1991. (In rus)
3. Koledich E. N. "The treasure is spiritual, from the world collected" of Tikhon Zadonsky. Features of poetics. LAP: Lambert Academic Publishing, 2014. (In rus)
4. Panas G. The gospel from Judas: apocryphal story: novel. M. : Rainbow, 1987. (In rus)
5. Svirsky E. freedom and choice: methodical tutorial. P.1. Jerusalem: Publishing house of the University of Spiritual heritage, 1997. (In rus)
6. Solovyev V. R. Empire of corruption. Territory of the Russian national game. M. : Eksmo, 2012. (In rus)
7. Tsatsulin A. N. Economic analysis. SPb. : Piter, 2014. (In rus)

About the author:

Alexander N. Tsatsulin, Professor of the Chair of Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy), Professor; vash_64@mail.ru

Литература

1. Андреев Л. Н. Иуда Искариот и другие. СПб. : Вита Нова, 2009.
2. Еврейская энциклопедия: в 16 т. Т. 1. СПб. : Изд-во Брокгауз–Ефронъ. М. : Издательский Центр «Терра», 1991.
3. Коледич Е. Н. «Сокровище духовное, от мира собираемое» Тихона Задонского. Особенности поэтики. LAP Lambert Academic Publishing, 2014.
4. Панас Г. Евангелие от Иуды: апокриф: роман. М. : Радуга, 1987.
5. Свирский Е. Свобода и выбор: методическое пособие. Ч. 1. Иерусалим : Изд-во Университета Духовного наследия, 1997.
6. Соловьев В. Р. Империя коррупции. Территория русской национальной игры. М. : Эксмо, 2012.
7. Цацулин А. Н. Экономический анализ. СПб. : Питер, 2014.

Об авторе:

Цацулин Александр Николаевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ; vash_64@mail.ru

¹ Federal Law N 44-FZ of 05.04.2013 (as amended on December 29, 2017) "On the contract system in the sphere of procurement of goods, works and services to ensure state and municipal needs" (with amendments and additions that came into force on 01/01/2018) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/573e_8d_1b7bfb3e86383b42db5a387aa3644cb676/ (date of the address: 01/01/2018).

Опыт лингвистического портретирования современного чиновника

Глущенко О. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; oag.kam@mail.ru

РЕФЕРАТ

Проанализированы результаты ассоциативного эксперимента по стимульным наименованиям «чиновник», «мужчина-чиновник» и «женщина-чиновник» в студенческой среде. Описана модель стереотипного образа чиновника и чиновницы на базе имиджевых и репутационных характеристик.

Ключевые слова: семантика, лингвокультурный типаж, стереотип, имидж, репутация

Experience of Linguistic Portraiture of the Modern Official

Glushchenko O. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; oag.kam@mail.ru

ABSTRACT

We analyzed the results of associative experiment the stimulus names "official", "man-servant" and "woman official" in the student's environment bachelors training areas "Journalism" and "Advertising and public relations". The model of the stereotypical image of an official on the basis of image and reputational characteristics.

Keywords: semantics, stereotype, image, reputation

Ориентация на человека, признание ценности речи каждого индивидуума как носителя коллективного языка давно стали характерными чертами современной антропоцентрической лингвистики. Сопряжение интересов культурологии и лингвистики при изучении этнической культуры и языка происходит в сфере лингвокультурологических исследований, одним из активно развивающихся направлений которых стало моделирование лингвокультурных типажей. Лингвокультурным типажом мы называем «типизируемую личность, представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [4, с. 57]. В фокусе современных исследований находятся социально-культурные типажы (британский колониальный служащий, викторианский джентльмен, чиновник, фанат, хакер, рокер и др.), событийные типажы (декабрист, революционер, дуэлянт, звезда Голливуда и др.). Характеристики типажей динамичны и отражают изменения ценностных установок и этических оценок в обществе, транслируемых в системах социальных коммуникаций, в том числе в СМИ.

Чиновник — это активно обсуждаемый типаж, имиджевые и репутационные характеристики его, с одной стороны, формируются стихийно, с другой стороны, являются объектом государственного и личностного целенаправленного регулирования. Стереотип чиновника все время востребован в общественной коммуникации (о чиновнике говорят, его хвалят и критикуют, благодарят или винят представите-

ли всех групп населения), его необходимо исследовать регулярно для прогнозирования общественного мнения и динамики социальных процессов. Лингвокультурный типаж чиновника в XXI в. как объект исследования интересен лингвистам, литературоведам, культурологам [1; 2; 4–15]. В начале XXI в. исследователи отметили, что «в современном российском политическом дискурсе нет персонажа более непривлекательного, чем чиновник» [12, с. 161], при этом до сих пор стабильно нарастает престижность работы чиновника (ср. статистику по конкурсу абитуриентов на управленческие направления подготовки, а также данные о конкурсах претендентов на должности госслужбы). Современный образ чиновника, моделируемый в языке, как мы считаем, неоднозначен и претерпел определенные изменения за последнее десятилетие.

Мы предлагаем свое видение гендерно противоположных стереотипных образов чиновника-женщины и чиновника-мужчины, сформированных совокупностью существенных для современного общества понятийных, образных и оценочных характеристик государственных служащих. Исследование построено на материале записей устной речи студентов факультета социальных технологий Северо-Западного института управления (100 человек) и материале проведенного со студентами лингвистического ассоциативного эксперимента. Выбор группы респондентов не случаен: именно учащаяся молодежь в скором времени волеется в среду активного трудового населения страны, в обозримом будущем будет формировать культурно-ценностные оценки и определять вектор развития российского гражданского общества. Информантам было предложено зафиксировать свои реакции на слова-стимулы *чиновник*, *мужчина-чиновник* и *женщина-чиновник* (получено около 450 ассоциаций), а также написать микротекст о своем представлении о чиновнике-мужчине и чиновнике-женщине. Анализ всей совокупности полученных в результате эксперимента ассоциаций и высказываний позволяет описать глубинные признаки гендерных стереотипных представлений о чиновничестве.

Базовое слово-стимул *чиновник* имеет в современном русском литературном языке два значения: 1. Государственный служащий (чиновник таможен, полицейский чиновник, мелкий чиновник). 2. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ (бездушный чиновник) [3, с. 1480]. При проведении эксперимента мы не разъясняли студентам семантическую структуру слова, чтобы не ограничивать круг ассоциаций конкретным лексико-семантическим вариантом базового слова. В большинстве ответов студенты давали ассоциации только к сегменту первого лексического значения слова, имея в виду не любого государственного служащего, а высокопоставленного чиновника, чиновника-руководителя. Полученные нами оценки и характеристики, как следствие, ориентированы не на всех, а на известных чиновников (руководители высшего звена, политики, высокопоставленные государственные деятели).

Сформированный в процессе анализа материала стереотипный образ чиновника обладает такими понятийными характеристиками, как высокий социальный статус и престижная должность (ассоциации *власть*, *Госдума*, *Дума*, *правительство*, *депутат*, *госдеятель*, *ревизор*, *статус*, *карьера*, *руководство*, *высшее звено*, *высокая должность*, *вышестоящий человек*, *управляющий* и др.). В языковом сознании молодого современника сформирован типаж русского чиновника: оценочно маркированный образ государственного служащего (чаще отрицательный), отличительными признаками которого являются обеспечение функционирования государственного механизма, место на служебной лестнице, формальное и равнодушное отношение к людям, изобилие канцеляризмов в речи, зависимость от семиотичности статусных знаков (одежда, награды, обращения, знаки уважения) [5, с. 51].

Также понятие «чиновник» в восприятии студентов сближается с понятиями «работа» и «бюджет» (ассоциации *работник*, *бюджетник*), что отражает представления

об основе финансирования и позиции в наивной социальной иерархии общества (учащийся — работник — пенсионер).

Образно-оценочные характеристики чиновника позволяют говорить, что деятельность чиновника нередко оценивается как незаконная, противоправная (ассоциации-маркеры незаконной деятельности составляют 19,4% в общем количестве ассоциаций — *коррупция, вор, взятки, казнокрад и др.*). «В русском языковом сознании чиновник получает, как правило, отрицательную оценку из-за коррумпированности, отсутствия здравого смысла в принимаемых решениях, высокого самомнения и готовности к безоговорочному подчинению. Отрицательная оценка чиновника выражает отрицательное отношение людей к власти, несправедливости и казенно-официальному стилю поведения» [5, с. 51]. Сближение понятия «чиновник» с семантической сферой наименований преступного мира фиксируется всеми исследователями лингвистического типажа чиновника в XXI в.

Моделирование внешности чиновника по ассоциациям показывает нам человека полного, средних лет, в строгом костюме темного цвета, в очках и с портфелем — чиновник видится деловым, важным и строгим. Большинство респондентов отмечают высокий социальный статус чиновника и нескрываемое материальное благополучие (ассоциации *деньги, богатый, дорогой автомобиль, яхта, достаток, обеспеченность и др.*). Такая характеристика подтверждает наш вывод о том, что понятие «чиновник» воспринимается респондентами в предельно узком смысле (исключительно чиновник высшего эшелона власти или чиновник-начальник).

Профессиональные качества чиновника чаще оцениваются положительно (*ответственность, целеустремленность, цель и др.*) на фоне отрицательных морально-этических оценок (*ложь, обман, хитрый и др.*). Добавим штрихи к неоднозначной репутации чиновника: это человек, который стремится к своей цели, готов ради нее пренебречь моральными запретами, проводит рабочее время в важной коммуникативной деятельности. Также интересны связанные с прецедентными именами ассоциации, основанные на литературных параллелях стимульного слова («*Шинель*», «*Мертвые души*», *Башмакин, Городничий, Плюшкин*) и параллелей из медийной политической сферы (*Путин и ЛДПР*). Определен временной диапазон для образа чиновника — от героев Гоголя до наших современных политиков.

Обобщим имиджевые характеристики стереотипного образа чиновника: человек средних лет, одет по-деловому, целеустремленный, строгий и ответственный, занимающий высокую государственную должность, как правило, в управленческих структурах государства, а также связанный с политикой. Материальное благополучие чиновника в стереотипных представлениях учащейся молодежи связано с противозаконной деятельностью и создает контрастную благоприятному внешнему имиджу репутацию (*взятки, коррупционные связи*).

Проанализируем ассоциативную сеть слов-стимулов *мужчина-чиновник* (141 ответ) и *женщина-чиновник* (122 ответа). Реакции на гендерно ориентированные стимулы *чиновник-мужчина* и *чиновник-женщина* дополняют стереотипный собирательный образ чиновника в части характеристик внешности и нравственно-этических определений (самые многочисленные тематические ряды ассоциаций). Так, мужчина в должности чиновника видится многим студентам в том же имидже, что и типичный чиновник вообще: строгим и солидным человеком в возрасте (ассоциации *старый, в возрасте, строгий, серьезный, важная персона, важность, солидность, солидный и др.*), лысым и полным (ассоциации *толстый, полный, упитанный, живот, жир, толстый живот, пузатый, толстопуз, лысина, лысый и др.*), одетым по-деловому и имеющим при себе аксессуары делового человека (ассоциации *костюм, костюм синий, костюм деловой, костюм официальный, пиджак, галстук, обувь, очки, часы, портфель, портфель с документами, документы, деловой и др.*). Нередко в ответах представлен и другой типичный имидж: мужчина обладает спор-

тивной фигурой, часто улыбается (ассоциации *статный, улыбка*). Прецедентные имена называют известные медийные личности современной политической жизни — Милонов, Путин.

В микротекстах респондентов мужчина-чиновник также предстает в двух имиджах — либо деловой полный мужчина зрелых лет, либо подтянутый, спортивного телосложения мужчина в расцвете сил, похожий на успешного бизнесмена: *«Когда речь идет о чиновнике-мужчине, сразу представляется образ властного и статного человека. Его возраст около 40 лет. В его взгляде прослеживается равнодушие ко всему. У него ухоженные руки, элегантный костюм, возможно, усы и холодная улыбка. Он завтракает в дорогих ресторанах, вальяжной походкой иногда любит прогуливаться по набережной»*. *«Если говорить о мужчине-чиновнике, то это строгий костюм, дорогой парфюм, умение держать себя на публике. Это статный мужчина, который с легкостью решает проблемы (правда, не всегда хорошо), знает, чего хочет добиться от жизни»*.

В языковом сознании молодежи достаточно оперативно отражается изменение имиджа современного чиновничества. Последние годы в медийной сфере в соответствии с ориентацией на омоложение руководящих кадров активно продвигается типаж молодого и деятельного госслужащего, который придерживается правильного образа жизни и всем своим видом являет здоровье и успешность.

Имидж женщины-чиновника — это седая или светловолосая дама (ассоциации *блондинка, седина*), не подчеркивающая свои женственные формы (ассоциации *худая, подтянутая, сухощавая, спортивная, мужеподобная и др.*), среднего или зрелого возраста (ассоциации *старость, в возрасте, лет 30–40*); ее волосы уложены в красивую и аккуратную прическу (ассоциации *красивая прическа, химическая завивка, стрижка, волосы в хвост*); она, как правило, одета в строгий костюм, пиджак, юбку и блузу (ассоциации *в костюме, строгий костюм, блузка, узкая юбка, юбка-карандаш и др.*) и носит обувь на каблуках (ассоциации *каблуки, туфли, туфли на каблуке*); губы подчеркнуты помадой, на руках маникюр (ассоциации *красная и яркая помада, красный лак и др.*); она окружает себя деловыми аксессуарами красного цвета (ассоциации *красная папка*); носит очки (ассоциация *очки*). Можно сказать, что это элегантная и даже красивая деловая женщина (ассоциации *элегантность, красивая, эффектная*), ее внешний облик оставляет у окружающих впечатление строгости и умеренности во всем (ассоциации *строгая, строгость*). Появление прецедентных имен *Матвеевко, Клинтон* подсказывает, облик каких известных дам-политиков отчасти повлиял на конструирование имиджа современной чиновницы.

Текстовый материал также отражает сближение имиджевых ролей чиновницы и серьезной деловой женщины: *«Когда же речь идет о чиновнике-женщине, то я представляю немолодую женщину, которая воспитывалась в аристократической семье. Ее волосы всегда уложены под симпатичным беретом. Она всегда носит костюм и туфли. Редко улыбается, много читает. Женщина-карьеристка. В руке у нее всегда дамская сумочка, в которой лежат документы, немного выпирающие из нее. Не любит много разговаривать, прикрывая равнодушие за холодным взглядом»*.

По особенностям поведения и морально-этическим установкам собирательный образ мужчины-чиновника характеризуется такими отрицательными чертами, как лицемерность, двуличность (ассоциации *нечестный, лжец, хитрость, хитрый, обманщик, лицемер, подлиза и др.*), презрение общественной морали и этики межличностных отношений (ассоциации *самодур, эгоист, грубый, наглый, высокомерие, завышенное чувство собственной важности, злой, жадный, ленивый, плохо и др.*). Положительных характеристик в этом ряду меньше: *холодный ум, мозг, понимающий, ответственный*, что свидетельствует в целом об отрицательной репутации чиновника-мужчины.

Развернутые описания, напротив, содержат много положительных характеристик чиновника: *«Он очень целеустремленный, у него много идей. Он умен». «Если он очень хорошо относится к своей работе, то ему и доверяют очень важные дела». «Мужчина-чиновник очень умный. Он всегда знает ответ на любой вопрос и готов выйти из любой ситуации». «В моем понимании мужчина-чиновник — это твердый и решительный человек, который всегда стремится превзойти других и самого себя. Он профессионал своего дела, готовый отстаивать свои позиции любым способом».* Такой контраст характеристик в одной и той же группе респондентов, с нашей точки зрения, можно объяснить стремлением к идеализации чиновника, когда у респондентов была возможность продумать ответ для связного текста.

Нравственный облик чиновницы в материалах ассоциативного эксперимента наделен большим количеством положительных черт в сравнении с мужским. Типичным недостатком называется пренебрежение социальными и межличностными нормами (ассоциации *безапелляционная, властная, злая, изворотливая, хитрая, наглая, стерва, стервозная, самовлюбленная, резкая, недовольная, суровая и др.*). Среди положительных черт отмечена здравая прагматичность, принципиальность и ответственность (ассоциации *целеустремленная, смелая, независимость, заправедливость, ответственная, ответственность, педантичность и др.*). Именно положительные и привлекательные для молодежи характеристики чиновницы поддержаны в развернутых ответах: *«Женщину-чиновника я представляю себе властной, уверенной дамой. Она не уступает в чем-либо противоположному полу, всегда стремится достичь поставленной цели. Она непоколебима и решительна». «Женщина-чиновник представляется мне ухоженной, красивой, уверенной в себе и невероятно умной и рассудительной. Она не бросает слова на ветер, а тщательно обдумывает каждое свое слово и каждое движение. Она невероятно обаятельна, с легкостью располагает к себе людей».* Привлекательными для студентов в чиновнике и чиновнице становятся одинаковые качества — целеустремленность и профессионализм во всем.

Общими тематическими блоками ассоциаций на оба слова-стимула будут также маркеры преступной деятельности (мужчина-чиновник — *взятка, вор, грабитель, коррупция, мошенник, чемпион конспирации*; женщина-чиновник — *вор*), указания на успехи в сфере профессиональной деятельности и особенности карьеры (мужчина-чиновник — *власть, успех, статус, более успешный, хороший руководитель, оратор*; женщина-чиновник — *успех, власть, карьера, чин, государственное и муниципальное управление*), характеризаторы социального статуса, должности или звания (мужчина-чиновник — *депутат, бюрократ, бюрократия, работник Госдумы, управленец*; женщина-чиновник — *прокурор, генерал*), а также общие и гендерные идентификации (ассоциации *человек, женщина-чиновник*). Семантика ассоциаций полностью передает те смыслы, что заложены в аналогичных ассоциациях на слово-стимул *чиновник*.

Остальные образно-оценочные характеристики различаются в зависимости от слова-стимула. Так, мужчина-чиновник описан как человек с высоким уровнем доходов (*деньги, богатый, джип, машина и др.*). У окружающих мужчину-чиновник вызывает негативные чувства (ассоциации *противный, пресный*) и в целом неинтересен как личность (ассоциация *ничего необычного*). Ничем не примечательный чиновник противопоставлен таким медийным персонажам, как *актер, певец, капитан, футболист*. Аккуратная неброская внешность и сдержанность как имиджевые параметры ассоциируются с понятиями *культуры и нормы*.

Более разнообразны ассоциативные характеристики женщины-чиновника. Так, только к женщине применяется характеристика семейного положения: ассоциации *жена мужчины-чиновника, семья, без детей и семьи, одиночество*. Некоторые ассоциации указывают на причины неустроенности семейной жизни женщины-чиновника:

равноправие, занята, нет времени. Сфера профессиональной деятельности женщины (государственная служба) оценивается некоторыми респондентами не только как нетипичная для женщины (ассоциации *редкость, мало, непонятно, вместо кухни, зачем нужна, зачем?, как?, почему?*), но и компрометирующая ее в профессиональном отношении (ассоциации *сомнительное положение, пустые слова, как заработала?, за какие заслуги?*) и даже опасная (ассоциации *психически больная, беда, опасность для мира*). Маркеры девиантного поведения сопряжены с такими ментальными оценками, как *глупость, глупая, абсурд, бессмысленность*. Другой частью респондентов дается общая положительная репутационная оценка профессиональной деятельности женщины-чиновника: *молодец, интеллект, всего достигла сама*. Редкие характеристики указывают на альтернативный, более «женский» социально-профессиональный сектор деятельности: *благотворительная деятельность, актриса, мастер спорта*.

Итак, чиновник-мужчина и чиновник-женщина как два гендерных лика лингвокультурного типажа чиновника обладают определенной спецификой в языковом сознании студентов. Гендерные противопоставления нейтрализуются в таких параметрах, которые оцениваются как одинаково присущие мужчинам и женщинам — деловой имидж, профессионализм и склонность к коррумпированному поведению. Вектор имиджевых характеристик внешности мужчины и женщины полностью отвечает социальным ожиданиям: чиновники внешне аккуратны и серьезные, придерживаются делового стиля в одежде и аксессуарах. Репутационные характеристики, напротив, в большинстве случаев не соответствуют требованиям кодекса чести чиновника. Такой диссонанс характеристик мы связываем не столько с негативным личностным опытом реципиентов (опыт взаимодействия реципиентов с государственными структурами и чиновниками невелик), сколько с влиянием тиражируемого в СМИ социально-культурного стереотипа чиновника. Представления о чиновнике сближаются со стереотипными представлениями о начальнике, руководителе. Профессиональная деятельность чиновника в языковом сознании студентов типична для мужчин, тогда как женщина-чиновник часто представляется антиподом женщине-матери и женщине-жене. Если типаж чиновника-мужчины и просто чиновника совпадают, то вербализованные представления о чиновнице, скорее, пересекаются с представлениями о деловой женщине.

Литература

1. Анохина С. А. Чиновник в лозунгах и лозунги чиновников // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 66–72.
2. Анохина С. А. Чиновник в русской языковой картине мира по данным словарей // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 100–101.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
4. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. М. : Гнозис, 2005.
5. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский чиновник» // авторитетность и коммуникация. Серия «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 4. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, Издательский дом Алейниковых, 2008. С. 38–51.
6. Коноваленко И. В. «Служащий / чиновник / депутат» в наивной картине мира российского гражданина // Политическая лингвистика. Вып. 2 (36). Екатеринбург, 2011. С. 121–124.
7. Лыткина О. И. Концепт «чиновник» в публицистической и наивной картинах мира // Языковые проблемы права (законодательства) и правовые проблемы языка: Сборник материалов Всероссийского круглого стола с международным участием. Академия ГПС МЧС России, Москва. М., 2017. С. 80–84.
8. Михайлов А. П. Моделирование концепта «Власть» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.

9. Назаренко О. Г. Концепт «чиновник» в текстах отечественной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2007.
10. Никитина О. Н. К вопросу об этимологии слова «чиновник» // Известия АСОУ. Научный ежегодник: Академия социального управления. 2014. № 1(2). С. 113–117.
11. Сукаленко Т. Лингвокультурный типаж «Украинский чиновник» в современном дискурсе // Speech and Context. 2011. 2 (III). С. 245–252.
12. Сурикова Т. И. Каков чиновник в русской языковой картине мира и за что? // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации. Т. 1. Тюмень : Мандр и Ка, 2010. С. 161–164.
13. Тунзцин С. Концепт «Чиновник» в русской языковой картине мира на фоне китайского языка // Вопросы гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 51–53.
14. Чернец Е. В. Корпоративная культура государственной службы: социолингвистический и лингвокультурный подходы: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Челябинск, 2011.
15. Щеглова И. В. Лингвокультурный типаж «Чиновник» (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

Об авторе:

Глуценко Олеся Анатольевна, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук, доцент; oag.kam@mail.ru

References

1. Anokhina S. A. The official slogans and the slogans of the officials // Problems of history, philology and culture [Problemy istorii, filologii, kul'tury]. 2016. N 3. P. 66–72. (In rus)
2. Anokhina S. A. The Official in the Russian language picture of the world according to the dictionaries // Problems of history, philology and culture [Problemy istorii, filologii, kul'tury]. 2014. N 3. P. 100–101. (In rus)
3. Big explanatory dictionary of Russian language / chief editor S. A. Kuznetsov. SPb. : Norint, 1998. (In rus)
4. Different mentality / V. I. Karasik, O. G. Prokhvacheva, I. V. Zubkova, E. V. Hrabrova. Moscow : Gnosis, 2005. (In rus)
5. Karasik V. I. Linguo-cultural type «Russian official» // Authority, and communication. A series of «Aspects of language and communication» [Avtoritetnost' i kommunikaciya. Seriya «Aspekty yazyka i kommunikacii»]. Issue 4. Voronezh : Voronezh. Gosun-t Publishing house Lanikovich, 2008. P. 38–51. (In rus)
6. Konovalenko I. V. «Employee / Officer / Deputy» in the naive picture of the world of Russian citizens // Political linguistics [Politicheskaya lingvistika]. Vol. 2(36). Ekaterinburg, 2011. P. 121–124. (In rus)
7. Lytkina O. I. The concept of «official» in a journalistic and naive picture of the world // Language problems of law legal language problems [Yazykovye problemy prava (zakonodatel'stva) i pravovye problemy yazyka]: proceedings of all-Russian round table with international participation. Academy of state fire service of EMERCOM of Russia, Moscow. M., 2017. P. 80–84. (In rus)
8. Mikhailov A. P. Modeling of the concept «Power» in the Russian language picture of the world: Dissertation *abstract*. Novosibirsk, 2010.
9. Nazarenko O. G. The concept of «Official» texts of Russian culture: Dissertation *abstract*. Vladivostok, 2007. (In rus)
10. Nikitin O. N. To the question about the etymology of the word «official» // Proceedings of ASOU. Scientific Yearbook [Izvestiya ASOU. Nauchnyj ezhegodnik]: Academy of social management. 2014. N 1(2). P. 113–117. (In rus)
11. Sokolenko T. Linguo-cultural type «Ukrainian officials» in a contemporary discourse // Speech and Context, 2 (III) 2011. P. 245–252. (In rus)
12. Surikov T. I. What is official in Russian language picture of the world and for what? // Russian language as a factor of state stability and moral health of the nation [Russkij yazyk kak faktor stabil'nosti gosudarstva i нравstvennogo zdorov'ya nacji]. Vol. 1. Tyumen : Mandry and Ka, 2010. P. 161–164. (In rus)
13. Tustin S. Concept of «Official» in the Russian language picture of the world on the background of the Chinese language // Questions of humanitarian sciences [Voprosy gumanitarnykh nauk]. 2015. N 1. P. 51–53. (In rus)

14. Chernets E. V. Corporate culture of public service: sociolinguistic and linguacultural approaches: Dissertation *abstract*. Chelyabinsk, 2011. (In rus)
15. Shcheglova I. V. Linguo-cultural type «Official» (in the Russian language): Dissertation *abstract*. Volgograd, 2010. (In rus)

About the author:

Olesya A. Glushchenko, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), Associate Professor; oag.kam@mail.ru

Институциональные проблемы формирования российской модели социального партнерства

Барabanов А. А.¹, Прошина Е. М.^{1*}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *elena_proshina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Ключевой задачей социального партнерства является обеспечение стабильного развития общества без социальных потрясений. В условиях развития рыночной экономики, появления социально ответственного бизнеса необходимость эффективного согласования интересов труда и капитала становится очевидной. Социальное партнерство предоставляет уникальную возможность установления конструктивного диалога и позволяет не допустить роста социальной напряженности. В ряде зарубежных стран сформировались модели социального партнерства, определяющие порядок взаимодействия профсоюзов, объединений работодателей и государства. В России институт социального партнерства еще проходит период становления. Появление российской модели социального партнерства — это вполне реальная стратегическая перспектива, которая позволит в полной мере реализовать принципы социального государства и открывает путь новому типу взаимодействия между обществом и государством.

Ключевые слова: социальное партнерство, государство, общество, профсоюзы, модель социального партнерства, гражданское общество, социальное взаимодействие, институт

Institutional Problems of the Russian Model of Social Partnership Formation

Barabanov A. A.^a, Proshina E. M.^{a*}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *elena_proshina@mail.ru

ABSTRACT

Key problem of social partnership is ensuring stable development of society without social shocks. In the conditions of development of market economy, emergence of socially responsible business need of effective coordination of interests of work and the capital becomes obvious. Social partnership gives a unique opportunity of constructive dialogue and allows prevent growth of social tension. In a number of foreign countries the models of social partnership defining an order of interaction of labor unions, associations of employers and the state. The institute of social partnership still passes the formation period in Russia. Emergence of the Russian model of social partnership is real strategic prospect, which will fully allow realizing the principles of the social state and will open a way to new type of interaction between society and the state.

Keywords: social partnership, state, society, labor unions, model of social partnership, civil society, social interaction, institute

В условия социально-политической и экономической трансформации в России особую актуальность приобретает проблема сохранения социальной стабильности. Поддержание социального согласия неотделимо от гармоничного учета интересов всех без исключения акторов социальных отношений. Такую возможность может предоставить социальное партнерство. Формирование национальной модели социального партнерства в России имеет крайне важное значение для нашей страны.

В начале XX в. правительства наиболее передовых стран осознали необходимость участия в процессе регулирования социально-трудовых отношений. Постепенно

работники и работодатели стали восприниматься в качестве равных партнеров. Активизировался процесс легализации профсоюзов и практики заключения коллективных договоров с работодателями. Следует отметить, что и в зарубежных странах данный процесс развивался достаточно медленно и обладал множеством ограничений для трудящихся [6, с. 52].

Институт социального партнерства пришел в Россию со значительным опозданием. В советское время к проблеме социального партнерства отношение было скорее враждебное. Официально социальное партнерство было явлением, чуждым советской действительности. Тем не менее в СССР существовали отдельные его проявления, такие как коллективный договор, функциональное представительство и др. Но речь в данном случае уместно вести исключительно именно об отдельных внесистемных проявлениях социального партнерства, носивших, в известной мере, атрибутивный характер.

Следует отметить, что социальное партнерство регулирует коллективные отношения между работниками и работодателями при участии государства. По этой причине в контексте социального партнерства речь идет о функциональном представительстве интересов. Индивидуальные отношения работника и работодателя регулируются с помощью индивидуального трудового договора, тем не менее, на положение конкретного работника оказывает влияние и коллективный трудовой договор. Коллективный договор — это важнейшая составляющая системы социального партнерства. Он является продуктом взаимного влияния индивидуальных и коллективных отношений [6, с. 55].

Социальное партнерство по своей институциональной природе является особым видом общественных отношений, обусловленных потребностью взаимного согласования и защиты интересов различных социальных групп, наемных работников, бизнеса и их объединений, а также органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе договорных, взаимноответственных отношений [3].

При наличии действующего механизма социального партнерства отношения работников и работодателей приобретают форму социального диалога. В этом диалоге принципиально важна возможность для каждой из сторон высказать свое мнение и свою оценку обсуждаемой проблемы, а иногда и выразить конструктивные возражения.

Следует обратить внимание на то, что принцип равноправия сторон является главным принципом социального партнерства. Однако, говоря о проблеме построения механизма социального партнерства в России, будет уместно учитывать особенности менталитета ее граждан. В нашей стране власть всегда носила сакральный характер, она принципиально не могла быть равна обществу. Власть значительно возвышалась над обществом. Этот факт является наиболее значимым для дальнейшего выявления характерных особенностей отечественной модели социального партнерства.

Советский период истории нашей страны отложил серьезный отпечаток на процесс формирования гражданского сознания. Противоположность интересов различных социальных групп, характерная для стран Запада, была идеологически лишней. Не существовало иных собственников средств производства, кроме государства. Именно государство было единственным работодателем. В подобных условиях профсоюзы не имели возможности стать полноценными субъектами социального партнерства, их роль становилась формальной. Самое главное, в Советском Союзе, в отличие от зарубежных стран, коллективный интерес превалировал по отношению к частному.

Известно, что либеральная демократия, явившаяся результатом серьезных классовых противоречий и распространения идеи универсального гражданства, определила специфику развития западных моделей социального партнерства. Следует отметить общий мотив, который может в той или иной мере объединять эти модели. Этим мотивом является ранняя капитуляция государства перед натиском

гражданской активности. В нашей стране этот процесс был остановлен Октябрьской революцией 1917 г. В западных странах именно общество определило и навязало государству правила взаимодействия, ставшие в итоге тем, что мы называем сейчас гражданским обществом и правовым государством [1].

Специфика развития гражданского общества, наличие которого является обязательным условием эффективного социального партнерства, в России принципиально отличается от стран Запада. И в настоящее время государство воспринимается гражданами не как партнер или оппонент, которому смело можно возразить, а как начальник, который, независимо от своей позиции, всегда прав. И дело тут не только в том, что государство в меньшей степени, чем на Западе, подвержено критике, а скорее в том, насколько готово наше общество брать на себя ответственность за собственную судьбу.

На Западе гражданское общество при взаимодействии с государством часто становится ареной противоречий, столкновений противоположных интересов. Становление гражданского общества — процесс длительный, на него влияют экономические, моральные, духовные факторы. В странах Западной Европы давно выработаны и реализуются социальные ценности, которые чрезвычайно важны для развития социального партнерства. Относительно России, следует отметить то обстоятельство, что наша страна еще находится в процессе усвоения этих ценностей [4].

Граждане не могут объединяться и добиваться реализации своих интересов, если они не представляют, в каком обществе живут, какие принципы и ценности это общество признает. В нашей стране еще не началась конструктивная общественная дискуссия о четком обозначении приоритетных ценностей постсоветского общества.

Известным является факт, что основу гражданского общества составляют общественные объединения, представляющие различные социальные и профессиональные группы населения. Профсоюзы традиционно являются одним из основных элементов гражданского общества. На современном этапе гражданское общество в России строится главным образом по инициативе государства, а не самих граждан. Это уникальная ситуация. В силу особенностей исторического развития нашей страны профсоюзы не смогли своевременно стать «строителями» гражданского общества.

В системе социального партнерства у государства априорно особая роль. По мнению В.А. Михеева, оно выступает как работодатель, с одной стороны, и как носитель общественных интересов — с другой. В последней своей роли государство осуществляет функцию координации совместных действий партнеров [2].

Особенная роль влечет за собой особую ответственность государства, не только за надлежащее выполнение своих непосредственных функций, но и за работоспособность всей системы социального партнерства в целом. Следует отметить, что ответственность государства крайне высока независимо от модели социального партнерства, поскольку оно обладает значительно большими возможностями, нежели любое общественное объединение.

Две ключевых стороны социального партнерства — профсоюзы и объединения работодателей, вне зависимости от координирующей роли государства, несут ответственность за результативность социального партнерства. От степени заинтересованности сторон в сотрудничестве, от их готовности идти на компромисс зависит реальная перспектива взаимодействия. Значительный потенциал социального партнерства все еще не реализован в полной мере, поскольку профсоюзы, выполнявшие в советский период не типичные для их институциональной природы функции, нуждаются в укреплении своей роли в обществе со стороны государства.

Объединения предпринимателей, сформировавшиеся в нашей стране значительно позже профсоюзов, не сразу стали активными строителями социального парт-

нерства. Неоднозначные итоги приватизации, системный кризис в экономике и прочие негативные предпосылки долгое время определяли формальную роль предпринимательских объединений в социальном взаимодействии. Существенной проблемой остается нежелание бизнеса участвовать в реализации социальных программ.

Постепенно по мере роста институциональной зрелости предпринимательских сообществ происходит изменение их позиции. От недоверия к государству предприниматели переходят к поиску новых путей сотрудничества. В данном случае механизм социального партнерства открывает для них новые перспективы.

К концу 1990-х годов у различных объединений предпринимателей, работодателей возрастает потребность в координации своих действий и усилий для совместного влияния на властные структуры и многочисленные группы интересов работников, профсоюзное движение. Предприниматели и работодатели осознают необходимость создания соответствующих правовых и организационных условий для развития социального партнерства, введения равных правил в сфере социально-трудовых отношений [3].

В России важное место в развитии социального партнерства отводится Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (далее — РТК). Нормативным основанием ее деятельности служит Федеральный закон № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений», принятый в 1999 г. РТК призвана воплощать идею цивилизованного пути совместного решения проблем в сфере социально-трудовых отношений. Помимо прочего РТК призвано содействовать принятию социально ориентированных законов и проведению социально ориентированной политики¹. Согласно действующему законодательству РТК уполномочено «...принимать по согласованию с Правительством Российской Федерации участие в подготовке разрабатываемых им проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области социально-трудовых отношений...»².

Полноценная реализация вышеуказанной функции может серьезно влиять на характер социально-трудовых отношений и, как следствие, на уровень социальной стабильности. Существенным препятствием построению эффективной системы социального партнерства в России является нежелание работодателей содействовать развитию социального партнерства. Безусловно, данный тезис не является обобщающим для всех руководителей организаций и предприятий. Ряд ответственных работодателей, осознающих выгоду от социально-партнерского взаимодействия, прилагают значительные усилия в формировании социально ориентированных локальных нормативных актов организаций, берут на себя серьезные социальные обязательства. К сожалению, подобные работодатели пока еще в меньшинстве.

Не вызывает сомнений также тот факт, что необходимо реформировать механизм правового регулирования вопросов ответственности конкретных должностных лиц за нарушение законов в сфере труда. Формально отечественное законодательство ориентировано главным образом на защиту интересов работника, однако реальные механизмы этой защиты малоэффективны.

Важнейшим условием повышения качества социального партнерства является активное участие работников в управлении организацией. Несмотря на то, что

¹ Федеральный закон «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» от 01.05.1999 № 92-ФЗ (действующая редакция, 2016). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22938.

² Федеральный закон «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» от 01.05.1999 № 92-ФЗ (действующая редакция, 2016) Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22938.

ст. 52 Трудового кодекса Российской Федерации гарантирует право работников на участие в управлении организацией¹, в реальности этот механизм практически не реализуется вследствие низкого уровня юридической грамотности наемных работников. Традиционно решением данной проблемы занимаются профсоюзные организации, но в нашей стране еще не сложилась устойчивая система по повышению правовой грамотности работников силами и средствами профсоюзных организаций.

Профсоюзы предлагают человеку возможность реализовать свои гражданские права, они представляют собой добровольные объединения людей, пытающихся независимо и самостоятельно отстаивать интересы своих членов.

Общественная роль профсоюзов состоит в расширении сферы своего влияния в обществе, в котором появились новые социальные слои, увеличилась имущественная дифференциация и рост числа малообеспеченных слоев населения. Для решения поставленной задачи профсоюзы взаимодействуют с различными политическими объединениями, содействуют избранию своих представителей в законодательные органы и органы местного самоуправления, поддерживают государственных и политических деятелей [1].

В демократическом обществе самоорганизация граждан в значительной степени зависит от того, насколько профсоюзы воспринимают формирование гражданских качеств у трудящихся как свою непосредственную функцию. Желательно, чтобы повседневная работа профсоюзов с представителями наемного труда была направлена на формирование гражданского поведения. С целью решения данной задачи самим профсоюзам необходимо перейти на иной уровень институционального развития, научиться действовать в условиях многоукладной рыночной экономики. Однако следует учитывать, что на реализацию данных целей могут уйти годы. И только от самого общества в лице заинтересованных акторов зависит, насколько длительным будет процесс переориентации деятельности ключевых субъектов социального партнерства.

Мы полагаем, что для решения многочисленных проблем, связанных с построением национальной модели социального партнерства, необходимы серьезные научные исследования, построенные как на изучении опыта социального взаимодействия стран Запада, так и на выявлении социально-политических особенностей России.

Литература

1. Барабанов А. А. Профсоюзы как фактор развития гражданского сознания // Право и государство: культурологическое измерение: Международная научно-практическая конференция, 25 ноября 2016 г. СПбГУП, 2016.
2. Гуторов В. А. Идет ли посткоммунистическая Россия к гражданскому обществу? // Практическая философия и гражданское общество в России: сб. ст. под ред. В. Г. Марахова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004.
3. Михеев В. А., Михеев А. В. Социальное партнерство как механизм устойчивого социально-экономического развития // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 5. С. 194–206.
4. Пугин Н. А. Социальное партнерство в России: генезис, основы, тенденции развития: монография. М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Перм. гос. техн. ун-т. Пермь : редакционно-издательский отдел Пермского государственного технического университета, 2006.
5. Социальная модернизация России: итоги, уроки, перспективы. М., 2005.
6. Социально-трудовые отношения в современной России: перспективные модели социального партнерства / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2017.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.

Об авторах:

Барabanов Антон Анатольевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; tony.barabanov@list.ru

Прошина Елена Михайловна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, профессор; elena_proshina@mail.ru

References

1. Barabanov A.A. Labor unions as factor of development of civil consciousness // Law and state: culturological measurement [Pravo i gosudarstvo: kul'turologicheskoe izmerenie]: International scientific and practical conference, on November 25, 2016. St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2016. (In rus)
2. Gutorov V.A. Does postcommunist Russia go to civil society? // Practical philosophy and civil society in Russia: collection of articles under the editorship of V.G. Marakhov [Prakticheskaya filosofiya i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: Sb. st. pod red. V.G. Marakhova]. SPb. : St. Petersburg State University publishing house, 2004. (In rus)
3. Mikheev V.A., Mikheev A.V. Social partnership as mechanism of sustainable social and economic development // Social and humanitarian knowledge [Sotsial'no-gumanitarnoe znanie]. 2002. N 5. P. 194–206. (In rus)
4. Pugin N.A. Social partnership in Russia: genesis, bases, development tendencies: monograph. Perm State. Technical University. Perm : Publishing department of the Perm State Technical University, 2006. (In rus)
5. Social modernization of Russia: results, lessons, prospects. M., 2005. (In rus)
6. The social and labor relations in modern Russia: perspective models of social partnership / scientific edition of A.S. Zapesotsky. SPb. : St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2017. (In rus)

About the authors:

Anton A. Barabanov, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; tony.barabanov@list.ru

Elena M. Proshina, Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Professor; elena_proshina@mail.ru

Место детской прессы в государственной информационной политике Российской Федерации: проблемы и перспективы

Горбатова Н. В.^{1*}, Рябова Т. Г.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *gorbatova-nv@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам российской детской прессы, их экономическому состоянию и перспективам развития, а также определению места, которое занимает детская пресса в системе современных каналов коммуникации с молодежью и в государственной информационной политике России. Авторы указывают на недостаточное внимание государства к проблемам детской прессы, фактическое отсутствие государственных программ ее поддержки, проводят сравнение с зарубежной практикой поддержки прессы. Проводится анализ ряда нормативных документов.

Также в статье дается обзор детских журналов на медиарынке. Затрагиваются вопросы финансирования детских СМИ, привлечения читателей и распространения тиражей издания как существенным элементам системы поддержки детской прессы.

Ключевые слова: государственная информационная политика, детская пресса, сайты детских журналов, государственные программы поддержки СМИ, перспективы развития детской прессы

The Place of the Childish Press in the State Information Policy of the Russian Federation: Problems and Prospects

Gorbatova N. V.^{a*}, Ryabova T. G.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *gorbatova-nv@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article is devoted to problems of the Russian childish press, its economic condition and the prospects of development and definition of the place, which is taken by the childish press in the system of modern communication channels with youth and in the state information policy of Russia. Authors point to insufficient attention of the state to problems of the childish press, the actual lack of state programs of its support, carry out comparison with foreign practice of support of the press. The analysis of a number of normative documents is carried out.

Also in the article the review of childish magazines in the media market is given. The questions of financing of childish media, involvement of readers and distribution of circulations of the edition as to essential elements of system of support of the childish press are raised.

Keywords: state information policy, childish press, websites of childish magazines, state programs of support of media, prospects of development of the childish press

Массовое распространение интернета привело к существенному изменению роли печатных изданий в жизни современного человека. Сегодняшнее поколение детей и молодежи активно пользуются мировой сетью и получают с ее помощью большую часть информации. Как показывают исследования, «самыми активными пользователями рунета являются дети и молодежь в возрасте 12–24 лет (94% из них заходят в сеть не реже 1 раза в месяц)». В 2012 г. были сделаны прогнозы, соглас-

но которым к 2014 г. проникновение интернета в этой возрастной группе достигнет 97–99%.

Однако по данным «Лаборатории Касперского», принимавшей в 2016 г. участие в исследовательском проекте IconKids&Youth под названием «Растим детей в эпоху интернета», российские дети проводят в интернете значительно больше времени, чем представители молодого поколения во многих странах Европы и США. Почти постоянно в Сети находятся более половины всех опрошенных несовершеннолетних пользователей в России (56%), при этом показатели по США и Европе ниже — 51% и 40% соответственно.

Чем старше дети, тем больше времени они проводят в интернете. Так, 68% российских подростков (14–16 лет) почти постоянно находятся онлайн. В большинстве исследуемых стран этот показатель ниже. Например, в Великобритании он составил 60%, а в Германии — 58%.

Проблема чрезмерного увлечения интернетом детей и подростков становится все более актуальной для России. Современные исследователи видят опасность не только в запрещенных сайтах, которые могут навредить развитию ребенка, но и в количестве времени, которое тратится на пользование ресурсами сети. Ученые Гарвардского и Колумбийского университетов США выяснили, что излишнее увлечение интернетом опасно для формирующейся личности, так как легкий поиск информации способствует ее быстрому забыванию. Причина достаточно проста — пользователи опираются на компьютерную память, не развивая при этом собственную¹.

Согласно исследованию Фонда «Дружественный рунет», 78,1% пользователей в возрасте от 6 до 17 лет часто выходят в интернет, а 61,3% 15–17-летних подростков практически «живут» в нем. Большинство детей выходят в интернет дома — около 90,3%, значительно меньше в школе — 29,6%, еще меньше в гостях у друзей — 22,5%. Примерно с 13 лет подростки осваивают интернет-кафе и другие точки коллективного доступа к ресурсу сети. В старшем подростковом возрасте значительно увеличивается доля респондентов, использующих для выхода в сеть личные компьютеры и мобильные гаджеты. 62% несовершеннолетних посещают любые сайты без ограничений².

Многочисленные исследования доказывают, что роль интернета в формировании общественного мнения стала огромной, особенно среди детей и молодежи. Однако традиционные средства массовой информации все-таки остаются востребованными и интересными аудитории, в том числе детской. «Аудитория интернета и „новых медиа“ вовсе не тождественна обществу в целом, в том числе российскому» [5, с. 43], поэтому, несмотря на огромное число интернет-пользователей в возрасте до 18 лет, нельзя отрицать их заинтересованность печатными СМИ.

Исторически газеты и журналы выступали в России «основным гарантом информационного обеспечения общественных и инновационных процессов, имеющих огромное значение для большинства граждан страны. Несмотря на активное развитие интернета, пресса, особенно в регионах, и сегодня является наиболее авторитетным источником новостной, аналитической и развлекательной информации. Социологические исследования показывают, что уровень доверия со стороны населения к печатной прессе по-прежнему высок» [5, с. 61].

¹ 56% детей постоянно в Сети: Россия обгоняет Европу и США по показателю интернет-увлеченности. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт «Лаборатория Касперского». URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16 (дата обращения: 15.10.2017).

² Большинство российских детей регулярно выходят в интернет [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Телевести.ру // URL: <http://www.televesti.ru/internet/13227-bolshinstvo-rossijskix-detej-regulyarno-vykhodyat.html> (дата обращения: 07.06.2011).

По данным ВЦИОМ на 2016 г. более трех четвертей населения в России читают газеты и журналы (77%)¹.

По данным Фонда общественное мнение (ФОМ) подавляющее большинство россиян не готовы отказаться от традиционных СМИ. 67% населения смотрит телевизионные программы каждый день, а новостные программы 57%. При возникновении сомнений в правдивости изложения новостей 23% опрошенных ничего не предпринимают, а 18% уточняют информацию в интернете. При этом 62% россиян не рассматривают отказ от телевидения в пользу иных источников информации².

При этом печатные СМИ занимают почетное третье место после телевидения и новостных интернет-сайтов³.

Стоит отметить, что и молодежь в России также рассматривает телевидение как основной источник информации. Телевизор смотрят 77% молодежи, доверяет ему значительно меньшая доля опрошенных (36%), но у остальных источников информации этот показатель еще ниже. Газеты и журналы в качестве источника информации рассматривают около 16% молодых людей. При этом если в возрастной группе 18–22 года к печатным СМИ обращаются около 13% молодых, то в возрастной группе 28–30 лет уже около 17% видят в печатных СМИ источник информации⁴.

По данным ВЦИОМ, этот процент еще выше: около 61% россиян в возрасте от 18 до 24 лет читают бумажную прессу⁵.

21 августа 2017 г. Роспечать опубликовало доклад о состоянии и перспективах отрасли российской периодической печати в 2016 г. Из 79 786 наименований средств массовой информации, включенных в реестр Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) по состоянию на 17 апреля 2017 г., 2/3 составляют периодические печатные издания. Из них 37% — журналы, 28% — газеты и около 5% — бюллетени, альманахи и прочие. Еще 11% — онлайн СМИ, в значительной части представленные сайтами и другими цифровыми продуктами периодических печатных изданий. 10% пришлось на ТВ, 7% — на радио, 2% — на информагентства и 3% — на прочие СМИ. Таким образом, доля печатных СМИ составила около 65% от всех СМИ в России⁶.

Представлен в докладе и анализ рынка детской прессы, однако уже с первых строк указывается, что «общая ситуация с детскими журналами в стране незавидная»⁷. А ведь история российской детской периодики весьма богата. Да и в крупных мегаполисах России сегодня есть качественная детская пресса.

По европейским меркам Санкт-Петербург можно отнести к мегаполисам с высокими количественными параметрами на рынке печатных СМИ: на 500 горожан приходится одно печатное издание [2, с. 270]. Средства массовой информации

¹ Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2016> (дата обращения: 18.10.2017).

² Зачем люди смотрят телевизор? [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Фонд общественное мнение. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13216> (дата обращения: 18.10.2017).

³ Доверие российским СМИ [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Фонд общественное мнение. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12140> (дата обращения: 18.10.2017).

⁴ Куда молодые обращаются за информацией и каким источникам верят [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Фонд общественное мнение. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12873> (дата обращения: 18.10.2017).

⁵ Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2016> (дата обращения: 18.10.2017).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

мегаполиса — динамично развивающаяся система, которая в последнее время претерпевает большие изменения.

Основная доля журнального рынка России приходится на Москву и Санкт-Петербург: 92% наименований изданий и 98% совокупного годового тиража. Как отмечают эксперты, «российские столицы практически полностью определяют структуру журнального рынка страны» [6]. Санкт-Петербургский рынок журналов динамичен и постоянно обновляется: появляются новые СМИ, часть из них закрываются, не выживают в конкурентной борьбе. По мнению исследователей, это происходит из-за непрофессионализма издателей, непродуманной концепции журнала, а также из-за недостатка инвестиций [3]. Как отмечено в докладе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, в числе появившихся в 2011 г. новых СМИ большую часть составляют детские издания, среди которых выделяются специальные выпуски, посвященные путешествиям и истории. В целом детские СМИ можно отнести к специализированной прессе, которая в достаточном количестве представлена в Санкт-Петербурге. Однако ассортимент петербургских детских и молодежных изданий весьма скудный — всего несколько журналов.

Детский литературно-художественный журнал «Костер» издается с 1936 г. Издание выходит раз в месяц, тиражом 5000 экз. «Костер» рассчитан на аудиторию 9–14 лет. Распространяется по подписке, так как ориентирован на постоянных читателей. Цель журнала — «привить детям вкус и любовь к художественной литературе, к творческому познанию мира вокруг нас»¹. В каждом номере публикуется небольшое литературное произведение — повесть или рассказ не только классиков детской литературы, но и новых молодых талантов. Авторами «Костра» являются известные детские писатели: Эдуард Успенский, Григорий Остер, Святослав Сахарнов, Владислав Крапивин, Валерий Воскобойников, Александр Курляндский, Леонид Каминский и другие. Основные разделы журнала: «Аптека для души», «Пресс-клуб», «История вещей», «Веселый звонок», «Творчество твоих ровесников», «На клетчатой доске», «Морская газета», «Зеленые страницы», «Копилка заблуждений», «Викторина», «Конкурс юных детективов», «Академия художеств», «Азбука интересных слов».

Возможность продемонстрировать первый творческий опыт, несомненно, привлекает подростков. В журнале они могут опубликовать свои стихи, рассказы, заметки, а также узнать реакцию сверстников и получить ценный совет от мастеров слова. Кроме этого для поддержания интереса читателей и привлечения новой аудитории, «Костер» проводит много конкурсов и викторин с призами, а каждое лето — детские экологические экспедиции «Живая вода» для ребят из разных регионов России. Журнал имеет официальный сайт, на котором подростки могут найти много интересных материалов и архив номеров.

Петербургский детский исторический журнал «Автобус» рассчитан на такую же по возрасту аудиторию, но отличается по содержанию. Основное место в издании занимают рассказы об архитектуре, о реставрации петербургских памятников и строительстве новых зданий, материалы по истории и культуре Санкт-Петербурга. Журнал выходит 1 раз в 2 месяца, тираж 2000 экз. «Автобус» — уникальное издание, которое с одинаковым интересом читают взрослые и дети, историки, искусствоведы и все, кого интересует история города. Красочный, содержательный журнал давно стал явлением в культурной жизни Петербурга, он говорит доступным и ясным языком, но без заигрывания с юным читателем»².

¹ Официальный сайт журнала «Костер» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kostyor.ru> (дата обращения: 09.08.2017).

² Официальный сайт Туристического и культурного центра «Эклектика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eclectica.spb.ru/page58.html> (дата обращения: 11.09.2017).

На страницах издания периодически появляются интервью с известными деятелями российской и мировой культуры, такими как Г. П. Вишневская, М. Б. Пиотровский, В. А. Гусев, В. В. Знаменов, С. В. Стадлер, Б. Андерссон и др. В качестве авторов выступают профессора консерватории и Санкт-Петербургского государственного университета, реставраторы, художники, сотрудники музеев, историки архитектуры, искусствоведы. Так, в № 6 за 2012 г. опубликована статья журналиста и политика Б. Л. Вишневого о братьях Стругацких, интервью с испанским архитектором и скульптором С. Калатравой, статья Л. Лаврова о Флоренции.

Журнал является некоммерческим проектом, направленным на воспитание юных петербуржцев. Издание не имеет собственного сайта, вся информация о нем находится на интернет-странице агентства путешествий «Эклектика», которое финансирует проект.

Ярким представителем петербургской детской прессы является литературно-художественный журнал «Чиж и Еж». Он предназначен для детей 6–12 лет и их родителей. «Чиж и Еж» издается с 1999 г., примерно 2 раза в год тиражом 5000 экз. Сотрудники литературного журнала для детей «Чиж и Еж» писатели и художники «совершают «вылазки» в школы, детские библиотеки и детские больницы города свыше 100 раз в год! Коллектив издательства поддерживает традиции выпуска только высококачественной литературы для детей с яркими, красочными иллюстрациями¹. На страницах журнала можно найти стихи, рассказы, записки путешественника, книжные новинки, творчество детей, познавательные статьи.

Периодичность выпуска детских журналов и небольшие тиражи говорят об определенных трудностях, с которыми сталкиваются издатели. Опыт западных стран свидетельствует о государственной поддержке детской прессы различными способами: от прямых дотаций и субсидий до снижения налогов. Так, например, в Германии работает программа «Журналы в школе», которая позволяет бесплатно подписаться на комплект из 30 детских журналов. Учитывая многие факторы, индустрия печати России вправе рассчитывать на поддержку со стороны государства. Правительство Санкт-Петербурга, к примеру, выделяет гранты на развитие детских изданий. В 2012 г. журнал «Костер» получил 598 тыс., «Автобус» — 600 тыс. рублей².

Несмотря на этот факт, стоит отметить недостаток детских изданий в структуре медиарынка Санкт-Петербурга. Отсутствие местных журналов для детской аудитории с лихвой перекрывают московские проекты, в огромном количестве представленные в мегаполисе. Лидирующее место среди издательств, выпускающих журналы для детей, занимает «Эгмонт Россия». Компании принадлежит около 70% рынка детской периодической печати. Издательство «Эгмонт Россия» было создано в 1992 г. как дочерняя фирма старейшего в Европе датского издательского концерна «Эгмонт Интернэшнл Холдинг», имеющего представительства более чем в 30 странах мира. Ежемесячный суммарный тираж 35 детских журналов издательства «Эгмонт Россия» составляет более 3 млн экз.³

Являясь официальным лицензиатом The Walt Disney Company, Mattel, Warner Bros., Hasbro, Ludorum, «Эгмонт Россия» издает на русском языке популярные детские журналы: «Дисней для малышей», «Винни и его друзья», «Тачки», «История игрушек», «Узнавайка», «Принцесса», «Фея», «Финес и Ферб», «Чародейки», «Играем с Барби», «Hot Wheels», «Том и Джерри», «Мой маленький пони», «Трансформеры», «Чаггингтон». Кроме этого, издательство предлагает юным читателям и соб-

¹ Официальный сайт Издательства «ДЕТГИЗ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.detgiz.spb.ru>. (дата обращения: 11.09.2017).

² Смольный раздал 45 «грантовых» миллионов. 20.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenizdat.ru/a0/ru/pm1/c-1106018-0.html> (дата обращения: 11.09.2017).

³ Официальный сайт Издательства «Эгмонт Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.egmont.ru>. (дата обращения: 11.09.2017).

ственные разработки — детский журнал о животных «Точка и компания», литературно-познавательный журнал «Простоквашино», развивающие журналы «Лунтик», «Смешарики», «Маша и Медведь», «Барбоскины», а также научно-популярные детские журналы «Юный эрудит» и «Динозаврия»¹. Каждый журнал рассчитан на разную возрастную аудиторию от 3 до 16 лет, для мальчиков и девочек.

Составить конкуренцию издательству «Эгмонт Россия» по количеству выпускаемой продукции другим участникам медиарынка достаточно сложно. Однако, выпуская всего лишь несколько журналов, многие издательства также находят своего читателя.

Издательский дом «Веселые картинки» выпускает хорошо известный журнал для самых маленьких читателей от 3 до 6 лет «Веселые картинки». Он наполнен крупными иллюстрациями, загадками и комиксами для малышей. Кроме этого, издательство выпускает еще два детских журнала. «Филя» посвящен природе, в нем читатели 6–12 лет найдут репортажи из зоопарков, викторины о животных, рассказы о путешествиях. Журнал «Эскиз» рассчитан на ту же возрастную категорию, но рассказывает об искусстве, служит пособием для уроков рисования и эстетического воспитания. На его страницах публикуются рассказы об архитектуре, скульптуре, живописи, театре, кино².

Издательский дом «Карпуз» выпускает развивающие журналы для самых маленьких читателей. Журнал «Погремушка» (0–2 года) про первые улыбки, узнавания, первый лепет, звуки, рекомендации специалистов и картинки для ребенка именно этого возраста. Издание «Для самых-самых маленьких» (1–3 года) знакомит юных читателей с окружающим миром, «Воробышек» (3–5 лет) в игровой форме помогает родителям развивать речь ребенка. Для подготовки к школе рассчитан отдельный журнал «Карпуз» (5–7 лет)³.

Журналы «Свирелька» и «Свирель», выпускаемые издательством «Лазурь», рассказывают юным читателям о природе. «Свирелька» предназначена для детей от 3 до 8 лет. На страницах издания публикуются рассказы и стихи о природе, картинки, ребусы, загадки, раскраски, самоделки. «Свирель» является продолжением «Свирельки» и рассчитана на детей 8–12 лет. Научно-популярные тексты адаптированы для школьников. Материалы затрагивают различные аспекты естествознания и экологии, в журнале публикуются рассказы и повести, информация о заповеднике или национальном парке. Кроме этого, издательству принадлежит популярный литературно-художественный альманах экологической направленности для молодежи «Лазурь». В нем публикуются новости об экспедициях и путешествиях в различные уголки планеты, рассказы, повести, советы психолога и тесты, сведения о новых книгах по экологии⁴.

Большое количество развивающих и обучающих журналов выпускает издательство «Де Агостини» Россия. «Ежемесячные журналы выходят коллекциями, обычно по 96 номеров. Их содержание охватывает широкий круг интересов и тем, они могут дополняться DVD/CD-дисками, отдельными элементами моделей, которые можно собирать в коллекции» [4]. Необычный формат периодических изданий ограниченного количества номеров привлекателен не только для детской аудитории. Принцип коллекционирования, который лежит в основе каждого проекта, позволяет удерживать интерес ребенка к новому выпуску.

¹ Официальный сайт Издательства «Лазурь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lazur.ru/index.html> (дата обращения: 11.09.2017).

² Официальный сайт Издательского дома «Веселые картинки» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merrypictures.ru/main/> (дата обращения: 11.09.2017).

³ Официальный сайт Издательского дома «Карпуз» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.karapuz.com/subscribe/> (дата обращения: 11.09.2017).

⁴ Официальный сайт Издательства «Лазурь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lazur.ru/index.html> (дата обращения: 11.09.2017).

Московский рынок детской прессы отличается широким ассортиментом изданий, различных по тематике, гендерной и возрастной принадлежности. Однако многие детские журналы доступны только по подписке и не распространяются в розницу даже в Москве. Тиражи таких СМИ обычно небольшие, так как издательствам не целесообразно увеличивать количество экземпляров без необходимости. Собственные интернет-страницы имеют далеко не все детские издания, чаще всего информация о них находится на сайте издательства. Там же можно найти архивы журналов и краткое резюме. Детская пресса в большинстве не адаптирована к интернет-аудитории и даже не пытается привлечь читателей с помощью мировой сети. Такая позиция вполне оправдана для журналов, рассчитанных на дошкольников и младших школьников, за которых выбор СМИ осуществляют родители, но при этом совершенно не приемлема для изданий, направленных на подростковую аудиторию. Качественный сайт во многом помог бы повысить интерес ребят к печатной продукции.

Учитывая большое разнообразие детских СМИ, выпускаемых московскими издательствами, в целом рынок детской прессы можно было бы считать насыщенным и заполненным. При этом стоит отметить, что петербургских изданий крайне мало, и им достаточно сложно составлять конкуренцию столичным проектам.

Однако в 2017 г. ярко проявились негативные для детской прессы тенденции. Главная проблема детских журналов в стране, как отмечается в отраслевом докладе Роспечати, заключается в том, что их выручка почти полностью зависит от продажи тиража, так как они не способны привлечь достаточные объемы рекламы. А ведь доходы от рекламы для российской печатной взрослой прессы составляют почти 50% дохода. Еще одна тенденция заключается в том, что по причине сокращения объемов финансирования детские журналы исчезают из библиотек, даже детских. Библиотеки не могут подписаться на издания, которые они выписывали десятилетиями.

Таким образом, констатируют авторы отраслевого доклада Роспечати, детская пресса (в частности, журналы) объективно нужны нашему обществу и государству, а с другой — много таких журналов уже закрылось или близки к закрытию.

5 декабря 2016 г. указом № 646 Владимир Путин утвердил новую Доктрину информационной безопасности Российской Федерации. Из Доктрины следует, что все участники системы информационной безопасности Российской Федерации, включая СМИ, должны соответствующим образом скорректировать стратегические цели своей деятельности и бизнес-планы.

Одним из видов информационных угроз в Доктрине признается наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Вместе с тем к национальным интересам Доктрина относит сохранение культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации. Стратегической целью в сфере обеспечения информационной безопасности государства и его граждан Доктрина в частности признает «нейтрализацию информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Свое важное место в реализации политики государства в сфере информационной безопасности должны занимать и детские СМИ.

Социокультурные и интеграционные функции СМИ подробно описаны в учебниках по журналистике и социологии массовых коммуникаций, и перечислять их заново не имеет смысла. Можно привести цитату доктора культурологии О. Е. Коханой, которая ярко высвечивает роль детских СМИ в формировании личности детей и потенциально в сохранении культурных и нравственных традиций российского

общества: «Детство в современном открытом обществе в условиях постоянных перемен далеко не безмятежно и обрело некие контуры угрозы будущему... Так называемыми “островками стабильности” могут служить детские СМИ. На рубеже XIX–XX вв. и далее в XX в. в детские СМИ активно включались сами дети, становясь все более и более причастными к своим изданиям, превращаясь из читателей в участников, сотворцов.

В условиях мощного развития средств массовой коммуникации, которые транслируют бесконечный поток информации, подчас излишне агрессивной, в формировании целостного потенциала, ценностном самоопределении личности особую важную роль приобретает деятельность детских СМИ как специфического механизма социализации, включения в мир культуры в основных ее аспектах: нравственном, политическом, эстетическом...» [1].

Еще в 2015 г. на XXVIII медиаконференции Ассоциации распространителей печатной продукции (АРПП) указывалось, что на сегодняшний день помощь прессе в том или ином виде оказывается практически во всех развитых странах и реализуется она при этом в двух основных формах: прямом субсидировании печатных СМИ и их косвенной господдержке.

Дотациям и прямым инвестициям в печатные СМИ как инструменту господдержки на мировом уровне уделяется значительное внимание. Например, в Европе в среднем раз в 5 лет вносятся поправки и изменения в существующие нормативные документы о субсидиях прессы. Одной из лучших считается схема субсидирования прессы в Швеции: она в 2006 г. получила награду от международного сообщества. Дотации от государства по данной схеме получают экономически неблагополучные издания, а также только выходящие на рынок новые проекты. Похож на шведский вариант и подход к осуществлению мер по государственной поддержке печатных СМИ у норвежских властей. В Дании и вовсе с 2014 г. получать субсидии могут не только печатные, но и цифровые СМИ.

Член правления АРПП В.В. Керимов в своем выступлении отметил, что правительства в различных странах формируют целевые фонды для субсидирования СМИ, а к основным задачам такого субсидирования относят снижение себестоимости продукции, оптимизацию финансирования, повышение качества обслуживания, расширение читательской аудитории за счет молодежи и зарубежных граждан. Важную роль в поддержке печатных СМИ играют и местные власти: они вкладывают деньги в развитие своих региональных изданий, в создание и поддержку новых проектов.

Еще одним механизмом помощи СМИ является установление льготных тарифов на доставку. Французская, немецкая, швейцарская, итальянская, английская и американская пресса активно пользуется льготными тарифами при рассылке и распространении своих изданий через почту. А во Франции в 2004 г. был разработан специальный проект для модернизации торговых объектов, продающих периодические издания. Прямые субсидии выделялись даже владельцам киосков прессы и составляли от 40% до 80% необходимой для модернизации суммы.

В некоторых странах (Франция и США) правительство покупает рекламные площади в газетах и журналах, размещение государственной рекламы приносит прессе гарантированный доход.

Сегодня в ряде стран идет активное обсуждение программ реформирования систем помощи прессе на 2017 г. (Австрия, Дания, Швеция. Франция).

В России на сегодняшний день используется лишь малая часть инструментов поддержки прессы¹.

¹ Нужна новая государственная политика по поддержке печатных СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://sovetreklama.org/2015/04/nuzhna-novaya-gosudarstvennaya-politika-podderzhke-pechatnyh-smi/> (дата обращения: 25.09.2017).

В 2011 г. АРПП выступил с идеей принятия Правительством РФ целевой программы «Подписка для молодежи» на условиях оплаты доставки со стороны государства. Проект программы предполагал составление перечня рекомендованных для молодежи изданий с указанием их периодичности.

Эксперты АРПП предполагали на первом этапе силами общественных организаций составить список качественных изданий, рекомендуемых к прочтению молодыми россиянами. После составления списка он должен быть передан в контролирующую государственную структуру, например в Роспечать, которая, рассмотрев документ и внося необходимые коррективы, утвердит его в окончательном варианте.

Что касается рассылки, то рассматривались два варианта, связанных с периодичностью выпуска рекомендуемых изданий. Первый, если программа будет предусматривать работу только с изданиями низкой периодичности, например журналами, то их отправка конечному подписчику будет проводиться по более дешевой карточной системе, что позволит существенно сэкономить бюджетные средства. В случае включения в перечень рекомендуемых изданий газет, возникнет необходимость использования более дорогой адресной системы доставки.

Однако рассматривался и иной вариант реализации программы, когда подписка будет идти не «сверху вниз», а наоборот — исходя из желания подписчика. В этом случае вопрос составления базы данных автоматически отпадает, однако возникает необходимость проведения рекламной и ПР-акции федерального масштаба, целью которой должно стать информирование молодежи о возможности оформления бесплатной подписки на газеты и журналы из предложенного списка рекомендуемых изданий.

В 2012 г. в рамках программы XXI международной конференции АРПП вопрос о льготной подписке затрагивался вновь, были высказаны мнения о необходимости кардинальной корректировки закона применительно к институту подписки.

Состоялось острое обсуждение проблемы относительно сохранения в подписке «предоплатной» системы, когда издатель получает собранную у подписчиков оплату подписного тиража за полгода вперед. Этой схемы работы придерживаются «Почта России» и многие крупные альтернативные агентства.

Вместе с тем фактически общие принципы государственной поддержки печатных средств массовой информации в последние годы не менялись и объем финансирования на эти цели в 2015–2016 гг. практически не увеличивался, а поддержке детской прессы не выделялось какого-то особого места (программы) при выделении субсидий. А ведь в условиях продолжающегося снижения продаж тиражей и рекламы в печатной прессе, а также роста цен на бумагу, полиграфию, доставку и распространение периодики, государственная поддержка могла бы помочь детским печатным СМИ.

В 2016 г. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) осуществляло на конкурсной основе поддержку социально значимых проектов в печатных СМИ на злободневные для общества и государства темы. За прошлый год в Роспечать поступило более 1150 заявок от редакций газет и журналов на выделение соответствующих субсидий. Средства федерального бюджета в объеме 318,5 млн руб. были направлены на поддержку 848 социально значимых проектов в 659 печатных СМИ из 69 субъектов РФ.

Согласно поручениям Президента по итогам I и II медиафорумов независимых региональных и местных средств массовой информации «Правда и справедливость», Роспечать обеспечила приоритет выделения бюджетных средств региональным изданиям, субсидии были распределены следующим образом:

- поддержано 734 проекта в 553 региональных и муниципальных изданиях на сумму 265,0 млн руб., что составило 86,5% от общего числа проектов и 83% от общего объема субсидий;

- 106 федеральных изданий получили поддержку в объеме чуть более 53,5 млн руб. на реализацию 114 социально значимых проектов.

По сравнению с 2015 г. общий тираж социально значимых материалов, выпущенных в рамках проектов при государственной поддержке, составил более 11,4 млн экземпляров.

Согласно закону о федеральном бюджете на 2017 г. Роспечати, на такую же поддержку печатных изданий предусмотрено 355,8 млн руб. Из этих средств около 84% планируется направить на поддержку региональных и местных СМИ, а остальные — на поддержку федеральных изданий¹.

В 2017 г. произошли некоторые подвижки в государственной политике по поддержке детских СМИ. Так, в приказе Роспечати об утверждении порядка отбора организаций-получателей государственной поддержки в области печатных СМИ на 2017 г., впервые акцентировано внимание на том, что «преимущественное право на получение государственной поддержки имеют организации, выпускающие средства массовой информации, распространяемые на территории субъекта Российской Федерации и/или муниципалитета, а также выпускающие детские, молодежные, литературно-художественные, культурно-просветительные, научно-популярные средства массовой информации»².

В июне 2017 г. также была принята Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации³, в которой приобщение детей к чтению и к письменной культуре рассматривается как «необходимое условие формирования нового поколения российских граждан, которым предстоит на высоком интеллектуальном уровне ответить на вызовы современности, обеспечить устойчивое развитие страны в ситуации усиливающейся глобальной конкуренции в экономике, политике, образовании, науке, искусстве и в других сферах.

Поддержку и развитие детского и юношеского чтения необходимо рассматривать как приоритетное направление в культурной и образовательной политике государства, имеющее важнейшее значение для будущего страны».

К сожалению, поддержка детской прессы данной Концепцией не предусмотрена. Речь здесь идет о детской литературе, которая является, как указывают авторы Концепции, фундаментом детского образования. И хотя такая формулировка вполне справедлива, остается только пожалеть, что, например, детские журналы не рассматриваются в Концепции как полезный и эффективный инструмент для формирования интереса у детской аудитории к чтению и познавательной деятельности.

СМИ упомянуты в Концепции скорее как инструмент продвижения детской литературы к читателю. В разделе V Концепции «Основные направления реализации программы» к основным направлениям отнесена и деятельность в медиасфере, направленная на поддержку детского и юношеского чтения. В рамках реализации направления, касающегося медиасферы, предусматриваются:

- формирование системы продвижения детской литературы в медиасфере с вовлечением в эту деятельность общественно значимых фигур и использованием всех каналов коммуникации;
- пропаганда посредством социальной рекламы чтения и детских книг;
- продвижение в медиасфере системы творческих соревнований и конкурсов;
- разработка и запуск на электронных площадках крупнейших российских СМИ

¹ Роспечать: состояние и перспективы развития рынка прессы в России. [Электронный ресурс]. Adindex.ru. // URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/channels/2017/08/21/161820.phtml> (дата обращения: 25.09.2017).

² Там же.

³ Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской библиотечной ассоциации. URL: http://www.rba.ru/content/news/vid_news_str.php?id=6629 (дата обращения: 25.09.2017).

программ для привлечения к чтению детей и юношества с использованием новостных, текстовых, аудиовизуальных и мультимедийных материалов и др.

Финансирование здесь предусматривается исключительно в виде оказания государственной поддержки телевизионным каналам и телестудиям, создающим контент на основе детской литературы и способствующим популяризации чтения.

Таким образом, приходится констатировать, что в последние годы поддержка детских СМИ не находилась в фокусе внимания государства и не рассматривалась как неотъемлемый элемент системы патриотического воспитания молодежи. Этим изданиям не уделялось достаточно внимания в государственной информационной политике. Вместе с тем приходится констатировать, что перспективы развития детских СМИ как самостоятельных экономических субъектов в значительном числе случаев обречены на провал. В качестве рекомендаций можно предложить корректировку как ряда уже принятых документов (например, упомянутой выше «Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации»), так и разработку отдельных программ для поддержки детских периодических изданий. Важным элементов государственной поддержки могла бы стать полная или частичная рекомендация АРПП о субсидировании льготной подписки на детские СМИ, а также разработка иных финансовых механизмов поддержки. И наконец, необходимо рассматривать детскую и молодежную прессу как инструмент патриотического воспитания и инструмент формирования общероссийской идентичности.

Литература

1. *Коханая О. Е.* Аксиологическая функция детских и юношеских СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docme.ru/doc/1184002/614.aksiologicheskaya-funkciya-detskih-i-yunosheskih-smi> (дата обращения: 25.09.2017).
2. *Массмедиа мегаполиса: типология печатных СМИ* / под общ. ред. М. А. Шишкиной; науч. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2009.
3. *Печатные СМИ Санкт-Петербурга* // Expedition Media. 2006. 20 ноября.
4. *Романова Н.* Обзор детских периодических журналов [Электронный ресурс]. URL: <http://materinstvo.ru/art/7530/null> (дата обращения: 25.09.2017).
5. *Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад* / под общ. ред. В. В. Григорьева. М., 2012.
6. *Рябова Т. Г.* Рынок печатных изданий Санкт-Петербурга: современное состояние и тенденции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2009. Вып. 1. Ч. I. С. 115–121.

Об авторах:

Горбатова Наталья Валентиновна, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; gorbatova-nv@sziu.ranepa.ru

Рябова Татьяна Георгиевна, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы факультета философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

References

1. Kokhanaya O. E. Axiological function of childish and junior media [An electronic resource]. URL: <http://www.docme.ru/doc/1184002/614.aksiologicheskaya-funkciya-detskih-i-yunosheskih-smi> (In rus)
2. Mass media of the megalopolis: typology of printed media / under a general edition of M. A. Shishkina; scientific edition of B. Ya. Misonzhnikov. SPb., 2009. (In rus)
3. Printed media of St. Petersburg // Expedition Media. 2006. November 20. (In rus)
4. Romanova N. Review of childish periodic magazines [An electronic resource]. URL: <http://materinstvo.ru/art/7530/null> (In rus)

5. Russian periodicals. State, tendencies and prospects of development. The industry report / under a general edition of V.V. Grigoriev. M., 2012. (In rus)
6. Ryabova T.G. Market of printing editions of St. Petersburg: current state and tendencies // Bulletin of the St. Petersburg University. Series "Philology. Oriental studies. Journalism" [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya «Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika»]. 2009. Issue 1. Part I. P. 115–121. (In rus)

About the authors:

Natalia V. Gorbatova, Associate Professor of the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management of a RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), candidate of political sciences; gorbatova-nv@szu.ranepa.ru

Tatyana G. Ryabova, Associate Professor of the Chair of Public Relations and Advertizing of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)

К вопросу о динамике процессов взаимодействия «избиратели — СМИ»

Малинина С. А.

Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация; malinina_s@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья обращается к проблеме динамики процессов воздействия на аудиторию избирателей из множества источников, включая телевидение, сетевые и печатные СМИ. Всякая теория, в какой бы сфере человеческого существования она не развивалась, выполняет три важные функции: описание, объяснение, предсказание. Это же относится и к теориям, раскрывающим сущность способов и средств политических коммуникаций. В работе рассмотрены три основные социологические методологии оценки роли средств массовой информации в процессе воздействия на аудиторию избирателей. Автором определено, что в связи с состоявшейся глобализацией и технологическим прогрессом, традиционные СМИ потеряли монополию на информацию и, по сути, перестали быть «четвертой властью», а избиратели во многом самостоятельно определяют медиаконтент. Взаимодействие традиционных телевизионных и печатных СМИ (очень часто административно управляемых) с сетевыми (децентрализованными) помогает формировать политическую повестку. Традиционные СМИ выявляют конкретные общественные запросы, сгенерированные в сетевых сообществах, и передают их «наверх».

Ключевые слова: сущность способов и средств политических коммуникаций, роль средств массовой информации, освещение выборов, модели доведения информации до избирателей

To the Question about the Dynamics of the Processes of Interaction «Voters — the Media»

Malinina S. A.

Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States, Saint-Petersburg, Russian Federation; malinina_s@mail.ru

ABSTRACT

This article explores the problem addressing the problem of the dynamics of the processes of influencing voters' audience from a variety of sources, including television, network and print media. Any theory, in whatever sphere of human being it exists, performs three important functions: description, explanation, prediction. The same applies to theories that reveal the essence of ways and means of political communications.

The paper considers three main sociological methodologies for assessing the role of the media in the process of influencing voter audiences.

The author determined that in connection with the globalization and technological progress that has taken place, the traditional media lost the monopoly on information, and, in fact, ceased to be the «fourth power», and voters largely independently determine media content. The interaction of traditional television and print media (very often administratively managed) with the decentralized network helps to form a political agenda. Traditional media identify specific public inquiries generated in online communities, and hand them over to the «pper» levels of government.

Keywords: the essence of ways and means of political communication, the role of the media, coverage of elections, models of bringing information to the voters

Средства массовой информации (СМИ) — значительная сила в современном обществе. Социологи определяют их как связующую среду, в которой медиа и отража-

ют, и создают культуру. Социальные группы и отдельные индивиды постоянно подвергаются информационному воздействию из множества источников, включая телевидение, сетевые и печатные СМИ. Эти воздействия формируют настроения, отношения и восприятия того, что является или не является важным.

Средства массовой информации делают возможным быстрое и массовое создание «знаменитостей»: без возможностей, которые предоставляют СМИ, люди не могут стать известными. В недалеком прошлом было известно лишь незначительное число имен политических и бизнес-лидеров, деятелей искусства. Но только в последнее время члены социальных элит становятся знаменитостями достаточно быстро.

Привычный для нас уровень насыщенности информацией существовал не всегда. Например, в 1960-х и 1970-х годах телевидение состояло в основном всего из нескольких каналов общественного вещания и незначительного количества местных телестудий. Эти каналы могли ориентировать свое воздействие лишь на семьи определенного достатка, поскольку не у всех была возможность приобрести телевизионный приемник.

По данным компании «Медиаскоп», в 2017 г. в целом по России в городах с населением свыше 100 тыс. человек больше всего времени у экрана проводили люди старше 54 лет. Согласно отчету от 20 декабря 2017 г., среднесуточное время просмотра телепередач у россиян старше 54 лет составило в среднем 363 мин в сутки. Россияне в возрасте от 35 до 54 лет смотрели телевизор в среднем в сутки 254 минуты, от 18 до 34 лет — 150 мин, от 4 до 17 — 125 мин¹. В то же время 14% граждан России, согласно данным опроса, проведенного в январе 2018 г. аналитической службой портала «Рамблер», заявили, что вообще не смотрят телевизор².

Можно утверждать, что доступность вещания увеличилась, а количество и содержание контента стало более разнообразным, нацеленным на то, чтобы охватить все возрастные аудитории и домохозяйства с различными доходами, религиозными и иными предпочтениями. Доступность всех слоев населения и широкий охват приводят к тому, что телевидение, по-прежнему, является одним из главных направлений приложения усилий по распространению информации. При этом необходимо обратить внимание на то, что по данным российской Фонда «Общественное мнение» 47% российской телеаудитории обращается к телевизионным передачам, чтобы ориентироваться в текущих событиях в России³.

В последнее время действующие в Интернете СМИ серьезно потеснили телевидение и печатные СМИ по охвату аудитории⁴. Но даже, несмотря на то, что

¹Роскомнадзор подсчитал, сколько россияне смотрят телевизор [Электронный ресурс]. URL: <https://mir24.tv/news/16283374/roskomnadzor-podschital-skolko-rossiyane-smotryat-televizor> (дата обращения: 04.02.2018).

²Число смотрящих телевизор россиян за семь лет упало вдвое [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2017/5a1e69959a794786eca2bcbd> (дата обращения: 04.02.2018).

³Большинство россиян смотрят телевизор, 67% делают это практически каждый день — опрос [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/bolshinstvo-rossiyan-smotryat-televizor-67-delayut-eto-prakticheski-kazhdy-den-opros-173523.html> (дата обращения: 03.02.2018).

⁴Ежемесячная аудитория интернета в России по состоянию на октябрь 2016 — март 2017 г. достигла 87 млн человек, что составляло 71% от всего населения страны. По данным компании «Медиаскоп», аудитория в октябре 2016 — марте 2017 г. достигла 87 млн человек, что составило 71% от всего населения страны. За год российская интернет-аудитория увеличилась на 2%. При этом 66 млн человек, или 54% от населения РФ, пользуются интернетом хотя бы 1 раз в месяц через мобильные устройства, а 20 млн человек — 16% от населения страны — постоянно только с мобильных устройств. [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope.net/press/news/744498/> (дата обращения: 04.02.2018).

интернет «экспоненциально» увеличил свою роль, статистика и мнения относительно масштаба, качества и типа влияния, которые оказывают традиционные СМИ на аудиторию, сходятся в том, что они продолжают оставаться влиятельным актором в современной политической культуре.

Многие государственные учреждения России сегодня имеют не только свои интернет-сайты, но и аккаунты в социальных сетях, обеспечивая тем самым максимальный охват аудитории и информируя население о своей работе. В качестве примера можно привести официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, новостные сообщения которого распространяются среди подписчиков в социальной сети Фэйсбук и других, или страницу МИД России в Фэйсбуке. А, например, телеканал «ВМЕСТЕ — РФ» помимо своего официального сайта имеет аккаунты в Твиттере, Фэйсбуке, ВКонтакте и Ютубе.

В последние годы интернет показал свою эффективность как медиа в ходе избирательных кампаний. Здесь сеть являлась и информационным носителем, и средством пропаганды и агитации, а также средством обеспечения транспарентности избирательного процесса, которая обеспечивается трансляцией процессов голосования и подсчета голосов на избирательных участках посредством веб-камер.

Всякая теория, в какой бы сфере человеческого существования она не развивалась, выполняет три важные функции: описание, объяснение, предсказание. Это же относится и к теориям, раскрывающим сущность способов и средств политических коммуникаций. Так, например, существуют три основные социологические методологии оценки роли средств массовой информации [2]: теория ограниченных эффектов, класс-доминантная теория и культуралистическая теория.

Теория ограниченных эффектов утверждает, что, поскольку люди обычно самостоятельно выбирают, что смотреть или читать, исходя из того, во что они уже верят, СМИ оказывают незначительное влияние. Эта теория возникла и была проверена в 1940-х и 1950-х годах. Исследования, которые изучали способность СМИ влиять на голосование, показали, что хорошо информированные люди больше полагаются на личный опыт, предварительные знания и собственные рассуждения. То есть человек, как объект информационного влияния, проявляет избирательность, когда, подвергаясь воздействию, определяет масштаб своей заинтересованности и направление формирования восприятия информации.

Теория сделала вывод о том, что вместо того, чтобы влиять на мнения, СМИ просто «подкрепляли» существующие мнения. Однако эксперты в сфере средств массовой информации предполагают, что теория скорее ориентирована на изучение вовлечения в дискуссию менее информированной части аудитории. Критики указывают на две проблемы этого подхода.

Во-первых, они утверждают, что теория ограниченных эффектов игнорирует роль СМИ в определении предмета дискуссии и определения ограничений для обсуждаемых вопросов. То, как СМИ формируют дискуссию и какие вопросы ставят, уже само по себе определяет результаты обсуждения и выводы, к которым приходят люди. Во-вторых, эта теория возникла, когда доступность и доминирование СМИ были гораздо менее распространены.

Так, например, Лазарсфельд (Lazarsfeld) отметил, что колеблющиеся (wavers) и изменившие свое мнение (converts) были относительно более подвержены влиянию в процессе межличностных коммуникаций, чем под воздействием СМИ. Эти люди следуют мнению влиятельных для них людей. Лазарсфельд, таким образом, разделил избирателей на категории: «следующие мнению» (Opinion Followers), «привратники» (Gate keepers), «среда обмена информацией» (Media), «лидеры мнения» (Opinion Leaders).

Его модель устанавливает, что СМИ на начальном этапе фильтруются «привратниками», чьи личные предпочтения оказывают влияние на интерпретацию событий¹. Медиагейткиперы (т. е. журналисты, редакторы) обладают полномочиями управлять «воротами» (т. е. СМИ) через которые контент-информация доставляется целевой аудитории, регулируя ее объем и содержание. С этой точки зрения они обладают властью над теми, кто хочет быть проинформированным (аудиторией), а также теми, кто хочет получать информацию для влияния на свое окружение (политики, общественные деятели, ученые и т. д.).

Так, например, встречаясь по сути с одной и той же материальной реальностью, медиа воспроизводят ее различные версии — формируют «социальную реальность» для различных групп. Затем эти версии доходят до активных пользователей СМИ — лидеров общественного мнения. Отфильтрованная таким образом версия затем распространяется среди менее активных пользователей СМИ, которые, по сути, являются большей частью общества, а она, в свою очередь характеризуется тем, что ее представители ищут информацию, которой им надлежит руководствоваться.

Таким образом, теория Лазерсфельда, являясь по своей сути классовой, устанавливает, что влияние медиа определяется (является объектом) интерпретацией элит и образованными людьми. Она также подразумевает, что межличностные коммуникации играют большую роль в формировании мнений, нежели сами медиа. К тому же она устанавливает значение роли «влияющих» и «привратников» в процессе деятельности массмедиа.

Класс-доминантная теория² утверждает, что СМИ отражают и продвигают мнение контролирующей их элиты, которая является меньшинством. Причем, элитой являются люди, которые контролируют корпорации, создающие СМИ. Сторонники этой точки зрения предполагают, что при ограниченном числе владельцев СМИ, именно эти незначительные по размеру элиты могут определять то, что люди могут видеть или слышать (информационный контент).

Эта проблема связана с проблемой спонсорства, поскольку в большей части СМИ финансируются за счет продаж рекламы. Сети направляют свое воздействие на максимально возможную аудиторию, потому что чем больше их привлекательность, тем больше становится потенциальная покупательская аудитория и более легко продавать рекламное время. При этом новостные СМИ могут уклоняться от негативных историй о членах элит, которые финансируют крупные рекламные кампании в данном СМИ.

Критики этой теории опровергают эти аргументы, говоря, что местный контроль над новостными СМИ во многом лежит вне досягаемости крупных корпораций и что качество новостей зависит от хороших журналистов. Они утверждают, что даже менее мощные в финансовом смысле и не контролируемые СМИ акторы часто получают полноценное освещение в средствах массовой информации. В качестве примеров называют многочисленные экологические инициативы, антиядерное движение и др.

Хорошей иллюстрацией этого может служить деятельность СМИ в предвыборной кампании Д. Трампа. Кандидат в Президенты США, в действительности рассматривавший предвыборную кампанию лишь как маркетинговый ход и не желавший быть избранным, отказался от сотрудничества с традиционно поддерживающей республиканцев компанией FoxNews, имеющей \$ 1,5 млрд ежегодного дохода,

¹ Craig, Richard T. Mass Communication and Policy Gatekeeping. Oxford Research Encyclopedias. Online Publication Date: Jul 2017/ DOI:10.1093/acrefore/9780190228613.013.290 [Электронный ресурс]. URL: <http://communication.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-290> (дата обращения: 12.01.2018).

² Domhoff, W. The Class-Domination Theory of Power. [Электронный ресурс]. URL: http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/power/class_domination.html (дата обращения: 18.01.2018).

в пользу BreitbartNews с \$ 1,5 млн ежегодного дохода [7]. Причина — желание сэкономить. Но правильно выбранная медиагруппой стратегия и ориентация усилий на тщательно определенную аудиторию привели к ошеломляющему результату.

В то время, как большинство экспертов говорят о том, что именно корпоративная элита контролирует СМИ, один из вариантов этого подхода утверждает, что в действительности СМИ контролируется политически «либеральной» элитой. Они указывают на то, что журналисты, будучи более образованными, чем население в целом, придерживаются более либеральных политических взглядов, считают себя, например, «левыми» и, скорее всего, привержены демократическим взглядам. Они также указывают на примеры из самих средств массовой информации, что именно СМИ чаще всего сами определяют политиков «консервативными», либо «либеральными», несмотря на то, что те таковыми могут и не являться.

Культуралистическая теория¹, появившаяся в 1980-х и 1990-х годах, объединяет две вышеприведенные теории и утверждает, что люди взаимодействуют со СМИ, чтобы создавать свои собственные смыслы из изображений и сообщений, которые они получают. Эта теория рассматривает аудиторию как занимающую активную, а не пассивную роль в отношении средств массовой информации. Одно из направлений исследований сосредоточено на аудиториях и том, как они взаимодействуют со средствами массовой информации; другая область исследований сосредоточена на тех, кто производит новости или другой информационный контент.

Теоретики подчеркивают, что аудитория выбирает, что и сколько смотреть в широком спектре имеющихся опций. Люди интерпретируют предлагаемый им материал на основе собственных знаний и опыта, будь то текстовые или мультимедийные изображения и сообщения. Если попросить разные группы объяснить смысл конкретного сюжета, группы дадут широко расходящиеся интерпретации в зависимости от возраста, пола, расы, этнической принадлежности, вероисповедания и т. д. С точки зрения культуралистической теории, несмотря на то, что элиты, контролирующие медиакорпорации, определяют создание и распространение контента, личное восприятие индивидов играет более важную роль в его интерпретации.

Подготовка восприятия менее активных пользователей СМИ («следующих мнению») зависит от динамических взаимодействий между тремя ключевыми факторами процесса освещения выборов: общественной поддержки, общественных интересов и освещения в СМИ.

Общественная поддержка — это количественная и качественная оценка намерений голосовать за конкретного кандидата. Общественная поддержка, как правило, измеряется с помощью опросов общественного мнения с использованием вопросов, например: «Если сегодня состоятся президентские выборы, а кандидаты будут такими, как указано ниже, за кого вы проголосуете?»

Общественный интерес — это также количественная и качественная оценка того, насколько данная группа потенциальных избирателей хочет получить доступ к информации о конкретном кандидате. Интерес не обязательно означает поддержку, избиратели могут желать получить необычную, или даже шокирующую информацию о кандидате.

Охват СМИ — это масштаб освещения кандидата в медиа.

Общественная поддержка, общественные интересы и освещение в СМИ циклично и взаимно влияют друг на друга: избиратели могут заинтересоваться кандидатом после появления его в новостях. Журналисты, в свою очередь, могут больше освещать кандидата, когда определяют, что поддержка этого кандидата растет. Интерес может предшествовать поддержке, поскольку избиратели сначала запра-

¹Media Culturalist theory [Электронный ресурс]. URL: <http://waqasibnnazir.blogspot.ru/2012/11/media-culturalist-theory.html> (дата обращения: 11.01.2018).

шивают информацию о кандидате, прежде чем принять решение о том, как голосовать. Нам необходимо понять динамику этого процесса, чтобы понять, как освещение в СМИ, общественные интересы и поддержка создают победителей и проигравших во время выборов.

Средства массовой информации действуют как «привратник», эффективно решая, подвержена ли публика сомнениям в отношении кандидатов [5]. Освещение в СМИ особенно важно на начальном этапе избирательной кампании, поскольку избиратели в это время, в отличие от непосредственно выборов, могут уже предварительно определиться с предпочтениями между несколькими вероятными кандидатами даже от одной и той же партии. Это означает, что они возможно и не станут следовать рекомендациям «своей» партии по выдвинутой кандидатуре при принятии решения о подаче голоса.

Следовательно, кандидаты должны заранее привлекать внимание СМИ, чтобы повысить свою узнаваемость и получить поддержку избирателей. Решив, кого освещать, пресса эффективно определяет место кандидатов в процессе. Хотя мы знаем, что освещение в СМИ влияет на первоначальный выбор избирателя, нам мало известно о динамике взаимодействия освещения в СМИ, общественных интересов и поддержки на начальном этапе избирательной кампании.

Органы государственной власти, будучи сами по себе легитимными источниками новостей, во многом определяют содержание контента, который распространяют СМИ. Но в то же время с развитием интернет-технологий, в связи с состоявшейся глобализацией, традиционные СМИ потеряли монополию на информацию, и, по сути, перестали быть «четвертой властью». Избиратели во многом самостоятельно определяют медиаконтент.

В данном случае взаимодействие традиционных телевизионных и печатных СМИ (очень часто административно управляемых) с сетевыми (децентрализованными) помогает формировать политическую повестку. Традиционные СМИ выявляют конкретные общественные запросы, сгенерированные в сетевых сообществах, и передают их «наверх». Следовательно, уже до начала предвыборной кампании, кандидаты должны формировать свое видение общественной повестки и создавать свою узнаваемость в сети, которая неизбежно будет вынесена на более высокий уровень традиционными СМИ.

В качестве примера можно привести триумф партии Бхаратия Джаната (BJP), которая получила 427 из 552 мест в Лок Сабхе — нижней палате парламента Индии, в результате чего премьер-министром стал Н. Моди. Эти выборы 2014 г. получили название *twitterelection*, поскольку все основные идеи кандидата были освещены в социальных сетях, и активные пользователи стали его электоратом. При этом доступ к интернету в Индии в то время имели всего 19% населения. Главной же причиной такого результата выборов стало то, что сетевые активисты смогли подвергнуть сомнению объективность работы административно контролируемых новостных каналов¹.

Отметим, что количество моделей (приемов, способов политических коммуникаций) доведения информации до избирателей, которым возможно следовать в рамках реализации целей и задач освещения выборного процесса, значительно. Обращение к любой из них должно основываться в первую очередь на социологических характеристиках аудитории, к которой обращаются СМИ, а также доступных финансовых, временных ресурсах и учитывать институциональные ограничения.

¹Yelegaonkar, Shrikant. Media Effects on Political Elections (September 1, 2014). Indian Streams Research Journal, Vol. 4, N 8, September 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2498823> (дата обращения: 22.01.2018).

Например, для воздействия на человека информация должна соответствовать социальной роли, в которой он себя определяет в повседневной жизни. Тактика убеждения людей, заставляющая их играть необходимую социальную роль в обществе (altercasting) [4], предполагает избирательное и самостоятельное использование людьми информации из медиаконтента СМИ, соответствующей ощущаемой ими роли. Использование данной тактики означает, что мы «вынуждаем» аудиторию принять определенную роль и, соответственно, воспринимать определенную информацию. Это может происходить в форме признания социальной роли («Вы, как патриот, должны ...»), либо в противопоставлении кому-то («Они наши геополитические противники...»).

Также можно обращаться к теории «культивирования» («актуализации»). Данный прием предполагает, что воздействие телевидения осуществляется только в длительной перспективе, небольшими, постепенными, косвенными воздействиями, но эти последствия кумулятивны и значительны. Телевидение отвечает за формирование или «культивирование» представлений зрителей о социальной реальности.

Совокупный эффект массового телевизионного воздействия зрителей со временем тонко формирует восприятие социальной реальности для отдельных лиц и, в конечном счете, для нашей культуры в целом. СМИ связывают общество, поддерживают и пропагандируют общие ценности и, тем самым, развивают политические перспективы. При этом формируются общие убеждения о повседневном мире, а затем модели конкретных отношений между членами общества [1].

Очень схож с «культивированием» и другой прием доведения информации — «создание эстетической среды повседневной жизни» [6].

Теория зависимости медиасистемы предполагает создание интегральной взаимосвязи между аудиториями, СМИ и более широкой социальной системой. На степень зависимости людей от средств массовой информации влияют два фактора. Лицо является зависимым только от тех СМИ, которые удовлетворяют его потребностям.

Также эта зависимость определяется социальной стабильностью. При социальных изменениях могут меняться предпочтения к различным СМИ. То есть потребности людей в информации, мотивы и использование средств массовой информации зависят от внешних факторов [3]. Следовательно, выходя из равновесия социальную систему, можно добиваться обращения аудитории к другим СМИ.

Приведенные выше приемы воздействия на аудиторию не являются исключительными. Технологическое и социальное развитие идут рука об руку, порождая новые способы, средства и каналы доведения информации до аудитории. Аудитория, в свою очередь, оказывает влияние на решения, принимаемые органами государственной власти, уходя из зоны охвата одних СМИ к другим.

Вследствие этого динамика взаимодействия как краткосрочных, так и длительных общественных интересов, взрывное развитие технологической среды, меняющее общество, традиционных и новых средств массовой информации, находит естественное отражение в технологии освещения выборов, в ознакомлении аудитории с кандидатами на выборные должности и, в свою очередь, оказывает влияние на формирование их политической повестки.

Литература / References

1. Condry, J. The Psychology of Television. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. Hillsdale, New Jersey, Hove and London. 1989. 344 p.
2. Lazarsfeld, Paul F., Bernard B., Hazel G. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. (Second edition.) P. xxxiii, 178. New York: Columbia University Press, 1948.

3. *Littlejohn, S.W.* Theories of Human Communication (6th ed.). Albuquerque, NM: Wadsworth Publishing. 1999. P. 351–354.
4. *Pratkanis, A.R.* Altercasting as an influence tactic. In D.J. Terry & M.A. Hagg (eds.), *Attitudes, Behaviour and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah, NJ : Lawrence Earlbaum Ass. 2000. P. 201–226.
5. *Shoemaker, Pamela J., Vos, Timothy P.* Gatekeeping Theory. New York: Routledge, 2009.
6. *Silverstone, R., Haddon, L.* (1996). Design and the domestication of information and communication technologies: technical change and everyday life. In: Mansell, Robin and Silverstone, Roger, (eds.) *Communication by Design: The Politics of Information and Communication Technologies*. Oxford University Press, Oxford, UK, P. 44–74.
7. *Wolff, M.* Fire and Fury: Inside the Trump White House. PROLOGUE: AILES AND BANNON. Published January 5th 2018 by Henry Holt and Co. Hardcover.

Об авторе:

Малинина Светлана Анатольевна, Руководитель пресс-службы Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург, Российская Федерация); malinina_s@mail.ru

About the author:

Svetlana A. Malinina, Chief, Press Service of the Secretariat of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States, Saint-Petersburg, Russian Federation; malinina_s@mail.ru

История взаимоотношений РПЦ и Ватикана в 20-е годы XX века

Филонов В. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления — филиал), Орел, Российская Федерация; filonovi@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются взаимоотношения Русской православной церкви (РПЦ) и Римско-католической церкви (РКЦ) в 20-е годы XX в. В этот период взаимодействие православных России и католиков не могло осуществляться по причине установления советской власти. Атеистическая политика большевиков прервала возможность развития диалога с Ватиканом. Подобная ситуация была характерна для взаимодействия РПЦ и с другими христианскими вероисповеданиями. Однако оказывала помощь в налаживании отношений с Ватиканом русская эмиграция. Во второй половине 20-х годов отношения РПЦ с Ватиканом начали возобновляться по причине заинтересованности советского правительства выйти на международную арену. По этой причине в этот период прошел ряд встреч представителей РПЦ с католиками.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Римско-католическая церковь, СССР, униаты, экуменизм

History of Relationship of ROC and Vatican in the 20th of the 20th Century

Filonov V. I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, Branch of RANEP), Orel, Russian Federation; filonovi@mail.ru

ABSTRACT

In article relationship of the Russian Orthodox Church (ROC) and the Roman R Catholic church (payment processing center) in 20-e years of the 20th century are analyzed. During this period interaction of Orthodox Christians of Russia and Catholics couldn't be carried out because of establishment of the Soviet power. Atheistic policy of Bolsheviks has interrupted a possibility of development of dialogue with Vatican. The similar situation was characteristic of interaction of ROC and with other Christian religions. However the Russian emigration assisted in building relations with Vatican. In the second half of the 20th of the relation with ROC with Vatican have begun to renew because of interest of the Soviet government to come to the international scene. For this reason during this period there has taken place a number of meetings of representatives of ROC with Catholics.

Keywords: Russian Orthodox Church, Roman Catholic Church, USSR, uniats, ecumenism

На протяжении всего исторического процесса изначально единое христианство раскалывалось на отдельные конфессии. Большую роль в этом играли не столько богословские, сколько политические, национальные и культурно-цивилизационные различия. Наиболее масштабной датой в разделении между католиками и православными стал 1054 г., когда были осуществлены взаимные анафемы легатов папы и патриарха Константинопольского. Константинополь был поддержан Восточными патриархами и рядом поместных церквей, в том числе Русской православной церковью (РПЦ).

Каждая из образовавшихся конфессий заявляла свою аутентичность всему христианству, и до появления протестантизма проблема церковного воссоединения

касалась в первую очередь православных и латинян. Стали возникать первые унии (unio — единение), возник унионизм. Унионизмом является такое объединение христианских конфессий, когда объединяющиеся церковные структуры сохраняли свои обычаи, но административно подчинялись одному церковному центру. В настоящее время эта модель объединения считается ошибочной даже самими католиками, поскольку приводит к новым разделениям [2, с. 99].

Начало взаимоотношений Русской православной церкви с католиками началось еще в период становления Древнерусского государства. Продолжалось взаимодействие и с установлением советской власти.

С лета 1920 г., когда патриарх Тихон во всеуслышание сообщил о сочувствии мыслям о примирении православия и католичества, благословив проводить открытые собрания с лекциями и дискуссиями по этой теме, ГПУ установила наблюдение за общинами русских католиков в Москве и Петрограде.

Но и в этот период католики продолжали холодно относиться к экуменическим попыткам англикан [8, с. 200]. Так, виконт Галифакс вторично пытался наладить контакты англикан с Римско-католической церковью с помощью католического священника Ф. Порталья и при поддержке кардинала Дезире-Жозефа Мерсье (1851–1926), архиепископа Брюссельского и примаса Бельгии. В 1921 г. под председательством Д.-Ж. Мерсье начались переговоры в Малине (Мехелене) «Малинские беседы», которые носили неофициальный характер. Они проходили до смерти кардинала Мерсье в 1926 г. и о. Ф. Порталья и, не получив поддержки Папы, закончились ничем.

В январе 1922 г. Бенедикт XV умер и в феврале на престол взошел кардинал Акилле Амброзио Ратти, принявший имя Пия XI (р. в 1857 г., папа в 1922–1939 гг.). В его понтификат ухудшается отношение к протестантам и экуменизму, и не улучшается к православным. Он заявил: «Меня избрало провидение для создания церковной унии в борьбе против Советского Союза». Католические экуменисты назвали его эпоху понтификатом «обманутых надежд». Но курия прекратила связи с русскими монархистами.

Предложение папы, в ответ на призыв патриарха Тихона помочь в борьбе с голодом, породило соглашение о так называемой папской миссии помощи, подписанное в марте 1922 г. и ставшее единственным договором советской власти с Ватиканом. Посланникам предоставлялась свобода места проживания и работы, но они отказывались от враждебных действий, подчинялись советским законам, и правительство могло их отозвать. Миссию возглавил Э.А. Уолш. Он имел право вести переговоры, подразумевая соединение церквей. В СССР это понимали [5, с. 9]. Курия решила превратить миссию в представительство, но правительство объявило о ее высылке. В ноябре 1923 г. Уолша отозвали, а затем и всю миссию.

В том же 1924 г. в Риме с эмигрантским митрополитом Евлогием (Георгиевским) (1868–1948) решили встретиться иезуит д'Эрбиньи (1880–1957), которого эмигрант Н.Д. Жевахов считал «за искреннего друга России» и русские католики — А. Волконский и о. Абрикосов. Они подняли вопрос о соединении церквей. Митрополит сказал, что это «святая идея», но прежде, чем о нем говорить, надо «путь расчислить». В частности, он упрекнул католиков в пропаганде, направленной на православных детей. Кроме того, он сказал о фактах удушения православия в Польше и отказался встретиться с Римским папой. Неудачей закончились и другие попытки. Так, иезуит С. Тышкевич пытался наладить отношения со студентами Парижского института, приглашая их в летний лагерь. Но из бесед о соединении церквей у него ничего не вышло, и он прекратил попытки.

В католицизме изучалась восточная традиция, и предпринимались шаги в отношении русских эмигрантов. В 1925 г. бенедиктинский монах о. Дом Ламбер Бодуэн (1873–1960), при поддержке ревнителя соединения христиан кардинала

Мерсье, основал бенедиктинско-православный «Монастырь объединения» в Аме-сюр-Мез (Бельгия), подчиненный Конгрегации восточных церквей РКЦ. В 1939 г. монастырь переехал в местечко Шеветонь (Шевтонь, Шоветонь), в 70 км от Брюсселя, в Бельгии.

В обоих католических монастырях жили и православные, и католики, совершались как католические, так и православные богослужения, на которых присутствовали представители обеих конфессий. Монахи изучали творения византийских и латинских Отцов церкви, почитали католических и православных святых, изучали труды православных богословов, в том числе полемические. Основатели были убеждены, что разделение христиан не выдержит испытания временем. Причины разделения считали историческими, а не богословскими. Изданием литературы занималось брюссельское издательство «Жизнь с Богом», руководителем которого была И. Поснова, дочь церковного историка М. Поснова. Издательство печатало для России Евангелия и молитвословы, жития святых. Большинство книг, созданных в Шевтонии, оказывались агитационными и богословско-поверхностными, стремящимися обеспечить господство католиков в диалоге с православием. Выходил и журнал «Irénikon» (Примирение).

Бенедиктинцы аббатства пытались наладить отношения с Богословским институтом в Париже, но в результате несколько их студентов ушли в институт. Тогда «русскую акцию» передали доминиканскому центру «Истина» в Лилле (затем перенесенному в Париж), пропагандировавшему восточный обряд. Но переходов в католичество восточного обряда в эмиграции было немного. Хотя имелось несколько отпадений в клире — священники: Цебриков, Дейбнер, Федоров, Диодор Колпинский и архимандрит Сергей Дабич примкнули к унии. Но большинство из них ранее уже переходили в католицизм, а затем вернулись в православие.

В противовес восточному обряду в католичестве, в эмиграции появился западный обряд в православии. Такие попытки делались сначала в Польше, а затем в Париже в патриаршей юрисдикции. Так, епископ Людовик Винарт получил хиротонию от старокатоликов, женился, отошел от них и основал Католическую евангелическую церковь. Позже искал сближения с евлогиевцами, но постригшись в монашество под именем архимандрита Ириней, был принят митрополитом Елевферием в сущем сане пресвитера в юрисдикцию РПЦ. За его общиной сохранили западный обряд. Но когда он умер, его священники перерукоположили. Священник западного обряда в Голландии о. П. Глазема перешел из юрисдикции РПЦ к Евлогию. Кардинал Вердые даже издал послание, запретив католикам посещать православные храмы [3, с. 47].

Неудачные переговоры с СССР подтолкнули папу к организации в июне 1925 г. комиссии по делам России — «Pro Russia» при конгрегации Восточных церквей и созданию в России католической иерархии.

Иезуит Мишель Д'Эрбины, рассматривавший невзгоды РПЦ как удобный повод для распространения папского влияния, в октябре 1925 г. в составе американской миссии помощи голодающим посетил Москву, где проходил второй обновленческий Собор. Д'Эрбины восторгался обновленцем Александром (Введенским), приветствовал Живую церковь и надеялся, что большой дипломатический опыт поможет Ватикану в соглашении с советскими властями [1, с. 555].

По свидетельству снявшего с себя позже сан бывшего Ленинградского митрополита Н.Ф. Платонова, Д'Эрбины завязал тесные отношения с руководителями обновленцев митрополитами Введенским и Боярским. Так, обновленческий митрополит Московский Серафим (Руженцов) заявлял: «Мы не можем смотреть на католичество враждебно, а скорее следует принимать его как двоюродную сестру... есть католики, которые чувствуют родство своих вождедений с идеями обновленчества».

Д'Эрбины встречался также с представителями власти и деятелями тихоновской церкви: с митрополитом Петроградским Иосифом (Петровых) (1872–1937)

и с митрополитом Петром (Полянским) (1862–1937), поручившим епископу Сергиевскому Варфоломею (Ремову) (1888–1935) рассказать о положении церкви.

Д'Эрбиньи вспоминал, что Варфоломей (Ремов) обвинял епископов-эмигрантов в несчастьях РПЦ, поскольку они, думая о себе, не спасли царской фамилии, без благословения патриарха Тихона оставили свои епархиальные кафедры и уехали за рубеж, где действовали помимо его воли. Историк церкви В. Цыпин считает, что за этими словами скрывалось желание оправдаться в глазах гражданских властей [4, с. 100].

Будучи в эмиграции с начала 1926 г. русский философ Н. Бердяев (1874–1948) привлек представителей православной, католической и протестантских церквей к участию в «экуменических беседах» в «кружке интерконфессиональных исследований», организованном им в 1925 г. первоначально в «русском доме» на бульваре Монпарнас. Присутствие русских, как считал известный эмигрант-экуменист Н. М. Зернов (1898–1980), помогало общению среди разделившихся западных христиан, которые прежде часто избегали друг друга. Самыми активными участниками встреч были: протестантский пастор Марк Бегнер (глава протестантских церквей Франции), профессор Лесерер (ортодоксальный кальвинист) и Вильфред Моно (представитель радикального и социально радикального течения в протестантизме), католик Жак Маритен (неотомист). В беседах иногда также участвовали: Эдуард Леруа, о. Ж. Лебретон, о. Л. Лабертоньер (представитель радикального течения католического модернизма), о. Л. Жиле (впоследствии генерал доминиканского ордена) и др. С русской стороны присутствовали религиозные философы: С. Булгаков, В. Зеньковский, Б. Вышеславцев, Г. Флоровский, Г. Федотов и др.

Участниками встреч и дискуссий были и представители молодого поколения русской эмиграции, например молодой литератор князь Д. А. Шаховской — впоследствии известный архиепископ Иоанн Сан-Францисский и Западно-Американский Американской православной церкви.

Как писал о. Г. Флоровский, «это было одновременно встречей и конфронтацией. Конфронтация часто была острой и горячей, но всегда в духе взаимного уважения и доверия... Эти встречи научили меня ценить значение и потенциал экуменического диалога».

Как вспоминал Н. Бердяев, эти собрания первоначально были очень многолюдны, и он даже опасался, что они «станут модными». При этом он отмечал, что «происходила настоящая мистификация», поскольку его и С. Булгакова высказывания принимались как «голос церкви» православной [6, с. 84].

Но в этом формате встречи продолжались лишь два года. Затем, с 1928 г., когда Н. Бердяев предложил больше обсуждать мистическую сторону христианства, а Ж. Маритен поставил условие, чтобы католики не присутствовали на собраниях вместе с протестантами, меньшая по составу группа, включавшая лишь католиков и православных на протяжении нескольких лет, продолжала неофициальные частные встречи «бердяевские коллоквиумы» в доме Н. Бердяева в Клармаре. На них появились такие новые лица, как Шарль дю Бос и Габриэль Оноре Марсель (1889–1973) (неосократист) [7, с. 48]. Бывал также Л. Масиньен (специалист по мусульманской мистике) и Этьен Жильсон (специалист по средневековой философии), который иногда и председательствовал. Постоянными посетителями собраний стали также граф де Панж, Фюме, Дерменгем, бывал Мунье и некоторые духовные лица — «цвет французского католичества».

На этих встречах у Н. Бердяева в дружеской атмосфере обсуждались вопросы богословского и философского характера. В своих дневниках Ж. Маритен писал, что заслушивалось, например, сообщение Л. Масиньена о Кристине Чудесной, которое состоялось 5 марта 1929 г. После него состоялась дискуссия с Г. Флоровским о соискупительном страдании [10, с. 74].

Эти интерконфессиональные собрания продолжались до 1930 г. Однако принципиальные расхождения во мнениях между «либеральной» группой во главе с Н. Бердяевым и «консервативной» во главе с Ж. Маритеном и Г. Флоровским привели к прекращению регулярных встреч, хотя неформальное общение между французскими католиками и православными продолжалось.

8 июля 1927 г. Конгрегация вероучения издала декрет, запрещающий католикам участвовать в экуменических инициативах. Диалог с православием был заморожен. Еще 29 января 1927 г. было введено ограничение, по которому православных предписывалось приглашать не на открытые заседания, а лишь на индивидуальные встречи.

В 1927 г. в Риме была основана коллегия (колледж) «Руссикум» (*Collegium russicum*) имени св. Терезы с пансионом для русских католиков, находившуюся в руках иезуитов, с целью: «привлекать симпатии к русскому благочестию среди латинян и тем создавать атмосферу взаимной любви между христианами, которая должна привести их к церковному единению». Занятия в коллегии начались 1 ноября 1929 г. Здесь изучали русский язык, историю и географию СССР, догматику и обрядность Русской православной церкви.

Различными католическими религиозными орденами в Европе, Китае и Америке для детей русских изгнанников были основаны несколько школ и приютов.

В феврале 1928 г. д'Эрбиньи дал католическому епископу в России Пию (Неве) право тайно принимать в лоно католицизма православное духовенство. Принятые, как криптокатолики (т.е. тайные католики), должны были подчиняться папскому администратору, не выполняя православных распоряжений. В 1928 г. Ремова, сблизившегося с Неве, принудили сотрудничать с ГПУ. Обновленцы тоже говорили об унии, хотя католики им не доверяли. В конце года к Неве пришел их епископ Николай Русанов от имени пяти епископов и нескольких священников. Им разрешили исповедовать католичество в славянском обряде. В ноябре 1929 г. Пий (Неве) сообщил в Рим о неоднократных контактах как с «сергиевскими» епископами, так и с «обновленческими» архиереями. Причем последние свободно и охотно говорили о Римском папе и будущей унии. Позднее Неве сообщил о желании пяти обновленческих архиереев и группы клириков во главе с епископом Владимиром (Розановым) соединиться с Римом. В ответ на зарос из Ватикана сообщили, что до принятия решения клирики на богослужениях должны придерживаться «славянского» обряда [9, с. 214].

Папа возлагал надежды на Муссолини, считая, что он не заинтересован в конфликте, чреватом катастрофой. Латеранские соглашения 1929 г. были восприняты в СССР как возвращение папе светской власти и отношения с Ватиканом прекратились. 2 февраля 1930 г. папа призвал к молитве за гонимую русскую церковь, а 19 марта понтифик совершил службу за Россию, окончание гонений и соединение церквей, объявив молитвенный крестовый поход. Настроения христианской общественности оказывали влияние на позицию руководства стран Запада, а правительство СССР боялось оказаться в изоляции. Поэтому власти заставили митрополита Сергия дать два интервью, в которых он согласился отвергнуть факты гонений на РПЦ в СССР, обвинил папу в поджигании войны и желании «окатоличить нашу церковь».

Архиепископ Филипп (Гумилевский), управлявший Московской епархией, написал папе, что настал момент соединения церквей. Он сообщал, что после лживых заявлений, «подтвержденных... митрополитом Сергием», верующие и духовенство отделились от «сергианского Синода» и просил помощи. С 15 на 16 февраля 1931 г. его арестовали.

Литература

1. *Василенко Л. И.* Бердяев Н. А. // Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002. С. 555.
2. *Доброер А.* Православно-католические отношения во второй половине XIX в. Введение // Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. М., 2001. С. 99–101.

3. Ливцов В. А. Русская православная церковь и экуменическое движение в XX веке. М., 2000.
4. Ливцов В. А., Исаев А. В., Власов Ю. И. Религиозный экстремизм в Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 1. С. 99–106.
5. Меркулов П. А. История государственной молодежной политики России: перспективы изучения // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 10 (37). С. 9–12.
6. Меркулов П. А. Государственная молодежная политика как инструмент в борьбе с экстремизмом // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 4. С. 83–90.
7. Рамм Б. Я. Вселенский Собор 1962 г. и католическая догма о единой церкви // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Вып. VI. Критика современной религиозной идеологии. М.-Л., 1962.
8. Токарева Е. С. Отношения СССР и Ватикана в годы Второй мировой войны // Россия и Италия. Вып. 3. XX в. М., 1998. С. 200–201.
9. Федотов С. П. Взаимоотношения Русской православной и Англиканской церквей в 80–90-е годы XIX века. Историко-культурный аспект // Университетский научный журнал. 2017. № 28. С. 213–217.
10. Федотов С. П. История взаимоотношений Русской православной церкви и Оксфордского движения Англиканской церкви в первой половине XIX века // Научное мнение. 2015. № 11–4. С. 73–76.

Об авторе:

Филонов Владимир Иванович, заведующий кафедрой истории и международных отношений Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (Орел, Российская Федерация), доктор исторических наук; filonovvi@mail.ru

References

1. Vasilenko L.I. Berdyaev N.A. // Catholic encyclopedia [Katolicheskaya entsiklopediya]. V. 1. M., 2002. P. 555. (In rus)
2. Dobroer A. The Orthodox and Catholic relations in the second half of the 19th century. Introduction // Orthodoxy and Catholicism: from confrontation to dialogue [Pravoslavie i katolichestvo: ot konfrontatsii k dialogu]. M., 2001. P. 99–101. (In rus)
3. Livtsov V.A. Russian Orthodox Church and the ecumenical movement in the 20th century. M., 2000. 205 p. (In rus)
4. Livtsov V.A., Isaev A.V., Vlasov Yu.I. Religious extremism in the Oryol region // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2016. V. 11. N 1. P. 99–106. (In rus)
5. Merkulov P.A. History of the state youth policy of Russia: the prospects of studying // Service in Russia and abroad [Servis v Rossii i za rubezhom]. 2012. N 10 (37). P. 9–12. (In rus)
6. Merkulov P.A. The state youth policy as the tool in fight against extremism // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. V. 10. N 4. P. 83–90. (In rus)
7. Ramm B.Ya. Ecumenical council of 1962 and Catholic dogma about uniform church // Year-book of the museum of history of religion and atheism. Issue VI. Criticism of modern religious ideology [Ezhegodnik muzeya istorii religii i ateizma. Vyp. VI. Kritika sovremennoi religioznoi ideologii]. M.-L., 1962. (In rus)
8. Tokareva E.S. The relations of the USSR and Vatican in the years of World War II // Russia and Italy [Rossiya i Italiya]. Issue 3. The 20th century. M., 1998. P. 200–201. (In rus)
9. Fedotov S.P. Relationship of the Russian Orthodox and Anglican churches in the 80–90th years of the 19th century. Historical and cultural aspect // University scientific journal [Universitetskii nauchnyi zhurnal]. 2017. N 28. P. 213–217. (In rus)
10. Fedotov S.P. History of relationship of Russian Orthodox Church and Oxford movement of Anglican church in the first half of the 19th century // Scientific opinion [Nauchnoe mnenie]. 2015. N 11–4. P. 73–76. (In rus)

About the author:

Vladimir I. Filonov, Head of the department of history and international relations of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russian Federation), Doctor of Sciences (History); filonovvi@mail.ru

Национальная модель российской протоглянцевой журнальной периодики XVIII–XIX вв.

Лыткина Л. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lvlytkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию путей становления и эволюции российской протоглянцевой журнальной периодики XVIII–XIX вв. Анализ форматных характеристик журналов «Зритель света», «Модное ежемесячное издание», «Городская и деревенская библиотека», «Лекарство от скуки и забот», «Чтение для вкуса, разума и чувствований», «Санкт-Петербургский Меркурий», «Что-нибудь от безделья на досуге», «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», изданий кн. П. И. Шаликова и др. позволил установить: 1) все журналы названного направления имели целью не столько представить особенности светской жизни Европы второй половины XVIII в., зафиксировать некие модные тенденции, сколько просветить российских читателей, исследовать принципы формирования такого образа жизни, который допускает при постоянном нравственном совершенствовании находить отдохновение в «увеселении сердца и разбиении скучных мыслей отличными, забавными, смешными и замысловатыми сказаниями»; 2) предметно-тематическая область рассматриваемых изданий располагалась в соответствии с интересами российского молодого дворянского сословия, состоящего при службе, но имеющего достаточно времени и интереса к знакомству с «забавами и удовольствиями», стремящегося получать «лекарство от скуки и забот»; 3) по способу отображения мира и человека российская протоглянцевая журнальная периодика ориентировалась на информационный и художественно-документальный тип подачи материалов, хотя методами исследования действительности чаще всего избирала некоммуникативные приемы; 4) публицистические тексты с точки зрения их литературно-родовых свойств (строгая документальность, актуальность, построение сюжета по логике мысли повествователя, широкоохватная композиция) и архитектуры были представлены заметками, информационными корреспонденциями, статьями, очерками-биографиями.

Ключевые слова: история, журнал, глянec, типология, формат, жанр

National Model of Russian Proto-Glamour Magazine Periodicals of the XVIII–XIX Centuries

Lytkina L. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; lvlytkina@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the ways of formation and evolution of the Russian proto-glossy magazine periodicals of the XVIII–XIX centuries, the Analysis of the aspect features of the journals *Zritel sveta*, *Modnoye ezhemesyachnoye izdaniye*, *Gorodskaya i derevenskaya biblioteka*, *Lekarstvo ot skuki i zabot*, *Chteniye dlya vkusa, razuma i chuvstvovaniy*, *Sankt-Peterburgskiy Mercuriy*, *Chto-nibud ot bezdelya na dosuge*, *Zhurnal priyatnogo, lubopytnogo i zabavnogo chteniya*, publications of the books of P. I. Shalikov etc. made it possible to ascertain the following: 1) All magazines of the named direction had the purpose not so much to present features of secular life of Europe of the second half of XVIII century and to fix some fashionable tendencies, as to enlighten the Russian readers, to investigate the principles of formation of such way of life which allows at constant moral improvement to find rest in “pleasure of heart and breaking of boring thoughts with excellent, amusing, ridiculous and intricate legends”; 2) Subject area of publications under review was located in accordance with the interests of the

Russian young nobility, which served out, but had enough time and interest to get acquainted with “fun and pleasure” seeking “the cure for boredom and worries”; 3) According to the method of mapping the world and human Russian proto-journal periodicals focused on information and artistic-documentary type of submission materials, although the methods of studying reality often chose non-communicative techniques; 4) Journalistic texts from the point of view of their literary and generic properties (strict documentary, actuality, the construction of the plot according to the logic of thought of the narrator, an inclusive composition) and architectonics were represented by notes, information correspondence, articles, essays-biographies.

Keywords: history, magazine, typology, glamour, format or genre

Актуальность предпринятого исследования состоит в недостаточной разработанности вопроса о путях становления и эволюции российских протоглянцевых журналов XVIII–XIX вв.

Термин «журнал» возводился к лат. *«diurna»* (поденный, ежедневный), а также к фр. *«jour»* (день), *«journal»* (дневник) и первоначально обозначал такое явление, как ежедневная запись. В русский язык слово «журнал» вошло несколько раньше, чем слово «газета» (70-е гг. XIX в.), и обозначало тип периодического издания в форме листа (журналы — листы Н.И. Новикова), позднее — кодекса. Журнал выходил через большие, нежели газета, промежутки времени. Но в названиях изданий слово «журнал» в XVIII — нач. XIX вв. употреблялось редко. Терминологическую определенность в русском языке слово получило ближе ко второй половине XIX в.

Исследование «движения русской журнальной периодики» (В. Белинский) началось еще в 10-х годах XIX в. (заметки князя П.А. Вяземского) и продолжается до сих пор. Учеными обстоятельно описаны толстые журналы обычного русского типа, сатирические, нравоучительные, литературные, научные, «учено-литературные» (В. Белинский), энциклопедические, журналы для детей, дам и мужчин, издания специальные (военные, театральные, спортивные, педагогические и т.п.) [1; 2; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 14; 15]. В поле зрения исследователей оказывались и российские глянцевого журналы [7; 11; 13]¹.

Мы ведем речь об оригинальном национальном периодическом информационном продукте, который начинает складываться как особый тип «журнальной литературы» (Н. Гоголь) на рубеже XX–XXI вв. Это явление современного медиарынка своими предшественниками считает западные глянцевые издания. Именно их российские версии, реплики, кальки, клоны заполонили отечественный журнальный маркет с 1990-х годов. Они востребованы и сегодня.

Между тем корни российского протоглянца могут быть наблюдаемы в журнальной периодике Санкт-Петербурга и Москвы со второй половины XVIII в. Очевидно, что публикации этих лет имеют мало сходства с современными аналогами, но элементы, функциональные проявления их глянцевого составляющей могут быть выделены. Представляется также, что в изданиях XVIII–XIX вв. содержатся маркеры национальной, отечественной модели гламурной периодики.

С 1775 по 1776 г. в Санкт-Петербурге издавался журнал «Зритель света, или Собрание новостей». Издатель так расшифровывал формат публикации: «Зритель света: Ежемесячное сочинение, содержащее в себе краткую историю настоящего

¹ См. также: История развития глянцевого издания в России [Электронный ресурс]. URL: <https://studexpo.ru/150455/zhurnalistika>; История русского глянца XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс]. URL: wiki.wildberries.ru (дата обращения: 19.03.2018); Миронов Г. Моды в России в 1779 г. По журналу «Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета» [Электронный ресурс]. URL: <http://history.wikireading.ru/274128> (дата обращения: 19.03.2018).

времени, для примечания важнейших в свете и предпочтительно для России происшествий, успехов в науках и художествах, полезных для человеческого рода изобретений новых на российском языке и переводов и прочих любопытных вещей, которые могут служить к знанию, пользе и увеселению людей всякого состояния»¹.

Это был не сатирический, а серьезный по характеру ежемесячник. Он знакомил читателей с «историей настоящего времени», говорил об «успехах в науках, художествах, полезных изобретениях». Журнал предлагал интересные публикации, увлекавшие читателя, прежде всего, внимательным к нему отношением. Сложные проблемы современных наук (гуманитарных, преимущественно) излагались доступно, но не примитивно. «Зритель света» был одним из первых журналов (за исключением академических «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих», 1755–1764), созданных не только для развлечения, удовольствия, но и для «пользы». Просветительская линия журнала была ведущей. Ориентация издания на среду интеллектуальную делала его особым типом периодики: по способу отображения мира и человека журнал органично сочетал информативный и аналитический способы подачи материалов, опираясь при этом, как правило, на некоммуникативные методы (переводы, работа с архивными источниками, реже — личные наблюдения издателей). Собственно художественный контент журнала преобладал, но гармонично соседствовал с публицистическим, представленным заметками и корреспонденциями. В этом видится отличие «Зрителя света» от «Прибавлений на Ведомости» (1728–1742) и «Ежемесячных сочинений...» (1755–1764), в которых господствовала научно-просветительская тематика, получавшая выражение в жанрах аналитической группы (преимущественно в статьях или аналитических корреспонденциях).

Может показаться, что российская журнальная периодика XVIII в., начиная со «Зрителя света», двигалась в русле европейской традиции «изящного чтения с нравоучительным уклоном» [7]. В действительности же ее путь пролегал по иным рельсам, в чем и может быть усмотрено «лица не общее выражение» (В. Белинский) национальной протоглянцевой журналистики.

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля дается определение слову «глянец». Это «лоск», «лак», «политура или полировка», «блеск», «зеркальность». Опираясь на приведенные определения, представляется возможным, во-первых, определить внешний вид подобного типа журнала. Это должно быть издание, привлекающее читателя гладким, лощеным, лакированным, блестящим видом, или видимостью. Во-вторых, контент подобного издания обязан соответствовать данной характеристике. Предполагается некая приглаженность, отсутствие версусности излагаемого, идеальность, гармоничность в повествованиях, описаниях, рассуждениях. Аудитория журнала — люди, стремящиеся к успехам карьерным, желающие получить практические рекомендации для верного выстраивания своего поведения в социуме, для получения и приватизации мнений, оценок, суждений, которые возможно предъявить публике как свои собственные.

Практически все названные составляющие современного глянцевого журнала мы обнаруживаем и в ряде российских изданий XVIII–XIX вв. Исключение составляют лишь качество бумаги и иллюстративный (видео) ряд; текстовой контент в журналах прошлого преобладал.

В 1779 г. Н. И. Новиков сначала в Санкт-Петербурге, а затем в Москве выпускает «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». Журнал был проанонсирован следующим образом: «Издается с тем, чтобы доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение; посему и будут в нем помещаться только такие сочинения и переводы, кои приятны и забавны. Сюда включаются: ироиды, еклоги, элегии, идиллии, песни, эпиграммы, загадки и проч.,

¹ Зритель света. 1775. № 1–12; М., 1776. № 27–41.

мелкие стихотворения знаменитых российских стихотворцев, донные еще не напечатанные или вновь ими направленные. Наконец, сюда включаются сказочки, анекдоты и повести, переводимые из наилучших авторов и на русском языке сочиненные; да приложится и о том старание, чтобы сообщаемо было о новых парижских модах. Словом, все внимание употреблено будет к тому, чтобы сие издание заслужило благосклонность прекрасного пола»¹. Это был один из первых российских журналов, адресованных женской аудитории. В журнале публиковались произведения «приятные, забавные, занимательные». Кроме того, «гламурность» издания проявилась в его стремлении доставить удовольствие читательницам, «увести» их от жизненных проблем, «занять скучающих барышень»². Журнал публиковал подборку «Прелюбопытных фактов жизни».

Н. И. Новиков, с его остросатирическим взглядом на российскую действительность, не упустил случая и в дамском журнале покритиковать общество. Каждый из 12-ти номеров «Модного ежемесячного издания» содержал Приложение в виде картинки мод. Они имели названия: «Щеголиха на гулянье», «Раскрытые прелести», «Чепец победы» и др.

С 1782 по 1786 г. Н. И. Новиков в Москве занимается изданием еще одного журнала, также ориентированного на неторопливое приятное чтение. Это была «Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствия разума и сердца в праздное время», содержащая в себе «как истории и новости нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные».

Вот пример содержания одного из номеров издания. Журнал открывался переводным романом (без указания имен автора и переводчика) «Скупой, исправленный любовью». Затем следовал «Перечень англинской (так в тексте — Л. Л.) книги, называемой «Слабоумный вельможа». Третьей по порядку публикацией оказалась «нравоучительная повесть из сочинений господина Дидерота «Два друга».

Собственно литературный отдел завершали еще два произведения: «„Макин, английская повесть“, сочинение Г. Арнода, переведено с французского» и «Любовь увенчанная, или Приключения кавалера д'Аблинкурта и девицы де Сент-Симон».

Второй отдел журнала был отдан дидактико-просветительским материалам и содержал, в частности, истолкование смыслов русских пословиц. Например, «зиме и лету перемены нету», «малого пожалеешь, да большего потеряешь». В последующих номерах этот раздел будет расширен. Издатель объяснит читателям суть пословиц и поговорок: «близ царя, близ смерти», «седина в бороду, бес в ребро», «сиди у моря, жди погоды», «вперед не забегай, назади не отставай», «фортуна велика, да ума мало», «век живи, век учись», «в Риме был, а Папы не видел», «свое добро теряешь, а чужое жалеешь», «есть чего ждать, когда есть с кем жать» и др.

Журнал «Городская и деревенская библиотека» в жанре «сказки» (современного документального рассказа) помещал публикации «Гераклит и Демокрит путешествующие», «Фиамис, или Душепереселение».

Н. И. Новиков включал в журнал и практические рекомендации, например, «Разговор отца с детьми своими о том, сколь опасно поставлять свой рассудок выше законов».

Наставления читателям давались в журнале и имплицитно, хотя заголовки произведений были достаточно прозрачны: «Флавилла, или Жалостные действия лег-

¹ Миронов Г. Моды в России в 1779 г. По журналу «Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета» [Электронный ресурс]. URL: <http://history.wikireading.ru/274128> (дата обращения: 19.03.2018).

² Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета. СПб.: Вольн. тип. Вейтбрехта и Шнора, 1779. Ч. 1 (январь-март); Ч. 2 (апрель-июнь); Ч. 3 (июль-сентябрь); Ч. 4 (октябрь-декабрь). [Электронный ресурс]. URL: <http://materiality.info/2017/01/09/magazine-story> (дата обращения: 19.03.2018).

комыслия», «Повесть о преступнице, бывшей, как то думать можно, меньше виновною перед Богом, нежели перед Законами». Таким способом определялся приемлемый стиль поведения.

Объем «Городской и сельской библиотеки» составлял 25 печатных листов. Журнал всегда проходил процедуру предварительной цензуры, получая одобрение цензора Антона Барсова¹.

В 1786–1787 гг. Ф. Туманский и И. Богданович в Санкт-Петербурге издают журнал «Лекарство от скуки и забот». Еженедельно в нем публиковались литературные произведения самых разных жанров (романы, повести, новеллы, стихи, небольшие оригинальные и переводные поэмы), сообщения о курьезных случаях, развлекательные материалы. Цель издания была истолкована в разделе «Вместо предисловия»: «... повторим благосклонным читателям извещение уже обнародованное, дабы можно было видеть, будет ли сохраняемо то, что обещано и при чтении руководствоваться оным... на что праздные минуты с лучшею пользою употребить можно, как на чтение, которое... иметь должно утверждение добродетели и распространение полезных знаний? Такова есть цель предлагаемого ныне публике еженедельного издания»; «Цель сего издания есть польза публики, а не прибыль и желание, чтобы все могли пользоваться оным безубыточно»². Журнал выходил по средам в 10 часов утра. Цена издания в Санкт-Петербурге установлена была в 3 руб.; «в других же Российской империи городах с пересылкой 5 руб.».

«Лекарство от скуки и забот» за 1786 г. стремился придерживаться заявленной структуры, хотя строгая последовательность материалов не соблюдалась. Так, под номером первым, по плану издания, должны были публиковаться «Нравоучения ко впечатлению добродетели». Второму отделу надлежало содержать материалы «Ко увеселению сердца и разбиению скучных мыслей отличными, забавными, смешными и замысловатыми сказаниями». Третий раздел посвящался «К порядочному соблюдению хозяйства и до строительства». Четвертый отдел отводился «К направлению воспитания и хранения здоровья». В пятом разделе должны были помещаться сведения «Для распространения познаний известия о всех редкостях земного шара, что касается до жителей оного и их обрядов, зверей, птиц, произрастений и прочего; дабы через то вспомоществовать тем, которые не могут пользоваться покупкою многообразных книг иностранных и российских, из коих все, что токмо есть достопримечательного, вносимо будет кратчайшим перечнем». Шестой отдел отражал «Примечательные тяжбы», седьмой — «Отличные решения и приговоры». Восьмой раздел предполагалось передать «Описанию мод в мужских и женских нарядах и уборах комнат». В девятом отделе должны были быть «Показаны нововыходящие книги, эстампы, чертежи, музыкальные сочинения и проч.». Десятому разделу отводились «Примечательные происшествия в разных государствах и в России». Одиннадцатый раздел освещал «Любопытные в свете деяния добродетельных мужей; изобретения». Двенадцатый отдел помещал «Загадки, отгадки и прочее, что может называться любопытным»³.

В действительности каждый номер журнала открывала загадка; отгадка давалась в следующем номере. «Нравоучениям» было отведено совсем не много места, но этот раздел был важен издателям: он сохранял верность формату журнала, его проблемно-тематической области. Вот несколько примеров «нравоучений»: «Кратчайший путь быть богатым состоит не в умножении имущества беспредельно ис-

¹ Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствия разума и сердца в праздное время. М. : Тип. у Н.Новикова, 1782–1786.

² Лекарство от скуки и забот. 1786. Ч. 1. № 1–27; 1787. Ч. 2. № 28–51. № 1.

³ Лекарство от скуки и забот. № 1.

когого, но в укрощении страстей и желаний»; «Славолюбие должно основываться не на способности к великим предприятиям; и не должно терять времени в снискании славы»¹; «К благоразумию и мудрости восходят по трем ступеням; первая: познать добродетель; вторая: любить добродетель; третья: быть добродетельным»; «Весьма хорошее дело прощать обиды, но лучше еще того не помнить оных, и даже не подавать виду, что чувствуем огорчение»; «Кто не имеет врагов, тот несчастен, ибо токмо без достоинств люди их не имеют, по тому, что не привлекают на себя зависти»²; «Молчаливость всякому, а особливо молодому человеку весьма полезна»³; «В любви в изъявлении оной дражайшему предмету сколько можно будьте осторожнее; не всегда можно понравиться тому, кто нравится вам»⁴.

Тематически и проблемно к «Нравоучениям» примыкали разделы, посвященные рассказам о важных исторических событиях прошлого и настоящего. Это были сообщения о жизни Древней Эллады и Рима; о «Египте, пирамидах, памятниках и редкостях оного и великого Каира»; материалы о королевстве Перу; о Турецкой империи и ее верованиях; об обычаях в «графстве Эссекском», о германском народе, его национальном характере; о китайских законах; о Японии; «О тюрьмах и наказаниях в Дании»⁵.

Несомненно, привлекал внимание читательниц раздел, представляющий модные тенденции того времени в одежде и оформлении интерьеров. Но и здесь издатель стремились отойти от типичного для европейского сатирико-нравоучительного журнала-ревью краткого сообщения о новинках в одежде. Подписчикам журнала предлагалась не просто модная картинка. Авторы раздела, давая порой чрезвычайно подробные описания нарядов, никогда не забывали о просветительской функции журнала. Она находила выражение в истолковании причин появления тех или иных видов одежды, предпочтения тем или иным тенденциям, связанным с особенностями национального характера. И если «парижские женщины лета сего 1786 г. избрали цвет белый, изображающий невинность, чистоту и целомудрие; платья, шляпки и башмаки белого цвета»⁶, но «ленты уподоблены радуге»⁷, то «моды в Лондоне гораздо постоянное, чем в Париже; женщины любят простоту, внутреннюю цену товаров и прочность»⁸. О берлинских модницах сказано, что их «волосы и шляпки, как водится; обыкновенные платья фуэрро; башмаки под цвет платья»⁹. Модные линии Японии получают такое истолкование: «...традиции единообразия во всех степенях, длинные и широкие халаты шелковые или бумажные; платье мужчин одноцветное, женщин — пестрое, переткано цветами и золотом; узел пояса — главная часть украшения; рукава нескладны и широки»¹⁰.

Во второй части издания «Лекарства от скуки и забот» (1 января — 1 июля 1787 г.), выпускаемого уже одним Ф. Туманским, сообщения о модных линиях одежды в Европе дополнены описанием интерьеров, а также большим по объему материалом «О вкусах древних в рассуждении красоты»¹¹.

Просвещению читательниц был отдан и раздел «К порядочному соблюдению хозяйства». Традиция такого раздела восходит к первым российским научно-про-

¹ Там же.

² Лекарство от скуки и забот. № 3

³ Лекарство от скуки и забот. № 14.

⁴ Лекарство от скуки и забот. № 18.

⁵ Лекарство от скуки и забот. № 2, 6, 9, 21, 32, 38.

⁶ Лекарство от скуки и забот. № 1.

⁷ Лекарство от скуки и забот. № 6.

⁸ Лекарство от скуки и забот. № 2.

⁹ Лекарство от скуки и забот. № 6.

¹⁰ Лекарство от скуки и забот. № 13.

¹¹ Лекарство от скуки и забот. № 37.

светительским журналам «Примечания на Ведомости» (1728–1742 гг.) и «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755–1764 гг.), а также к частному изданию профессора Московского университета И. Г. Рейхеля «Собрание лучших сочинений» (1762 г.). В журнале «Лекарство от скуки и забот» освещались вопросы практической жизни со ссылкой на авторитеты Запада и Востока. Так, в № 5 был помещен материал, знакомящий российских хозяек со способом замены дорого коровьего масла соусом, как это делается во Франции; в № 3 рассказывалось об использовании в быту дерева алоэ в Китае и др.

Просветительское назначение отводилось и отделу «Показания нововыходящих книг, эстампов, чертежей, музыкальных сочинений и проч.». Анонсировался выход перевода «Трагедия Гамлета» Шекспира (№17); его же — «Историческое представление из жизни Рюрика» (№ 28); пьесы М. В. Ломоносова «Суд Российских писмен перед разумом и обычаем от грамматики представленных» (№ 46) и др.

Российская журнальная литература XVIII в. содержала в себе совсем немного собственно медийного материала. Журналы этого времени скорее следует квалифицировать как периодические сборники, имевшие лишь внешние формальные признаки повременного издания. Журналистики как профессии не существовало; произведений, созданных в границах экспозитивного типа повествования, было трудно обнаружить. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на единичные, весьма редкие для периодических российских изданий второй половины XVIII в. явления. Так, впервые в отечественном журнале появляется роман-фельетон. Это был «Уборный столик, рассказ об актрисе», обнародованный в №№ 33, 34 и 35 второй части «Лекарства от скуки и забот». Кроме того, издатели, включив в журнал раздел «Увеселения», точно уловили и продолжили заложенную Н. И. Новиковым в своих первых периодических листах «Трутенъ» и «Живописецъ» традицию сатирических ведомостей. Ф. Туманский и И. Богданович определили их как «Прибавление к Бостонским ведомостям», тем подчеркнув пагубную приверженность российского читателя ко всему иностранному («...охотники к иностранным ведомостям»). Вот «примеры из иностранных газет»: «Продажи»: «Сочинитель разных книг, между которыми были и полезные, продает свою библиотеку, чернилницы, перья и бумагу, для прокормления семейства: ибо от приписываемой ему похвалы, сыт быть не может»; «Покупка»: «Господину Жоржу Вертопраху потребны: скромность, ... приятнейший голос, больше основательности в рассуждениях, завеса против ветрености, склонность к хозяйству и тому подобные качества»¹; «Наем»: «Господину Лютову потребен камердинер, но отнюдь не русский, а иностранец, всего лучше француз; ибо сии люди обыкновенно ветрены»; «Ищущие места»: «Миловидова лет 20 желает быть стряпухой у холостого барина без жалования»; «70 лет старик желает быть скороходом у знатного господина»; «Отъезжающие»: «Правдолюбов в Китай, Надменов в Испанию, Питунов в Германию, Негин в Италию, Ветренников и Мотов во Францию»². Продолжение «Бостонских ведомостей» включено в № 16, но уже в виде пожеланий: «Неумеренное желание есть преддверие всех зол»; «Подражая моде, не выходите из пределов благопристойности и умеренности; нужно помнить возраст, пол, состояние и свои доходы». В № 38 помещено «Нравоучительное письмо молодому в свет ступающему человеку» в форме «Приятельских наставлений». Издатели обратились к жанрам заметки, анонса, корреспонденции.

В рамки гламурного издания вписывались и исторические анекдоты, публикуемые в разделе «Примечательные происшествия в разных государствах и в России», а также предсказательные календари, предсказательные месяцесловы, гадательные практики.

¹ Лекарство от скуки и забот. № 12.

² Лекарство от скуки и забот. № 13.

Итак, журнал «Лекарство от скуки и забот» предоставлял интересное, но не примитивное чтение для российской аудитории. Стремление к просвещению читателей, желание убедить их в нужности получения новостей из различных областей жизни делало журнал Ф. Туманского и И. Богдановича не европейским журналом-ревью, а изданием, ориентированным на книжный формат. Но протоглянцевая составляющая была важна издателям; она обогащала содержание, расширяла границы подачи материалов, трактуя, в частности, контент моды и увеселений как важную часть человеческого бытия.

В 1791 г. в России был осуществлен первый опыт издания журнала, освещающего исключительно гламурные темы — «Магазин англинских, французских и немецких новых мод, описанных ясно и подробно с присовокуплением описания образа жизни, публикуемых увеселений и времяпровождений в знатнейших городах Европы»¹. Редактором журнала был В. И. Остроков. Журнал выходил ежемесячно; три книги составляли часть. С апреля по декабрь 1791 г. вышло 9 книг.

Заголовок издания дает подсказку к расшифровке его контента. Но журнал нельзя считать оригинальным. Это скорее реплика на европейскую fashion-традицию, уже формировавшуюся в то время.

«Магазин...» был сделан по примеру таких изданий, как немецкий «Modenwelt», ставший своеобразной формой проявления культурной жизни, вызванной не необходимостью, а изменчивой прихотью дня.

«Магазин...» впитал и традиции английской сатирико-нравоучительной журнальной литературы. На это указывал избранный тип изложения, ориентированный на метод интервью. Автор текстов, описывающих модные тенденции в одежде и оформлении интерьеров англичан, французов и немцев, строил повествование в форме рассуждений, предлагая вопрос и на него отвечая. Журнал содержал иллюстративный материал. В конце каждого номера публиковалось несколько модных картинок.

Журнал В. Острокова, хотя и причислен исследователями [12] к тем изданиям, которые «учили жить красиво», все же преследовал более глубокие цели. Он призывал своих читательниц к развитию внутренней, духовной красоты, считая главным украшением женщины благонравие. Этот вывод был подкреплён ссылкой на суждение Платона, приведенного в № 5: «...благонравие может похвалиться наилучшим из всех зеркал зеркалом».

«Магазин...», как и предшествующая ему российская протоглянцевая журналистика, уделяя максимальное внимание описанию женских нарядов, не оставлял без внимания и линию просветительскую. В. И. Остроков и участвующие в издании авторы (все тексты были анонимными) вели разговор со своими читательницами о роли и назначении женщины в семье, ее влиянии на формирование вкуса, манер, умения подавать себя в обществе. Этой проблематике были посвящены, в частности, письма-наставления некой светской дамы своей деревенской родственнице. И хотя их содержание могло быть истолковано двояко (например, совет уделять внимание только знатым мужчинам), оно несло в себе печать времени, давало характеристику обществу, но и развенчивало сомнительные идеалы. Это подкрепляется помещенным в ч. 2 изданием: «Красавицы, не читесь за людей вслед бежать; искусством не учитесь натуру украшать». Издатели «Магазина...» были знакомы с заключением, которое было высказано в романе-фельетоне «Уборный столик» из журнала «Лекарство от скуки и забот»: «Искусство состоит в том, чтобы скрывать искусство»².

Протоглянцевые начала едва заявляют о себе и в московском журнале 1791–1793 гг. «Чтение для вкуса, разума и чувствований». Журнал выходил в качестве

¹ Магазин англинских, французских и немецких новых мод... 1791. Ч. 1, 2, 3.

² Лекарство от скуки и забот. № 35.

приложения к газете «Московские ведомости». Его редактором был В. С. Подшивалов; издателями числились В. Огороков и А. Светушкин. Сотрудничали в журнале А. Дашков, А. Лопухин, В. Капнист, Ю. Нелединский-Милецкий, А. Мерзляков, П. Петров, Н. Савин, П. Гагарин, князь Е. Цицианов и др. Журнал публиковал много поэтических произведений, созданных его издателями. Описания особенностей светской жизни Запада и России журнал отдавал совсем немного пространства. Это было добротное литературное издание, которое стремилось познакомить читателей с новинками прежде всего российской литературы и культуры¹.

Журнал «Санкт-Петербургский Меркурий» выходил с 1793 г.². Основателями этого общелитературного журнала были И. Крылов и А. Клушин. Во второй половине года редакторство перешло к И. И. Мартынову. «СПб. Меркурий» был ежемесячным журналом с тиражом 157 экземпляров. Вынесенное в заголовок имя римского бога коммуникаций подразумевало хорошую информированность и быструю передачу новостей. В отличие от более ранних российских журналов, издатели «СПб. Меркурия» видели свою цель в выпуске журнала, подобного иностранным ревью, близким по типу «*Mercure de France*». Обзорные различные культурных событий составило стержень издания. Журнал был далек от политики, возможно поэтому современники считали его «беззубым». Но журнал по-своему откликнулся на явления современности. Не без влияния фиктивных речей Ж. П. Марата, в «СПб. Меркурии» появились пародийно-сатирические речи, написанные И. Крыловым «Похвальная речь науке убивать время, говоренная в новый год». «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная на собрании молодых писателей». Оригинальным разделом оказался и «Русский анекдот».

Журнал занимался публикацией переводов европейских авторов, особенно Вольтера. Читатели смогли познакомиться с его сочинениями «Рассуждение об английской трагедии», «Рассуждение о г. А. Поупе», «О Сократе». В журнале публиковались биографические очерки «Жизнь славного Серванта», «Портрет г. Вольтера», «О Ричардсоне». Таким образом реализовывалась просветительская направленность издания. Кроме того, обращение к очерковой прозе свидетельствовало об укреплении позиций жанра в российской журнальной периодике.

Журнал «Что-нибудь от безделья на досуге» выходил еженедельно по субботам; позиционировал себя как сатирическое издание³. Все материалы были подготовлены Н. П. Осиповым. Это дает подсказку для уточнения времени создания журнала. Персональный журнализм в России заявлял о себе со второй половины XVIII в. (листы А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, М. Чулкова, Эмина, В. Тузова, В. Рубана). С 1791 г., с выходом «Московского журнала» Н. М. Карамзина, можно вести речь о начале формирования европейской традиции в издании журналов. Таким образом, издание Н. Осипова было подготовлено не позднее 1799 г. (год смерти автора). Юмористические материалы преобладали в контенте издания, что и позволяет отнести его к журналам развлекательным, предлагавшим читателям легкое чтение на досуге. Исследователями же издание определялось как сатирическое [16]⁴.

¹ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791–1793. Ч. 1, 2, 3; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

² Санкт-Петербургский Меркурий. 1793 [Электронный ресурс]. URL: istlit.ru/ruslit18/148.htm (дата обращения: 19.03.2018).

³ Что-нибудь от безделья на досуге. 1800. № 1–87.

⁴ См. также: Покровский В. Столетие сатирического журнала «Что-нибудь от безделья на досуге». 1800–1900 // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1901. Кн. 4. II. Материалы историко-литературные. М., 1901. С. 1–16.

Н. Осипов стремился «под дымкой аллегории, легче и свободно обнажать действительность»¹. В. Покровский выделял в журнале статьи двух видов. «В одних правда выставлялась без всяких обиняков; осмеяние прямое, мораль на лицо» («Правда не всякому мила», «Остров лихоимцев», «О несчастных следствиях плутовства», «Школа несчастья есть училище добродетели», «Время», «Дружба», «О карточной игре» и др.). Исследователь отмечал, что в названных произведениях «нравоучительный характер очевиден, и вытекал из осознания автора несовершенств вообще человеческого рода»; заметно «стремление внедрить глубже в сердце читателя моральные идеи»².

Другой разряд статей, помещенных в журнале, В. Покровский определял как публикации «также нравоучительно разоблачительного характера; ...облачены в форму аллегории» («Фиалка и Тюльпан», «Счастье». «Постоянство», «Терпенье», «Страны правды», «Добродетельный богач», «Видение на луне», «Видение Тенерифского пустынного») ³.

Журнал «Что-нибудь от безделья на досуге» включал юмористические разделы «Правила жизни», «Общие правила нынешнего света», «Опыт Ученого и Модного Словаря, или Ключ ко всем дверям, ларцам, сундукам, шкапам и ящикам Учености».

В журнал были введены «аномальные явления семейной и общественной жизни». Получили более полное и яркое освещение типы щеголя и щеголихи, уже знакомые читателям по журналу — листам Н. Новикова.

Гламурная составляющая журнала Н. Осипова усматривалась в том, что в издание была включена его книжка, изданная в 1796 г. «Любопытной, Загадочной, Угадчивой и Предсказчивой Месяцеслов» и предназначенная «для молодых красавиц».

Итак, в российской журнальной периодике второй половины XVIII в. может быть выделена протогланцевая линия развития. Она прочерчивается лишь пунктиром, едва угадывается. Но именно в этот период начинает складываться понимание того, что повременное издание может быть не только трибуной для критики общественных порядков (листы А. Сумарокова, Н. Новикова). Оно способно не навязчиво осуществлять формирование определенного стиля жизни, типов поведения, которые приемлемы людям некоего общественного круга, умеющих думать и об удовольствиях. Форматные характеристики журналов во многом были схожи. Все они имели целью не столько представить особенности светской жизни Европы второй половины XVIII в., зафиксировать некие модные тенденции, сколько просветить российских читателей, исследовать принципы формирования такого образа жизни, который допускает при постоянном нравственном усовершенствовании находить отдохновение в «увеселении сердца и разбиении скучных мыслей отличными, забавными, смешными и замысловатыми сказаниями»⁴.

Предметно-тематическая область рассматриваемых изданий располагалась в соответствии с интересами российского молодого дворянского сословия, состоящего при некоем деле, т.е. службе, но имеющего достаточно времени и интереса к знакомству с «забавами и удовольствиями», стремящегося получать «лекарство от скуки и забот».

По способу отображения мира и человека российская протогланцевая журнальная периодика ориентировалась на информационный и художественно-документальный тип подачи материалов, хотя методами исследования действительности чаще всего избирала некоммуникативные приемы.

¹ Там же. С. 1.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 4.

⁴ Лекарство от скуки и забот. № 1.

Журналы, а точнее периодические сборники, ориентированные на реализацию информационной, просветительской и релаксационной функций, не отличались жанровым разнообразием. В содержании таких изданий преобладали лирические (стихи, оды, элегии, небольшие поэмы) и эпические переводные произведения (рассказы, новеллы, повести). Жанры журналистики не были освоены издателями, как правило, литераторами, учеными. Публицистические тексты с точки зрения их литературно-родовых свойств (строгая документальность, актуальность, построение сюжета по логике мысли повествователя, широкоохватная композиция) и архитектуроники были представлены заметками, информационными корреспонденциями, статьями, очерками-биографиями (они могли быть и переводными, как в «Санкт-Петербургском Меркурии»).

На рубеже XVIII–XIX вв. выходил московский литературный журнал «Иппокрена, или Утехи любословия». С 1799 по 1801 гг. издание успело опубликовать произведения около 100 российских литераторов. В нем сотрудничали А. Аргамаков, А. Воейков, Ф. Дмитриев, Г. Державин, И. Долгорукий, В. Жуковский, П. Кайсаров, М. Невзоров, А. Радищев, князь П. И. Шаликов и др. Журнал помещал на своих страницах произведения женщин-писательниц: Е. Баскаковой, Н. Кологривовой, кн. Е. Долгорукой, Ел. и Ек. Ниловых, А. Жуковой, А. Буниной.

Издателем журнала был содержатель типографии при Московском университете Христиан Клаудий; редактором П. А. Сохацкий. Журнал в объеме одного листа доставлялся подписчикам два раза в неделю. Цель издания была определена в первом номере: «...доставить публике...пьесы, то наставительные и важные, то легкие и приятные, то чувствительные и нежные материи в стихах и прозе, в сочинениях и переводах, изображаемых слогом чистым, приличным, натуральным»¹.

«Научение» и увеселение соседствовали в «Иппокрене». Журнал стремился стать источником вдохновения для читателей, предлагая им как собственно художественные произведения, так и содержательные критические материалы о новостях культуры².

В XIX в. традиция издания журналов, в содержании и оформлении которых углубляется протоглянцевая составляющая, будет продолжена.

В 1800–1810-е годы увидели свет сразу несколько изданий подобного типа. Это «Осенние вечера» (1803 г.) — еженедельный журнал В. Ф. Малиновского; «Мой досуг, или Уединение» (выходил в СПб. в 1801 г. по средам и субботам; издатель А. Борисполец); «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения» (Москва, 1802–1804 гг., издатели В. С. Кряжев и купец Готье, редактор П. П. Сумароков); «Московский Меркурий» (1803 г., ежемесячный, издатель П. И. Макаров); «Журнал для милых» (1804 г., издатели М. Н. Макаров, С. И. Крюков, П. И. Шаликов и некий С-ъ); «Дамский журнал» (1806 г., издатель М. Н. Макаров; 1823–1833 гг., издатель П. И. Шаликов).

В 1802–1804 гг. в Москве ежемесячно выходил «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения». Журнал издавали В. С. Кряжев, купец Готье и коллежский асессор Мей. Редактировал издание П. П. Сумароков, который в 1804 г. заменит на посту редактора Н. М. Карамзина в журнале И. В. Попова «Вестник Европы». В «Журнале приятного, любопытного и забавного чтения» П. Сумароков публиковал много своих поэтических произведений, переводов французских авторов (Жанлис, Ж. Ж. Руссо, де Лангль и др.). Критике сентиментализма было посвящено несколько оригинальных анонимных произведений; среди них — повесть «Любовники-со-

¹ Иппокрена, или Утехи любословия. 1799–[1801]. № 1–51.

² Майков Л. Очерки из истории русской литературы XVII–XVIII вв. СПб., 1889; Неустроев А. Исторические разыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874.

перники в авторстве, или Наставление писателям XIX в.». Журнал выходил нерегулярно, но свою цель — развлекать публику пародиями на эпигонов сентиментализма — реализовывал¹.

Журнал П. И. Макарова «Московский Меркурий»² был описан в историко-библиографических исследованиях А. Г. Максимова, Г. Н. Геннади, Н. Булича³. Журналу «Московский Меркурий» посвящена диссертационная работа А. Дементьевой [3].

Журнал имел разделы «Российская литература» (включал произведения современной прозы, а также рецензии на новые издания; около 50 из них были подготовлены П. И. Макаровым), «Иностранная литература», «Уведомления», «Смесь» (печатались переводы европейских писателей-сентименталистов), «Моды».

По мнению А. Максимова, «угождение женщине Макаров кладет в основу журнала». Н. Булич иначе прокомментировал цель издания: «...это не были слова действительного уважения к женщине и признания ее прав; это была нежная карамзинская манера, весьма близко граничащая с грубой чувственностью».

А. Максимов приводит слова М. Н. Макарова из статьи «Некоторые мысли издателя «Меркурия» о том, что «знания есть необходимая потребность» и «женщины просветили Россию».

Наиболее значимое место в «Московском Меркурии» было отдано отделу «Моды»; он являлся версией «Парижского журнала». В журнале был и критический раздел, в котором оценивались различные сочинения, кроме научных и духовных. А. Максимов замечает: «Угождая дамам, Макаров не включал статьи серьезного содержания; исключил вопросы политики, внутренней жизни».

Издатель помещал в журнале небольшие «сентиментального содержания» повести и рассказы («Великодушные соперники», «Танкред и Галателю» и др.). В марте 1803 г. в журнале появилась статья «Модная мебель».

В 1806 г. издатель Платон Зубов представил публике журнал «Модный вестник». Это было московское издание, выходившее сначала два раза в месяц, а с 1817 г. — раз в пять дней. Журнал содержал описания и иллюстрации не только модной одежды, но и мебели, давал советы по оформлению интерьеров.

Продолжением «Модного вестника» стал ежемесячный журнал «Всеобщий модный вестник». Вышло всего пять книжек, но содержание оставалось неизменным; сохранялся контент и архитектура прежнего издания.

В 1806 г. в Москве М. Н. Макаров и П. И. Шаликов предприняли попытку издания «Дамского журнала». Журнал закончил свое существование насильственно на третьем номере от невнимания и равнодушия публики. В нем публиковались литературные произведения (стихи, песни, буколические сцены в стихах и прозе), нравоучительные статьи («Переписка чувствительных друзей», «О супружестве. Два письма», «О выборе супруги. Два письма», «Размышляющий россиянин» и др.). В каждом номере был раздел «Моды». В № 1 — «Моды: Париж»; в № 2 — «Сообщения из Парижа от 10, 15 и 20 февраля»; в № 3 — «Моды: Париж от 10 марта».

В 1823 г. в типографии Московского университета «Дамский журнал» был возобновлен. Его издавал князь П. И. Шаликов; в 1825 г. к нему присоединился М. Н. Макаров. Сначала журнал выходил два раза в месяц, а с 1829 г. — еженедельно. Все издание составило 44 части. Концепция журнала, его программная политика были

¹ Журнал приятного, любопытного и забавного чтения. 1802. № 1–4; 1803. № 5–9; 1804. № 10–12.

² Московский Меркурий. 1803. № 1–12 (4 части).

³ Максимов А. «Московский Меркурий» 1803 г., ежемесячный журнал, издание П. И. Макарова. СПб., 1903; Геннади Г. П. И. Макаров и его журнал «Московский Меркурий» // Современник. 1854. № 10. С. 65–94; Булич Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб., 1902. Т. 1.

сформулированы следующим образом: издатель намеревался включить в журнал «новейшие повести, приятные стихи, разные прозаические отрывки, библиографические и другие почему-нибудь достопримечательные известия, любопытные новейшие анекдоты, описание столичных праздников, публичных и частных концертов, домашних спектаклей»¹.

Этот прообраз отечественного женского глянцевого журнала имел оригинальную обложку, содержащую лозунг издания: «Все служит красоте». В центре титульного листа было помещено изображение красавицы в окружении амуров. Картинка была заключена в рамку, составленную из рисунков цветов (розы, незабудки). Каждый номер журнала завершал живописное изображение дамы в модном туалете: «Дама в белом», «Дама в розовом», «Дама в голубом».

Издатель «Дамского журнала» князь Шаликов — утонченный эстет, светский музыкант, композитор и поэт — помещал практически в каждой книжке журнала ноты и тексты модных песен. Издание просуществовало до декабря 1833 г. Это было одно из первых русских повременных изданий, которое ориентировалось на особую категорию читателей, признавало существование специфических интересов женщин, имеющих материальный достаток, но стремящихся совершенствовать свои познания в различных областях культуры.

В качестве образца «Дамский журнал» взял парижское и франкфуртское издание «*Journal des dames et des modes*» и не стремился истребить легкомысленный французский дух издания.

Журнал придерживался постоянной структуры: 1. Повесть с продолжением (оригинальная или переводная с французского); 2. Произведения малых форм (эссе, анекдоты, оригинальные стихи, басни, шарады). Каждый номер завершался хроникой светской и литературной жизни Парижа, иллюстрацией к описаниям модных туалетов, заимствованных из французских источников. С 1832 г. в раздел «Критика» включалась светская хроника с сообщениями о культурной жизни в Москве (праздники, музыкальные вечера, балы), а также небольшие рецензии на новые книги, концерты; помещались биографии знаменитых женщин («Г-жа Сталь», «Маркиза Ламбер»), стихи, посвященные актрисам.

Следует согласиться с мнением, высказанным в словарной статье о журнале в «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона»: «Журнал кн. Шаликова гораздо лучше исполнял свою вторую функцию — знакомить читательниц с парижскими модами, чем главную — служить “проводником” литературной традиции. “Дамский журнал” в лице самого издателя и его главных сотрудников, Б.К. Бланка и М.Н. Макарова, являлся поздним отголоском бездарного и поверхностного сентиментализма».

Еще один женский журнал-долгожитель — «Ваза». Он выходил с 1831 по 1884 гг. и содержал гламурные интенции. «Ваза» позиционировал себя как «литературно-художественный журнал светских новостей, мод, домашнего хозяйства и рукоделий».

Журналы, претендующие на статус энциклопедических, универсальных («Московский телеграф» Н. Полевого, «Галатей» С. Раича, «Библиотека для чтения» О. Сенковского, «Телескоп» Н. Надеждина и его же газета «Молва. Газета мод и новостей») нередко публиковали картинки новых мод, советы по оформлению интерьеров.

С 1836 по 1844 гг. А. Семен в Москве издавал «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописных путешествий по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей». Это было издание в 50 листов, которое одним из первых в России обратилось к вопросам тревелогии, живописуя модные и лучшие места отдыха и путешествий.

¹ Дамский журнал. 1806. № 1–3; 1823–33. 44 ч.

Подобные же задачи решал и журнал «Листок светских людей» (1839–1844 гг.), выходивший в Санкт-Петербурге ежемесячно. Первоначально он был посвящен описанию модной одежды, а в 1844 г. расширил свою программу, начал публиковать литературные карикатуры в исполнении В. Ф. Тимма.

В 1851 г. в Санкт-Петербурге начал выходить журнал под названием «Моды. Журнал для светских людей». Его владелицей была Н. Утилова. Журнал просуществовал до конца 1861 г.

В 1850–1870-е годы издавалось много журналов мод и светских новостей. Это «Меркурий мод» (1858–1860 гг.), «Монитор. Модный журнал» (1860 г.), «Воскресный досуг» (1863–1872 гг.), «Парижский модный зал» (1863 г.), «Русский базар» (1863–1866 гг.), «Моды и новости» (1867–1868 г.) и др.

С 1883 по 1886 г. в Москве Н. Гиляров-Платонов издавал еженедельный журнал «Радуга». Программная политика журнала была определена в первом номере: «... мы не будем тешить грязного воображения, давать пищу озлобленному глумлению или поощрять умничанье, самодовольное и ограниченное. Хотим служить чистым вкусам, невинным удовольствиям, тихим развлечениям, вдумчивой любознательности»¹.

Журнал был составлен из трех частей. Первая «Литературная» включала разделы «Изящной словесности», «Научный раздел», «Указатель новостей ученых, библиографических, художественных, театральных, биржевых, модных», а также раздел «Альбом» с анекдотами, шутками, шарадами, загадками.

Вторая часть издания содержала рисунки и ноты. Третья помещала частные объявления и рекламу.

«Радуга» был журналом «культурным для благополучных людей». Часть номеров имела Прибавления: «Моды», «Шляпки» (графические рисунки женских и детских нарядов и причесок); «Дом и хозяйство» (описание богатых интерьеров, рецепты изысканных блюд).

Подобные же элементы протогламура обнаруживаются и в журналах начала XX в. «Модный курьер» (1900), «Дамский мир» (1907), «Парижанка» (1908), «Моды для всех» (1910) и др.

Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. переместили на периферию издательской деятельности глянцевою журнальную литературу. В СССР глянцевая периодика была лишена культурного статуса. Ее ренессанс начался в конце XX в., но формирование гламурной медиаиндустрии пошло по пути актуализации западных формул. Отечественный глянцевый опыт представлялся не продуктивным, прежде всего в силу очевидной его неизученности.

Проведенный нами, во многом предварительный, анализ российской протоглянцевой журнальной периодики конца XVIII–XIX вв. позволяет внести определенные коррективы в трактовку рассматриваемого явления. Гламурная культура — это культура блеска, культура потребления, ориентированная на людей с достатком, гедонистов, думающих не о проблемах, а об удовольствиях. Но национальная глянцевая медийная культура имеет свою историю и свою специфику, которая требует более тщательной регистрации всех ее проявлений, а затем и ликвидации исследовательских лакун, препятствующих адекватной оценке и возможностям контекстуального анализа современных российских глянцевых изданий.

Литература

1. Акопов А. Отечественные специализированные журналы 1765–1917 гг. Ростов-н/Д., 1986.
2. Беспалова А., Корнилов Е. и др. История мировой журналистики. М., Ростов-н/Д, 2002.

¹ Радуга. 1883. № 1–43.

3. Деметьева А. Литературная позиция журнала П.И. Макарова «Московский Меркурий» (1803 г.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
4. Есин Б. История русской журналистики XIX в. М., 2008.
5. Ивин А. История российской журналистики XVIII в. Рязань, 2005.
6. Ивин А. История российской журналистики I трети XIX в. Рязань, 2006.
7. Ильясов Т. История журналов мод в России. Ч.1. От Петровской Ассамблеи до революции в Петрограде [Электронный ресурс]. URL: <https://materiality.info/2017/01/09/magazine-story> (дата обращения: 27.11.2017).
8. История русской журналистики XVIII–XIX вв. М., 1973.
9. История русской журналистики XVIII–XIX вв. СПб., 2015.
10. Махонина С. История русской журналистики начала XX в. М., 2008.
11. Пирожкова Т. Журнал для «прекрасного пола» // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1994. № 6. С. 26–36.
12. Прудникова Л. Женский журнал 1791 г. «Магазин английских, французских и немецких новых мод и проч.» // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 4. С. 125–136.
13. Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 1 СПб., 1997; Т. 2. СПб., 2000.
14. Скобла Е. Эволюция женской периодики в дореволюционной России // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 256–264.
15. Типология периодической печати. М., 2010.
16. Трахтенберг Л. Русские сатирические журналы XVIII века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2016.

Об авторе:

Лыткина Лариса Владимировна, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук, доцент; lvlytkina@yandex.ru

References

1. Akopov A. Domestic specialized journals of 1765–1917. Rostov-on-Don, 1986. (In rus)
2. Bespalova A., Kornilov E., etc. History of world journalism. M., Rostov-on-Don, 2002. (In rus)
3. Dementieva A. Literary position of the journal of P.I. Makarov "Moscow Mercury" (1803): dissertation abstract. M., 2006. (In rus)
4. Yesin B. History of the Russian journalism of the 19th century. M., 2008. (In rus)
5. Ivin A. History of the Russian journalism of the 18th century. Ryazan, 2005. (In rus)
6. Ivin A. History of the Russian journalism of the first third of the 19th century. Ryazan, 2006. (In rus)
7. Ilyasov T. History of fashion journals in Russia. P. 1. From Petrovsky Assembly to revolution in Petrograd [An electronic resource]. URL: <https://materiality.info/2017/01/09/magazine-story> (date of the address: 11/27/2017) (In rus)
8. History of the Russian journalism of the 18–19th centuries. M., 1973. (In rus)
9. History of the Russian journalism of the 18–19th centuries. SPb., 2015. (In rus)
10. Makhonina S. History of the Russian journalism of the beginning of the 20th century. M., 2008. (In rus)
11. Pirozhkova T. Journal for "fair sex" // Messenger of the Moscow University. Series 10. Journalism [Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika]. 1994. N 6. P. 26–36. (In rus)
12. Prudnikova L. Female journal 1791. "Shop of the English, French and German new fashion and so forth" // Messenger of the Moscow University. Series 10. Journalism [Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika]. 2012. N 4. P. 125–136. (In rus)
13. Summary catalog of serial editions of Russia (1801–1825). V. 1 SPb., 1997; V. 2. SPb., 2000. (In rus)
14. Skobla E. Evolution of the female periodical press in pre-revolutionary Russia // Literary criticism and journalism [Literaturovedenie i zhurnalistika]. Saratov, 2000. P. 256–264. (In rus)

15. Periodicals typology. M., 2010. (In rus)
16. Trakhtenberg L. Russian satirical journals of the 18th century: Doctoral dissertation *abstract*. M., 2016. (In rus)

About the author:

Larisa V. Lytkina, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), Associate Professor, lvlytkina@yandex.ru

Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга

Сосновская А. М.^{1*}, Маслеева В. В.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *anna12012007@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлены некоторые результаты текущего исследования бальной культуры в рамках проекта по реконструкции исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга, объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Рассмотрена экономика впечатлений и предъявление аутентичности коммерческого проекта — реконструкции бала XIX в.

В работе использованы социологические методы анализа документов, семиотический анализ афиш XIX–XXI вв., приведены результаты интервью и опросов молодежи по поводу бальной культуры, феноменологически рассмотрена реконструкция исторического бала в особняке П. Н. Демидова.

Ключевые слова: бал, аутентичность, семиотика, афиши, реконструкция, культурное наследие, Санкт-Петербург

Economy of Impressions: Reconstruction of Historical Practices of the Cultural Heritage of St. Petersburg

Sosnovskaya A. M.^{a*}, Masleeva V. V.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *anna12012007@yandex.ru

ABSTRACT

This article presents some results of the current study of ball's culture in the framework of the project on the reconstruction of historical practices of the cultural heritage of St. Petersburg, an UNESCO World Heritage site. The economy of impressions and presentation of the authenticity of the commercial project during the reconstruction of the ball of the XIX century are considered.

The work uses sociological methods of document analysis, semiotic analysis of posters of the XIX–XXI centuries. The results of interviews of ball's participants and survey of young people about the ballroom culture are analysed. The reconstruction of the historical ball in the mansion of P.N. Demidov was phenomenologically and anthropologically examined.

Keywords: ball, authenticity, semiotics, posters, reconstruction, cultural heritage, St. Petersburg

Реставрация и консервация исторических памятников, архитектурных и ландшафтных объектов — на повестке дня комитетов по градоиспользованию и туризму всех городов России, а Санкт-Петербурга особенно, — как первого объекта всемирного наследия ЮНЕСКО в России.

Для дальнейшего изложения нашей темы важно упомянуть, что при обсуждении плана управления городом в КГИОП 2016–2018 гг. особое внимание уделяется сохранению и воспроизводству нематериального наследия, а также использованию объектов не только как памятников, но и как анимационных пространств. Как тот или иной исторический объект контактирует со своим контекстом и жизнью современных людей? Непротиворечивость транслируемой идентичности городского пространства, т. е. именно анимационный и коммуникационный аспект

в жизни горожан — это актуальная проблема маркетинга территорий, согласно исследованиям современных специалистов в данной области [1; 2; 6; 8]. В работах подчеркивается значимость культурных инициатив, которые важны в долгосрочной перспективе, поскольку такие инициативы надежно привязывают объект к его контексту, способствуя сохранению историй в коллективной памяти горожан, а также способствуют развитию навыков сохранения объекта у местного населения.

Социальная сплоченность людей вокруг того или иного объекта наследия подтверждает групповую территориальную идентичность.

Культурная ценность того или иного объекта наследия может относиться к нематериальным качествам, таким как социальная структура, экономические потребности и политический контекст, может быть связана с известными событиями, лицами или произведениями искусства, литературы, науки или музыки.

Нематериальные качества могут быть процессами, связанными с объектом, которые воздействуют на восприятие людей, что как раз и является сутью термина «экономика впечатлений», — это, например, социальные программы или реконструкции.

В рамках городского проекта по популяризации Санкт-Петербурга и прилегающих дворцовых комплексов как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО, студенты РАНХиГС при поддержке КГИОП в течение 2016–2018 гг. изучали нематериальное наследие города, собирая истории, наблюдения, интервьюируя горожан, работая методом включенного наблюдения на выбранных объектах исследования. Некоторые работы информационно сопровождалась в СМИ Академии [3].

Все исследования наших студентов (более 20 работ) преследовали общую цель — уловить в восприятии горожан уникальный код города, который транслирует культуру, непротиворечивую идентичность, что и придает особую атмосферу и ценность пребыванию в культурной столице России.

Один из студенческих проектов 2017–2018 гг. — это дипломное исследование балов определенных дворцов города. В декабре состоялся бал в особняке П. Н. Демидова в рамках дипломного проекта студентки 4-го курса ФСТ и соавтора данной статьи, В. Маслеевой. Аргументом успешного бизнес-плана проекта В. Маслеевой стали идеи подлинности и комплексности реконструкции: «В настоящее время Петербург продолжает славиться своим интересом к реконструкции балльной культуры. Однако еще ни один бал не был проведен с проникновением в историческую эпоху, с изучением тонкостей XIX в. В связи с этим появилась идея возродить традицию организовывать балы по историческим документам, воссоздавая атмосферу эпохи XIX в. Совместно с этим необходимо проводить и другие мероприятия, приобщая жителей и гостей города к культурному и историческому наследию Санкт-Петербурга. Именно восстановление исторических данных — дифференцирующая наш проект “отстройка” от конкурентов. Целью проекта является рассказ жителям и гостям Санкт-Петербурга об архитектурной истории города через балльную и литературную культуру, а задачами проекта — создание портала истории дворцов; подготовка целевой аудитории к балльной культуре, что включает обучение истории танца, костюма, этикета, знакомство с архитектурой дворца; проведение аутентичных балов с учетом истории каждого дворца; воссоздание литературных гостиных».

Данный проект — постановочный, театральный — соответствует духу города, как его описал Ю. М. Лотман [4].

Требования ЮНЕСКО к таким качественным показателям наследия, как творческий потенциал, духовная реализация, знания и красота, счастье аудитории, аутентичное восприятие, на наш взгляд, могут найти свою реализацию в социальных проектах подобного типа.

Опрос аудитории

Чтобы выяснить интерес и мотивации современных людей к такому мероприятию, как бал, нами был проведен опрос в социальной сети «ВКонтакте» с сентября по октябрь 2017 г.¹ Опрос проведен в двух группах современных российских писательниц, что характеризует аудиторию, как имеющую интерес к литературе, культуре, истории и духовному поиску. Всего в опросе приняло участие 872 человека, из них 70 мужчин и 802 девушки (643 человека из России, почти половина из которых из Санкт-Петербурга, и 227 человек из других стран). Опрос был закрытым, т.е. были предложены варианты ответов, и состоял из одного вопроса в форме кейса: «Представьте, что Вас пригласили на бал. Ваши действия?» Далее были предложены варианты ответов, составленные согласно психологии мотивации и с учетом имеющихся в сети опросов подобного типа.

Наибольшее количество респондентов избрало вариант: «Бал — это же волшебное, поэтому я приму приглашение!». Этот ответ показывает интерес к бальной культуре у современного человека, но в то же время бал воспринимается как нечто нереальное, идеальное, на грани волшебного, того, что может не существовать в настоящее время, а забыто далеко в прошлом. С одной стороны, это область фантазии, мечты, романтики — иррациональных желаний бессознательного, с другой — это желание праздника, как особого времени нереальных ролей (карнавальных — по М. М. Бахтину), которые позволяют побывать в разных игровых пространствах, образах, таким образом снимая фиксацию на заботах, и восстанавливая психику после социальной рутины и стресса за счет новых впечатлений.

Второе место с небольшим отрывом делят варианты «Соглашусь, говорят, там прекрасные фуршеты» и «Соглашусь... вдруг познакомлюсь там с лордом (или леди)?», причем интересно заметить, что данные варианты выбрала и вся мужская аудитория.

Фуршеты и еда — мотив, на котором стали фокусироваться в бальных афишах (которые также были исследованы при подготовке к реконструкции и о которых мы скажем далее) на рубеже XIX–XX вв. История XX в. России — история лишений и голода на многих этапах, — возможно, в современных ответах данная мотивация — это отголосок желания халявной еды. Управление впечатлением на данном балу было продумано таким образом, что участники окунались в подробно срежиссированный и структурированный спектакль, в котором смена активностей, сюрпризов и угощений разнообразили действия и впечатление участников бала. Угощения были предоставлены спонсорами. Участники покупали билет и больше не платили ни за что, и это создавало ощущение отдыха, гостеприимства, заботы. Аутентичным называют то, что не связано с деньгами — отношения, искренность, забота. Опция «все включено» позволяет максимально расслабить аудиторию, и действительно, на данном балу вскоре создавалось впечатление радушного приема у друзей.

В втором ответе — про знакомство и романтическую встречу — раскрывается мотивация посещения балов, которая тянется в современный мир из далекого XIX в. Раньше балы служили способом выгодного знакомства или же местом, где соединялись в танцах сердца. Это убеждение сохранилось и по настоящее время.

Далее по убыванию шли ответы «Поеду, конечно! Я так люблю танцы...», «Откажусь! Ненавижу танцы и шум», «Откажусь, потому что мне вообще балы не нравятся... Зачем они вообще нужны?», «Откажусь. Просто откажусь». Отказывались от приглашения на бал около 50 человек из общей аудитории ответивших на опрос. Некоторые аргументировали свой отказ, считая, что, попав на бал, они и другие люди будут стесняться танцевать или же заводить знакомства, ведь они не владе-

¹ Бал «Рождественская история» 23 декабря в 16:00. Особняк Демидова https://vk.com/history_christmas

ют бальной культурой коммуникации, поэтому лучше сразу отказаться от приглашения, чем пытаться перебороть свои страхи, чувства стыда и неловкости и учиться культурным практикам наших предков.

Интересно отметить, что аудитория из других стран считает бал исключительно волшебным и ни один респондент не отказался бы от приглашения. Возможно, отказы у российских респондентов связаны с менталитетом неучастия и избегания коллективных мероприятий или непониманием данной культурной практики или просто отсутствием интереса.

В современном мире танцы на балу начинают заменять танцы в клубах, далеких от традиций бала. Кажется понятным, что пожилые люди, которым хочется танцевать, но неудобно идти на дискотеку, выбирают бальную форму танцев. Однако, как показал бал в особняке П. Н. Демидова, молодые люди от 20 до 30 лет также с интересом принимали участие в мастер-классах и подготовке к балу. Современные молодые люди считают ритуальные, построенные по сценариям с учетом традиций балы, своего рода историческим спектаклем, в котором они играют роль. Они, как на сцене в реальном времени, и это вызывает чувство эйфории, когда все участники бала правильно все отыграли и выполнили.

Почему же приглашения на данное событие многие все же не приняли? Еще одна — психологическая — гипотеза, неспособность расслабиться и побывать в той сказке, о которой так все мечтают, — данный психологический скрипт записан в сознание и подсознание европейцев через сказки и все идентичные истории массовой культуры с детства.

Более 20 человек прошли подготовку от начала до конца и оказались на рождественском балу.

Данной реконструкции практик бала — литературной гостиной, этикета, меню, сценария, танцев, нот и инструментов — предшествовало скрупулезное изучение исторических материалов и разработка сценария постановки события.

Афиши

Многие данные по балам были найдены в архивах, библиотеках, в интервью и беседах со специалистами и старожилами дворцов, но также в СМИ разных лет.

Семиотический анализ изображений афиш позволяет реконструировать не только практики, но и ценности и функции бала как коммуникативного процесса.

Бал — совершенно особенное событие в жизни человека прошлого века, культурная практика, выполнявшая многие социальные коммуникативные функции. Ю. М. Лотман отмечал функцию групповой идентификации: «Здесь реализовывалась частная жизнь дворянина: он не был ни частное лицо в частном быту, ни служивый человек на государственной службе — он был дворянин в дворянском обществе, человек своего сословия среди своих» [5].

В 1718 г. указом Петра I были учреждены ассамблеи, ставшие первыми русскими балами. Однако они выполняли функцию переговоров, нежели развлечения. Балы в Петербурге традиционно проходили в зимний сезон, начинаясь с Рождества и продолжаясь до начала Великого поста, подразделяясь на большие, средние и малые балы, а также на простые, маскарадные и публичные. Таким образом, мы видим заимствованное из Европы нововведение, социальную практику, которая рекурсивно собирала представителей высшего света для общения, переговоров, воспроизведения и культивирования привычек, выполняла функцию календаря и деления года на светский и религиозный периоды, осуществляя дифференциацию светских практик, устанавливая границы как во времени и пространстве, так и в сознании людей. Повторяющийся светский ритуал закреплял определенные культурные практики: танцев, общения, этикета, манер.

Русские балы имели особый распорядок и сценарий. Гости съезжались поздно: после шести или девяти вечера. Гостей обязательно встречал хозяин бала, и начинался самый первый, практически ритуальный танец — полонез. Танец — шествие, танец-приветствие, танец как способ представиться, показать себя, почувствовать сплоченность и синхронность. В полонезе должны были участвовать абсолютно все гости. Иногда, очень редко, полонез заменялся вальсом, тогда сам танец-шествие исполнялся в конце вечера. Далее чередовались вальсы, польки, кадрили, мазурки.

«Мазурка — это душа бала, цель влюбленных, телеграф толков и пересудов, почти провозглашение о новых свадьбах, мазурка — это два часа, высчитанные судьбой своим избранным в задаток счастья всей жизни. ... Бал обычно заканчивался многочасовым котильоном, в конце XIX века иногда заменявшимся странным танцем под названием кадрили-монстр» [5].

Особое внимание заслуживают бальные афиши, которые стали настоящим произведением искусства, потому что каждая афиша была уникальной, создавалась на каждый бал отдельно, несмотря на огромное количество балов.

Используя метод семиотического анализа визуальных материалов, рассмотрим некоторые афиши и реконструируем значимые смыслы, ведь «семиотика может быть применена к любому означающему», а семиотический анализ позволяет увидеть за текстами (включая визуальные тексты) функции и различия, действующие в культуре. Реклама (и афиша) оказывает направляющее, регулирующее воздействие на человека. Такие тексты и их послания созвучны интересам человека, символически удовлетворяют потребности даже очень высокого уровня, вызывают к ценностям, поддерживают фантазии, таким образом формируя картину мира и сознание человека [7, с. 10–11].

Анализ афиш будет производиться с опорой на семиотический метод как инструмент анализа текстов СМИ [7, с. 21].

Сохранилось достаточно много афиш балов Петербурга-Петрограда с 1895 по 1923 гг.¹ Яркие и оригинальные, исполненные в стиле модерн, они менялись со временем, все больше уступая минимализму. Уже после 1904 г. на афишах исчезли все изображения, оставляя один текст, однако исполненный все же уникальным образом.

Проанализируем несколько афиш разных лет.

Афиша бала-маскарада 26 ноября 1896 года

Афишу условно можно разделить на две большие части, равные по значению: изобразительную и текстовую.

Изображение занимает всю левую часть. На нем можно увидеть пару молодых людей, словно находящихся в стороне от бальной суматохи. Изобразительная часть демонстрирует, какой дресс-код позволителен для бала-маскарада. Платье дамы в той же цветовой категории, что и название бала.

В текстовой части небольшой блок информации, из которой целевая аудитория могла узнать формат, место и дату бала. Однако отсутствует информация о времени, о допустимом возрастном ограничении, о программе бала. Можно сделать предположение, что данное мероприятие было рассчитано на узкую и хорошо осведомленную аудиторию.

Афиша выполнена практически в одной цветовой гамме, что смотрится очень гармонично. Превалирует оттенок красного, привлекающий внимание к основным деталям, выделяя их на фоне других.

¹ Афиши балов Петербурга-Петрограда с 1895 по 1923 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43656144280/Afishi-balov-Peterburga-Petrograda-s-1895-po-1923-godyi?domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1> (дата обращения: 09.01.2018).

Шрифт используется ажурный, но типичный для XIX в. Об этом можно судить и по выпускаемым тогда газетам. В газетах форма исполнения шрифтов более классическая, а вот на афише можно отметить художественное утрирование элементов известного публике по газетам шрифта.

Афиша исполнена на двух языках: русском и французском. Здесь возникает два предположения: 1) 1896 г. — пушкинское время, когда все умели прекрасно изъясняться на французском. 2) однако, возможно, мероприятие рассчитано на международную целевую аудиторию и иностранцев, проживающих в столице.

Афиша бала-маскарада 29 ноября 1897 года

Бал проходил в том же Дворянском собрании, что и год назад.

Однако афиша претерпела значительные изменения. Теперь изображение и текст неразделимое целое, которое не могло существовать друг без друга. Текст, словно кружева, окантовывает изображение девушки, видимо, демонстрирующей дамский дресс-код: белоснежное платье, длинные перчатки; наличие веера, можно предложить, как обязательного атрибута бала; присутствуют меха. Этот образ подчеркивает имеющуюся тематику бала — «В снегах». Такое название не случайно, по данным геоинформационной системы «Метео измерения онлайн», 29 ноября 1897 г. в Санкт-Петербурге термометр показывал минусовую температуру, а также шел снег.

Текста в афише стало намного больше, что позволяет нам предположить, что увеличилась аудитория по сравнению с прошлым годом и ожидаются гости, не так хорошо знакомые с данной культурной практикой. Теперь это не постоянная, хорошая знающая все основные детали бала аудитория, а, возможно, и весь город. Однако отсутствует информация о допустимом возрасте участников. Этот бал имел благотворительный характер, о чем сообщается практически в самом верху афиши, но из-за маленького размера шрифта можно сделать вывод, что данный аспект не афишируется, хоть и выделен «полужирным». Шрифт — типичный для данного времени. Основные визуальные акценты расставлены на дате, названии и теме. Тема оформлена своеобразной окантовкой, усиливающей эффект написанного. Интересно, что использованы некоторые методы привлечения гостей, которые сегодня мы бы назвали PR-ходы: четко выделенная фраза «бесплатная лотерея», которая, несомненно, заинтересует массовую аудиторию; «призы за костюмы» — этот ход позволяет устроителям рассчитывать на обеспечение дресс-кода мероприятия, так как аудитория постарается хорошо подготовиться, удовлетворяя свою психологическую потребность в трансформации и перевоплощении, а также своего рода вуайеризму — интересу к костюмам других, данная фраза также заставит думать о мероприятии, чтобы постараться оказаться лучше других; «число билетов ограничено», — такая фраза придает эффект эксклюзивности и возбуждает азияж и соревнование, чтобы каждый купил билет быстрее других. На афише можно увидеть и цену за билет, для мужчин и женщин она отличается, цена для женщин на 5 рублей дешевле. Современные балы часто предлагают одинаковые цены, так как на танцы ходят больше женщины.

В афише использовано всего три цвета: белый — демонстрирующий тематику бала, черный — цвет основного шрифта и красный, заполняющий практически все пространство. Психология цвета говорит о красном, как о цвете огня, цвете, который привлекает к себе повышенное внимание. Зная значение этого цвета, сложно предположить, что же автор афиши хотел сказать: привлечь мужчин, вызвать дух соревновательности, апеллировать к силе, что сподвигнет к жертвованиям и позволит достичь целей благотворительности бала?

Если сравнивать две афиши с разницей в один год, то можно выделить некоторые закономерности:

Бал 26 ноября 1896 г. проходил для узкой аудитории, имеющий знание об этом бале, поэтому информация на афише практически отсутствовала. Этот бал выполнял социальную функцию идентичности группы.

Бал 29 ноября 1897 г. выполнял больше социальных функций: это уже не просто бал-маскарад, а благотворительный бал, бал с конкурсами и акциями, ориентированный на широкую аудиторию горожан. Однако на первый план выдвигается удовлетворение таких психологических потребностей, как развлечение и отдых.

Балы в дворянском собрании проходили регулярно, о чем можно судить не только из документов и литературы, но и по обилию афиш. Последний русский костюмированный бал прошел в 1903 г. Мы наблюдаем стойкий интерес населения города к балам в конце XIX и начале XX вв.

После 1911 г. произошло значительное изменение в оформлении афиш: текст вытеснил изображения — стиль модерн потихоньку сменяется конструктивизмом. Эти афиши состояли из набора информационных посланий, описывающих сценарий бала. Теперь это не художественные произведения, а скорее рекламные сообщения, привлекающие людей, любивших потанцевать и даже поесть. Однако имеется преемственность с балами Имперского Петербурга — сохранилось время бала: с 11 вечера и до утра, цены на билеты не были повышены (в районе 5 руб.), но прибавилось информации о мероприятиях, конкурсах, акциях, лотереях и призах, что является маркерами капиталистического видения и приближения новой экономической политики.

В XXI в. интерес к балам не пропал, а афиши, благодаря высоким технологиям, стали гораздо ярче. Снова изображение вышло на первый план, заменяя текстовое сообщение. Современные афиши не рисуются, а создаются в специальных компьютерных программах. В качестве фоновых изображений обычно используются кадры из знаменитых фильмов и мультфильмов.

На афишах XXI в. не всегда можно увидеть дресс-код бала и сценарий вечера, как это было на протяжении всей бальной традиции города. Время начала балов сдвинулось на вечер в зависимости от возраста аудитории.

Реконструкция

Бал был тщательно продуман как ивент-мероприятие и организован как моно-событие. Бал удался — имел коммерческий спрос и успех.

Для ивент-мероприятия была создана группа в социальных сетях, разработан фирменный стиль, включающий в себя: фирменный цвет, логотип, основной слоган.

На первом этапе проекта необходимо было привлечь внимание целевой аудитории. Рекламирование осуществлялось в наиболее популярных социальных сетях, где и обитает большинство целевой аудитории. Также здесь организаторы искали партнеров, оказывающих информационную поддержку, сработало и «сарафанное радио».

Привлекались партнеры и спонсоры, билеты на мероприятия продавались по доступным ценам для целевой аудитории.

Одним из важных этапов при подготовке к балам — это обучение целевой аудитории именно тем танцам, которые танцевались именно в данном дворце.

В настоящее время многие люди, интересующиеся мероприятием, не умеют танцевать даже вальс, которому обычно обучают еще в школе перед праздником выпускников, поэтому воссоздание танцевальной грамотности является одной из важных задач данного бала и последующих мероприятий.

На протяжении проводимых мероприятий проводилось исследование предпочтений и реакций на то или иное предложение целевой аудитории. Выявлялись интересы, выборы, вкусы, мотивации, опасения, а также информационные каналы, по которым удобнее получать информацию.

Пошаговый план первого бала

Конец июня — июль — изучение исторических фактов о бальной культуре и архитектуре города. Создание фирменного стиля проекта.

Июль — август — детальная проработка выбранных дат и эпох, подборка танцев для мастер-классов, составления списка танцев для каждого бала с педагогом и танцмейстером.

Сентябрь — начало мастер-классов и обучение танцам. Планирование в подготовке к балу:

- поиск партнеров и спонсоров;
- информационное оповещение о предстоящем мероприятии;
- поиск решений для того, чтобы рассказать жителям города об истории дворца.

Октябрь — продолжение подготовки к балу. Создание портала, начало его пополнения.

Расчет стоимости мероприятия. Стоимость билета на бал варьируется от количества людей для реконструкции (табл.).

Заинтересованные участники с сентября 2017 г. посещали в рамках подготовки к балу платные и бесплатные исторические, литературные, танцевальные мастер-классы, готовили исторические костюмы (например, как результат мастер-класса по истории вееров), делали прически.

В день бала атмосфера праздника и эпохи поддерживалась манерами ведущих и участников, чередованием активностей, которые референтно отдавали дань про-

Таблица

Необходимые участники бала

Наименование	Функции/количество/источники
Лакей	Актёр, представляющий гостей, входящих в зал
Волонтеры	Для провожания гостей в дамские и мужские комнаты; слежение за порядком
Хозяин бала (танцмейстер)	Преподаватель танцев
Актёры	Для интерактивных сцен: «История дворца»
Музыканты	1
Ресторан для банкетов	(Партнёры) организация фуршета
Чайная комната	(Партнёры) воссоздание чайных комнат перед балом
Шампанское	(Партнёры)
Костюмы (макияж/прически)	(Партнёры)
Фотограф	2
Видеооператор	1
Билеты	Печать билетов под исторический стиль
Программки	Небольшие книжечки со списком танцев, историй дворца
Реклама	Информационные партнёры

шлому, культуре Имперской России. Танцы — всего 14 танцев — чередовались историческими ремарками, историями, пояснениями смысла танцевальных па, рекламными паузами, дегустациями, фуршетом, экскурсией по дворцу, фотосессиями, викторинами. Аудитория — в основном женщины и мужчины 40–50 и старше лет, — согласно опросам, выбирает исторические реконструкции как уникальные и аутентичные впечатления в поисках спасения от торговых центров, заправок, массовой культуры, от ТВ шоу и соцсетей: «подготовка к балу придает вдохновение и возбуждает интерес к эпохе», «интеллигентному человеку интересно окунуться в историю, соотнести сразу много тем и впечатлений: данные из книг и фильмов, историю танца, одежды, архитектуры, города», «физическое участие в танцах, узнавание смысла элементов танца и коммуникация с партнером представляют собой особенный, длящийся, не однодневный опыт общения», «людям за 30 и старше просто пойти на дискотеку не интересно, а танцевать хочется, хочется наряжаться и взаимодействовать с другими людьми».

Бал апеллирует сразу к двум глубинным психологическим драйвам — это поиск романтики ушедшей эпохи, воссоединение с культурой и идентичностью петербуржца, поиск собственного опыта переживания и понимания исторических практик, а также это глубоко укоренившийся европейский нарратив — сказка про Золушку, которая являет собой архетип чудесного преобразования, обещающая обновление социального статуса вследствие встречи с незнакомыми людьми на балу.

Мы рассмотрели психологические мотивы, а также социологические функции балов в Санкт-Петербурге, которые со времен их привития на нашей земле имеют коммуникативную функцию, прежде всего, позволяя общаться на близком расстоянии, не нарушая приличия. Балы служили функции групповой идентичности, что подразумевает сплочение со своими и дифференциацию от других, например, по уровню образования. Капиталистические веяния конца XIX — нач. XX вв. делают балы открытыми для разных групп и сословий, поскольку стали средством зарабатывания и привлечения денег, центрами развлечения и анимации, — балы становятся площадкой и субъектом PR деятельности.

Реализованный в 2017 г. проект бала в особняке П. Н. Демидова в первую очередь направлен на популяризацию истории архитектуры и объектов культурного наследия Санкт-Петербурга. Через воссоздание бальной культуры появилась возможность в доступной и познавательной форме рассказать историю уклада жизни дворянства XX в., через интерактивные практики, которые являются подлинными, осмысленными, осознанными впечатлениями и согласно экономике впечатлений, навсегда останутся в сердцах и умах людей. Такие яркие и аутентичные впечатления и стопроцентные восторженные отклики участников, безусловно, относятся к концепциям социальной устойчивости и благополучия ЮНЕСКО¹.

Реконструкция на базе скрупулезного изучения балов конкретных дворцов Санкт-Петербурга, дискурса эпохи, как нам представляется, позволит возродить культуру балов и заново осмыслить коммуникативные функции данной культурной практики, которая является нематериальным наследием города и соответствует качественным критериям в требованиях ЮНЕСКО к объектам всемирного наследия, и будет способствовать его популяризации как среди россиян, так и за рубежом.

¹ ЮНЕСКО. Управление объектами Всемирного культурного наследия: Информ. руководство. Париж, 2013. 322 с. [Электронный ресурс]. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/17_12_2014_1.pdf (дата обращения: 09.01.2018).

Литература

1. Гилмор Д., Пайн Д. Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена. М. : Вильямс, 2005.
2. Гофман И. Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации собраний // Социология власти. 2014. № 2. С. 219–228.
3. Голёнок В. В., Киселев В. Н., Сосновская А. М. Научный Петербург. Взгляд молодежи // Управленческое консультирование. 2017. № 2. С. 65–78.
4. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб. : Искусство–СПб, 2002. С. 270–280.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
6. Маскаев А. И., Чикарова Г. И. Городское пространство и профессиональная идентичность // Город, социум, среда: история и векторы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 2017.
7. Сосновская А. М. Семиотика и семантика рекламы и связей с общественностью. СПб., 2013.
8. Yoon J. A conceptual model for city branding based on semiotics. Brunel University, 2010.

Об авторах:

Сосновская Анна Михайловна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук, доцент, anna12012007@yandex.ru

Маслеева Виктория Валерьевна, студент 4-го курса факультета социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

References

1. Gilmore J., Pine J. The Experience Economy: Work Is Theater and Every Business a Stage. M. : Williams, 2005. (In rus)
2. Goffman E. Behavior in Public Place: Notes on the Social Organization of Gatherings // Sociology of the power [Sotsiologiya vlasti]. 2014. N 2. P. 219–228. (In rus)
3. Golyonko V. V., Kiselev V. N., Sosnovskaya A. M. Scientific St. Petersburg. Youth look // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 2. P. 65–78. (In rus)
4. Lotman Yu. M. Symbolics of St. Petersburg and problem of semiotics of the city // History and typology of the Russian culture. SPb. : Art SPb, 2002. P. 270–280. (In rus)
5. Lotman Yu. M. Conversations about the Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII — the beginning of the 19th century). SPb., 1994. (In rus)
6. Maskaeve A. I., Chikarova G. I. City space and professional identity // City, society, environment: history and vectors of development [Gorod, sotsium, sreda: istoriya i vektory razvitiya]. Materials of the Russian scientific and practical conference. Nizhny Tagil, 2017. (In rus)
7. Sosnovskaya A. M. Semiotics and semantics of advertizing and public relations. SPb., 2013. (In rus)
8. Yoon J. A conceptual model for city branding based on semiotics. Brunel University, 2010.

About the authors:

Anna M. Sosnovskaya, Associate Professor of the Chair of Social Technology of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology, Associate Professor, anna12012007@yandex.ru

Victoria V. Masleeva, 4th Year Student of the Faculty of Social Technologies of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation)

Стратегия США в Центрально-Азиатском регионе

Рыбкин Р. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; ronald.rybkin@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью работы является комплексное рассмотрение стратегии США в Центрально-Азиатском регионе в период после 1991 года. В работе рассматриваются следующие вопросы: анализ геополитической роли Центральной Азии для США, анализ военной активности США в Центральной Азии, анализ динамики политической активности США в Центральной Азии. Особое внимание уделено изменениям стратегии США в регионе с течением времени. Также уделено внимание ближайшим перспективам развития политики США в Центрально-Азиатском регионе в связи с приоритетами, заявленными новым президентом США.

Ключевые слова: Центральная Азия, США, Россия, стратегия, интересы, влияние

The US Strategy in the Central Asian Region

Rybkin R. Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; ronald.rybkin@mail.ru

ABSTRACT

This article examines the US strategy in the Central Asian region, in the post-Soviet period. Particular attention is paid to the changes in the US strategy in the region over time. I also paid attention to the immediate prospects for the development of US policy in the Central Asian region in connection with the priorities announced by the new US president.

Keywords: Central Asia, USA, Russia, strategy, interests, influence

Центрально-Азиатским регионом в последние десятилетия называются, в узком смысле, четыре бывшие советские республики — Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Ранее, во времена СССР, этот регион назывался Средней Азией (Центральной Азией в отечественной литературе тогда называли северо-западные районы Китая, включая иногда и Монголию). Часто в понятие Центральной Азии, в широком смысле, входит и Казахстан; в американской литературе известно понятие Большой Центральной Азии. В это понятие включается, помимо собственно Центральной Азии, также Афганистан и иногда прилегающие регионы других стран за исключением, конечно, России, Ирана и Китая, т. е. стран, ведущих собственную политику и не всегда учитывающих интересы США.

Стратегическая важность региона Центральной Азии следует из самого его названия — этот регион расположен именно в центре Азии, точнее даже можно сказать — в центре Евразии, между важнейшими культурными и политическими системами континента — Россией (и далее Европой), Ираном (и далее — Ближним Востоком), Индией и Китаем. Это — «ось» или «хартленд». Контроль над этим регионом дает контроль над кратчайшими сухопутными коммуникациями между названными системами, что обеспечивает важнейшие экономические, политические, и, в крайнем случае, военные преимущества.

С другой стороны, центрально-азиатское положение имеет и несомненный недостаток — отрыв от моря, от морских коммуникаций, что выключило регион из системы мировых экономических и политических процессов в эпоху промышленной революции и привело к экономическому отставанию и политической слабости народов региона в XVIII–XIX столетиях. К этому времени регион стал не субъектом, а объектом мировой политики, предметом соперничества двух стран, которые имели политические и экономические интересы в Центральной Азии — России и Великобритании. Экспансия Великобритании шла с юга, экспансия России — с севера. Соперничество России и Великобритании в Евразии в XIX — начале XX вв. некоторые авторы традиционно называют «Большой игрой» (The Great Game).

В последней четверти позапрошлого века сформировались линии продвижения обеих стран — для Великобритании это была северная граница Индии (Пакистана), для России — южная граница Российской империи и СССР с Афганистаном между ними в качестве некой нейтральной и непокорной ни Великобритании, ни России территории. Тогда и сформировалось геополитическое понятие Средней Азии (ранее — Туркестана) как части Центральной Азии, находящейся в пределах России-СССР. В пределах СССР были созданы современные центрально-азиатские государства.

Ранее на этой территории существовал сложный комплекс государственных, полугосударственных и племенных образований. В СССР на их месте создали пять национальных государств (в форме союзных республик) и провели между ними границы, примерно по линиям преимущественного расселения пяти основных народов Туркестана — казахов, киргизов, таджиков, узбеков и туркмен. Хотя, конечно, население там достаточно перемешано, поэтому каждое из этих новых государств оказалось в той или иной степени многонациональным, что создает почву для внутренних и пограничных конфликтов.

После ряда территориальных и административных преобразований, Туркменская ССР была создана в 1924 г., Таджикская ССР — в 1929 г., Казахская и Киргизская ССР — в 1936 г., наследниками этих республик СССР в тех же границах являются современные центрально-азиатские государства. Помимо национальных территорий, они получили систему государственного управления, систему экономики и, что немаловажно, собственные письменности (до революции среднеазиатские народы своей письменности не знали).

До распада СССР речи об американской стратегии в Центрально-Азиатском регионе быть не могло, там осуществлялась стратегия только одной страны — СССР. Но после получения независимостей центрально-азиатскими республиками ситуация изменилась: независимость дала США и другим иностранным государствам возможность приступить к самостоятельной деятельности на территории Центральной Азии. «Большая игра» возобновилась с обновленным составом игроков. Отметим, что уже с 1991 г., в геополитическом смысле, Казахстан взял свой курс, сознательно и последовательно примыкая к России и в экономическом, и в политическом отношении, он тем самым определенно дистанцировался от среднеазиатских государств.

Политика США в отношении Центральной Азии в 1990-е годы предельно откровенно и несколько цинично была сформулирована З. Бжезинским. Этот автор, признавая Евразию в целом «главным геополитическим призом», собственно Центральную Азию характеризует как «евразийские Балканы» [3, с. 65], т. е. это — территория бесконечных конфликтов при отсутствии перспектив политической победы какой-нибудь одной силы. Поэтому он приходит к выводу о необходимости американского контроля прежде всего над ресурсами региона, не претендуя на установление политического доминирования, но при этом, также не допуская и российского доминирования в регионе, в русле общего принципа борьбы против России, и, что немаловажно, против Ирана и Китая, которые тоже имеют в Центральной Азии свои понятные ин-

тересы. Специалисты по этому поводу вполне логично замечали, что «американцы больше, чем влияния России, боятся роста исламского фундаментализма; вторжение Китая в данный регион тоже не соответствует интересам США» [2, с. 6].

В рамках такой политики США в 1990-е годы реализовывали сравнительно умеренную программу военного сотрудничества со странами региона, в частности, наблюдались поставки военной техники и обмен курсантами военно-учебных заведений, в том числе и в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира», к которой присоединились пять стран (Туркмения, Казахстан, Киргизия и Узбекистан в 1994 г., Таджикистан позднее — только в 2002 г.). Часть военнослужащих стран региона прошла и обучение по программе Международного военного образования и обучения (International Military Education and Training, IMET). Вершиной военного сотрудничества стало создание так называемого «Центрально-Азиатского батальона по проведению миротворческих операций» (Centrazbat).

Но перспективы активного участия США в центрально-азиатской политике уже тогда были не очень ясны. Американский специалист А. Коэн еще в 2000 г. пришел к выводу, что целью США в Центральной Азии в обозримом будущем будет организация взаимодействия и соперничества всех заинтересованных в регионе сил — России, Китая, Ирана, Турции, Пакистана, Индии с целью недопущения доминирования в регионе какой-нибудь одной силы [4, с. 35]. Тогда же в США стала формироваться и скептическая точка зрения — об отсутствии в Центральной Азии геополитических интересов США [8, с. 49].

Рост интереса к Центральной Азии в мире и в США был отмечен после 11 сентября 2001 г., когда для США стала актуальна борьба против терроризма и против исламского фундаментализма. Тогда США начали кампанию против Афганистана и стали размещать свои базы в Центральной Азии [7, с. 136]. Судьба этих баз была яркой, но недолгой.

В Узбекистане американская база разместилась в 2001 г. на бывшей советской авиабазе Карши-Ханабад, куда перевели около полутора тысяч американских военнослужащих, эскадрилью транспортной авиации и около десятка вертолетов. База спокойно работала до 2005 г., когда в Андижане случились беспорядки, послужившие поводом для (а возможно и следствием) вмешательства США во внутренние дела Узбекистана. Узбекистан в ответ предложил США ликвидировать эту базу под откровенно надуманным предлогом защиты окружающей среды. 21 ноября 2005 г. американцы освободили базу Карши-Ханабад полностью и перевели часть сил оттуда в Киргизию.

В Киргизии база США была создана тоже в 2001 г. на аэродроме Манас, неподалеку от Бишкека. Помимо ВВС США, эту базу использовали и некоторые союзники США — Франция и Испания. База была только транспортной и транзитной, боевой авиации США там не было, зато через эту базу во время активных действий коалиции в Афганистане проходило ежемесячно до 35 тыс. военнослужащих, до 500 т грузов, следующих в Афганистан и обратно. В 2008 г. власти Киргизии предложили закрыть эту базу, поскольку активные военные действия в Афганистане к тому времени были завершены, и смысл существования базы стал неясен. В 2009 г. база была преобразована в Центр транзитных перевозок, это по-прежнему объект США, но уже не военная база¹.

С другой стороны, военное присутствие России в регионе намного серьезней. В Казахстане Россия имеет несколько важных объектов, прежде всего космодром «Байконур», который используется и в военных целях; в Киргизии Россия создала военную базу Кант еще в 2003 г., в 2012 г. все военные объекты России в Кирги-

¹ Чернов А. Военное присутствие США в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://antonchernov.blogspot.ru/2012/08/blog-post.html> (дата обращения: 02.03.2017).

зии преобразованы в Объединенную российскую военную базу; в Таджикистане в 2004 г. была создана постоянная военная база России на базе дислоцированной там 201-й мотострелковой дивизии. Военные базы России в Центральной Азии отсутствуют только в Узбекистане и Туркмении.

Узбекистан, кстати, в 2012 г. вышел и из Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданной еще в 1992 г. Ныне в эту организацию входят шесть стран (Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан). В рамках ОДКБ созданы коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона, состоящие из десяти батальонов от всех стран-членов (от России — три батальона); базируются эти силы на той же базе России в Киргизии. Ежегодные международные военные учения стран ОДКБ называются «Нерушимое братство». Россия также готовит кадры для стран ОДКБ в своих военных учебных заведениях. Фактически, можно сказать, что Россия эффективно перехватила инициативы США в области военного сотрудничества и в части подготовки военных специалистов для вооруженных сил стран Центральной Азии, и в части формирования объединенных военных подразделений.

В результате изменения ситуации в мире после 2001 г. в США сформировалась уже упомянутая выше концепция «Большой Центральной Азии»¹. Автором этой идеи стал Ф. Старр, который предложил включить Афганистан в политическое понятие «Центральная Азия». Недостатком американской политики при таком подходе представляется практический принцип двухсторонних отношений США с каждой из стран Центральной Азии; было предложено формирование системы отношений США с Центрально-Азиатским регионом как единым целым, в частности, было предложено создание «Партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии» (ПБЦА). Впрочем, практического применения концепция «Большой Центральной Азии» не получила.

Новое изменение стратегии США в Центральной Азии стало заметно после 2005 г. Тогда случились переворот в Киргизии — в марте (свержение А. Акаева) и беспорядки в Андижане — в мае. Специалисты отмечают использование там явно американских технологий «цветных» революций, ставших широко известными в разных странах в последующее десятилетие [5, с. 33]. Это обстоятельство вызвало явное раздражение властей всех центрально-азиатских стран, а также России и Китая, что выразилось в резком заявлении ШОС на саммите в Астане в июле того же 2005 г., после чего и была ликвидирована военная база США в Узбекистане, а новый президент Киргизии К. Бакиев взял курс на политическое и экономическое сотрудничество с Россией [6, с. 131].

Администрация Б. Обамы, пришедшего к власти в 2009 г., предприняла попытку «перезагрузки» в отношениях с Россией, что не могло не сказаться и на стратегии США в Центральной Азии. Эта «перезагрузка» в отношениях США с Россией, на отношениях США с Центральной Азией сказалась неожиданным образом — наблюдатели образно характеризуют их, тоже с использованием компьютерной метафоры, так: «Политика США в Центральной Азии зависла». Основные интересы США в регионе были ограничены Афганистаном, а страны собственно Центральной Азии не видели и не видят до сих пор к себе никакого особого внимания со стороны США [1, с. 41].

У США в последние годы были и есть огромные проблемы в отношениях с Россией, с Китаем, с Ираном, т. е. с основными региональными (с точки зрения Центрально-Азиатского региона) силами, и эти проблемы только увеличивались. При этом и России, и Китаю, и Ирану, вполне логично, хочется в Центральной Азии

¹ Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: www.globalaffairs.ru/number/n_5459 (дата обращения: 02.03.2017).

установления мира и стабильности. Поэтому какая-то активность США в Центральной Азии, противоречащая интересам России, Китая или Ирана, могла бы только привести к дальнейшему ухудшению ситуации во внешней политике США. Вероятно, этим можно объяснить сдержанность США в Центральной Азии.

Кроме того, новый президент США демонстрирует довольно решительный пересмотр политики предыдущей администрации, и пока не вполне ясно, каковы его намерения и каковы будут его практические действия на центрально-азиатском направлении. Судя по общему характеру его заявлений, пока можно сделать предварительный вывод, что Дональд Трамп намерен сосредоточить свои усилия на внутренних проблемах и экономике США.

Рассмотрим, например, обращение президента Д. Трампа к Конгрессу США 28 февраля 2017 г.¹ Основная тема этого выступления — проблемы США, причем в первую очередь проблемы внутренние, проблемы экономические. Трамп обещает Возрождение Американского Духа (именно так, с больших букв — *Renewal of the American Spirit*); выступление вообще насыщено цветистой и метафорической лексикой.

В области внешней политики Трамп обещает, что Америка снова станет лидером и будет сильной, однако, сразу же оговаривается, что основной интерес переносится на внутренние дела. Он обращает внимание аудитории на то, что излишне активное участие США в мировых делах привело к ухудшению жизни в самих США, а защита границ чужих стран привела к ослаблению защиты границ самих США, в то время как внешние расходы делались в ущерб решению внутренних проблем. В числе проблем США, президент перечисляет, помимо прочего, следующее: «В США 94 миллиона человек не работают, 43 миллиона живут за чертой бедности, более 43 миллионов получают продуктовые талоны, и за последние восемь лет предыдущая администрация создала больше долгов, чем все остальные президенты вместе взятые». Д. Трамп характеризует ситуацию как «трагические бедствия».

Путь решения всех проблем Д. Трамп видит в перезапуске американской экономики, именно американской, мировая экономика отходит у него на второй план, а также и в том, чтобы облегчить бизнес в США и усложнить перевод бизнеса за границу. Возвращаясь к проблемам внешней политики, Трамп настаивает на американском лидерстве, однако не единовластном лидерстве, а только на основе согласия и взаимодействия с союзниками.

В этой программной речи Д. Трампа полностью отсутствует выражение какого-то интереса к Центральной Азии, упомянуты лишь Ближний Восток и Иран, упомянут и Китай, регион между Ближним Востоком и Китаем, похоже, не будет приоритетным для внешней политики США в обозримом будущем. В этой программной речи Д. Трампа полностью отсутствует и выражение какого-то интереса к России (за исключением косвенного упоминания о том, что в холодной войне коммунизм проиграл). К России зато можно отнести один из завершающих пассажей в речи Д. Трампа: «Нам нужен мир везде, где он возможен. Америка сегодня будет дружить с бывшими врагами». Если это не пустые слова, то в ближайшие годы можно ожидать отсутствия активизации политики США в регионах, где эта активность может привести к разногласиям с Россией, и, в частности, можно ожидать отсутствия активизации политики США в странах Центральной Азии.

В качестве общего вывода можно отметить, что политика США в странах Центральной Азии в последние четверть века демонстрирует ярко выраженную динамику по следующей схеме: повышение интереса, снижение интереса, отсутствие интереса. В 1990-е годы интерес США к Центральной Азии заметно вырос, хотя США не пытались установить там политического доминирования, а старались дер-

¹ President Trump's First Address to Congress [Электронный ресурс]. URL: <http://time.com/4686621/trump-congress-address-transcript/> (дата обращения: 02.03.2017).

жать под контролем ресурсы региона и вытеснить из региона Россию. Пик интереса США к региону пришелся на период 2001–2005 гг., когда США потребовались военные базы для снабжения своих сил в Афганистане. Тогда была сформирована и концепция «Большой Центральной Азии», включая Афганистан.

После 2005 г. влияние США в Центральной Азии стало уменьшаться, и интерес США к региону стал падать. С приходом к власти Б. Обамы он практически сошел на нет. Новый президент США демонстрирует довольно решительный пересмотр политики предыдущей администрации, но не в отношении Центральной Азии. Судя по всему, в обозримом будущем действия США в Центральной Азии будут очень умеренными.

Литература

1. Акимбеков С. Вечная борьба за Центральную Азию // Центр Азии. 2012. № 13–16. С. 36–43.
2. Бакаев Л. К. Казахстан в фокусе геополитики США // США: Экономика. Политика. Культура. 2012. № 8. С. 2–8.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 2010.
4. Коэн А. США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 29–50.
5. Нурғалиев М. Е. Политика США в Центральной Азии в контексте проведения антитеррористической кампании в Афганистане // Казахстан-Спектр. 2007. № 2. С. 30–36.
6. Тулепбергенова Г. Новые подходы в политике США в Центральной Азии // Евразийское сообщество. 2007. № 4 (60). С. 124–134.
7. Чжао Х. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 5 (35). С. 131–140.
8. Rasizade, A. Entering the old Great Game in Central Asia // Orbis (Philadelphia). 2003. Vol. 47. N 1. P. 41–58.

Об авторе:

Рыбкин Рональд Юрьевич, аспирант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ronald.rybkin@mail.ru

References

1. Akimbekov S. Eternal fight for Central Asia // Center of Asia [Tsentr Azii]. 2012. N 13–16. P. 36–43. (In rus)
2. Bakaev L. K. Kazakhstan in focus of geopolitics of the USA // USA: Economy. Policy. Culture [SShA: Ekonomika. Politika. Kul'tura]. 2012. N 8. P. 2–8. (In rus)
3. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. M. : International relations, 2010. 256 p. (In rus)
4. Cohen A. USA, Countries of Central Asia and Caucasus: problems and prospects of relationship // Central Asia and Caucasus [Tsentral'naya Aziya i Kavkaz]. 2000. N 2 (8). P. 29–50. (In rus)
5. Nurgaliev M. E. Policy of the USA in Central Asia in the context of holding an anti-terrorist campaign in Afghanistan // Kazakhstan Spectrum [Kazakhstan-Spektr]. 2007. N 2. P. 30–36. (In rus)
6. Tulepbergenova G. New approaches in policy of the USA in Central Asia // Eurasian community [Evraziiskoe soobshchestvo]. 2007. N 4 (60). P. 124–134. (In rus)
7. Zhao H. China, Russia, USA: interests, positions, relationship in Central Asia // Central Asia and the Caucasus [Tsentral'naya Aziya i Kavkaz]. 2004. N 5 (35). P. 131–140. (In rus)
8. Rasizade, A. Entering the old Great Game in Central Asia // Orbis (Philadelphia). 2003. Vol. 47. N 1. P. 41–58.

About the author:

Ronald Yu. Rybkin, Graduate Student of the Chair of International Relations of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); ronald.rybkin@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»;
 - ♦ после проведения научной экспертизы редакция вправе запросить две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ♦ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
- 5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ♦ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ♦ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ♦ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ♦ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой ...

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

♦ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2017. № 4(112)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.04.2018.

Подписано к печати 15.04.2018.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 15,48 . Тираж 200 экз.

Заказ № 4/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97